

КАК ДОСТИГНУТЬ ПОЗНАНИЯ ВЫСШИХ МИРОВ?

Рудольф Штайнер

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ	3
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОМУ ИЗДАНИЮ	4
ПРЕДИСЛОВИЕ К ВОСЬМОМУ ИЗДАНИЮ	5
КАК ДОСТИГНУТЬ ПОЗНАНИЯ ВЫСШИХ МИРОВ?	6
Предварительные условия	6
Внутренний покой	9
СТУПЕНИ ПОСВЯЩЕНИЯ	13
Подготовка	13
Просветление	16
Контроль мыслей и чувств	17
ПОСВЯЩЕНИЕ	22
ПРАКТИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ	26
УСЛОВИЯ УЧЕНИЧЕСТВА	30
О НЕКОТОРЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ПОСВЯЩЕНИЯ	34
ИЗМЕНЕНИЯ В ЖИЗНИ СНОВИДЕНИЙ У ДУХОВНОГО УЧЕНИКА	46
ДОСТИЖЕНИЕ НЕПРЕРЫВНОСТИ СОЗНАНИЯ	49
РАСЩЕПЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ВО ВРЕМЯ ДУХОВНОГО УЧЕНИЧЕСТВА	52
СТРАЖ ПОРОГА	56
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ. ВЕЛИКИЙ СТРАЖ ПОРОГА	59
ПОСЛЕСЛОВИЕ К ВОСЬМОМУ ИЗДАНИЮ	62

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Впервые в виде книги выходят в свет мои исследования, которые прежде были изданы в виде отдельных статей под общим заглавием «Как достигнуть познания высших миров?» В настоящем томе приведена первая часть исследований; следующий будет заключать в себе продолжение. Данной работе о развитии человека, ведущем его к постижению сверхчувственных миров, необходимо предпослать несколько сопроводительных слов. Заключающиеся в этой книге сообщения о душевном развитии человека имеют целью удовлетворить некоторым запросам. Прежде всего, необходимо

Рудольф Штайнер

дать что-нибудь людям, которые испытывают интерес к результатам духовного исследования и которые задаются вопросом: откуда же берут свои познания те люди, которые утверждают, что могут давать ответы на высокие, загадочные вопросы жизни? Духовная наука проливает свет на эти загадки. Человек, желающий наблюдать факты, приводящие к таким ответам, должен подняться к сверхчувственным познаниям. Он должен пройти тот путь, описание которого пытается дать эта книга. Однако было бы заблуждением думать, что сообщения духовной науки, не представляя собой никакой ценности для тех, кто не склонен или не может сам идти этим путем. Для того, чтобы *исследовать* факты сверхчувственных миров, нужно обладать способностью вступать в эти миры. Но поскольку они исследованы и о них сообщается, то достаточную убежденность в истинности подобных сообщений может приобрести и тот, кто сам этих миров не воспринимает. Большая часть их может быть проверена уже путем действительно беспристрастного применения к ним здоровой способности суждения. Не нужно только допускать, чтобы всевозможные предрассудки, которых так много в человеческой жизни, нарушали эту беспристрастность. Легко может случиться, например, что кто-то найдет, будто то или иное сообщение не согласуется с некоторыми результатами современной науки. В действительности же нет ни одного научного положения, которое бы входило в противоречия с духовным исследованием. Если об-

ращаться с научными данными недостаточно всесторонне и беспристрастно, то легко может *показаться*, будто то или иное научное суждение не согласуется с сообщениями о высших мирах. И мы найдем, что чем беспристрастнее мы сопоставим духовную науку именно с положительными достижениями наук, тем полнее выявится и их полное взаимное согласие. Определенная часть духовно научных сообщений, конечно, в той или иной мере ускользает от обычного рассудочного суждения. Но тот, кто поймет, что судьей над истиной может быть не один только рассудок, но и *здоровое* чувство, тот без труда сможет найти правильное отношение также и к этим сообщениям. И там, где это чувство не позволяет себе увлечься симпатией или антипатией к тому или иному мнению, но действительно непредвзято дает воздействовать на себя познаниям сверхчувственных миров, там оно сумеет вынести и соответствующее суждение. Для лиц, которые не могут или не хотят вступить на путь к сверхчувственному миру, существуют еще и другие пути, ведущие к признанию истинности этих познаний. Но и эти люди смогут ощутить, какую ценность для жизни имеют эти познания даже в том случае, если они получают их только из сообщений духовных исследователей. Сразу стать ясновидящим может не каждый, но познания ясновидящего – истинно здоровая жизненная пища для каждого. Ибо каждый может применить их к жизни. И тот, кто поступит так, вскоре поймет, чем может стать жизнь, во всех областях обогащенная ими, и чего она лишается, когда их исключают. Правильно примененные в жизни познания сверхчувственных миров оказываются не бесплодными, но в высшем смысле практическими. Но если кто-либо и не желает вступить на путь высшего познания сам, то, при некотором интересе к наблюдаемым на этом пути фактам, у него, тем не менее, может возникнуть вопрос: как приходит к этим фактам ясновидящий? Данная книга хотела бы дать тем, кто интересуется этим вопросом, картину того, что необходимо предпринять, чтобы действительно ознакомиться со сверхчувственным миром. Она хотела бы описать путь в этот мир таким образом, чтобы и не идущий этим путем человек мог приобрести доверие к словам того, кто уже прошел его. Ведь, ознакомившись с тем, что совершает при этом духовный исследователь, можно Признать путь его верным и сказать себе: «Описание пути в высшие миры производит на меня такое впечатление, что я могу понять, почему сообщаемые факты кажутся мне убедительными». Итак, эта книга должна послужить тем, кто хочет укрепиться и утвердиться в своем чувстве и ощущении сверхчувственного мира. Но она хотела бы

также предложить нечто и тем, кто сам ищет путь к сверхчувственным познаниям. Лучше всего сможет испытать истину всего изложенного здесь тот, кто претворит ее в себе. Человеку, имеющему подобное намерение, будет полезно постоянно напоминать себе, что при описании душевного развития необходимо нечто большее, чем простое ознакомление с содержанием, как это обычно имеет место при исследованиях другого рода. Необходимо интимно вжиться в это описание; нужно принять в качестве предпосылки, что к пониманию *какой-либо* вещи приходят не только благодаря сказанному о ней самой, но и благодаря тому, что сообщается о совершенно иных вещах. Таким образом, человек получит представление о том, что наиболее существенное заключается не в *одной* отдельной истине, но в созвучии их всех. Тот, кто намерен выполнять упражнения, должен подумать над этим очень серьезно. Можно правильно понять упражнение и правильно выполнить его, и все же оно может оказать неверное воздействие, если не дополнить его другим упражнением, обращающим односторонность первого в душевную гармонию. Тот, кто вдумчиво прочтет эту книгу, так, что чтение станет для него как бы внутренним переживанием, тот не только ознакомится с ее содержанием, но и по ходу чтения проникнется разнообразными чувствами; благодаря этому он узнает, какой *вес* для душевного развития имеет каждое из них. Он найдет также, в какой именно форме следует ему стараться выполнять то или иное упражнение, сообразуясь со своей неповторимой индивидуальностью. Когда речь идет, как здесь, об описании тех процессов, которые должны быть *пережиты*, то оказывается необходимым все снова и снова возвращаться к содержанию; ведь убедиться в том, что многое понято нами удовлетворительно, можно лишь тогда, когда мы испытали это на практике, что позволило нам подметить некоторые тонкости, которые прежде неизбежно упускались.

Однако и те читатели, которые не намерены сами идти очерченным здесь путем, обнаружат в этой книге немало пригодного для своей внутренней жизни: жизненные правила, разъяснения тех или иных вещей, кажущихся загадочными, и т. д.

И тот, кто благодаря своему жизненному опыту многое пережил и прошел в известном отношении через посвящение жизнью, найдет, быть может, некоторое удовлетворение, встретив в общей взаимосвязи объяснение того, что прежде являлось ему в настолько разрозненной форме, что ему, возможно, не удавалось довести свои знания до удовлетворительного для него самого уровня представлений.

Берлин, 12 октября 1909 г.
Рудольф Штайнер

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОМУ ИЗДАНИЮ

Первоначальное изложение книги «Как достигнуть познания высших миров?», увидевшее свет более десяти лет тому назад, для этого нового издания было вновь проработано во всех частностях. Когда речь идет о душевных переживаниях и путях, подобных изложенным в этой книге, потребность в такой переработке возникает сама собой, поскольку изложенное здесь не может содержать в себе ни одной части, с которой душа сообщавшего не оставалась бы в тесной связи и которая не заключала бы в себе нечто еще, что продолжает и дальше работать над этой душой. И, разумеется, к этой душевной работе не могло не присоединиться стремление к достижению все большей ясности и отчетливости в данном несколько лет тому назад изложении. Из этого стремления и возникло все то, что я постарался осуществить в новом издании этой книги. Хотя все *существенные* ее разделы, все главное осталось как было, но все же в ней произведены *значительные изменения*. Во многих местах мне удалось сделать нечто для *более точной характеристики деталей*. И это казалось мне важным: если кто-нибудь захочет применить сообщенное в этой книге к своей собственной духовной жизни, то очень важно, чтобы он имел возможность более точно обозреть душевные пути, о которых здесь идет речь. При описании внутренних духовных процессов недоразумения могут возникать гораздо чаще, чем при освещении фактов физического мира. Подвижность душевной жизни, необходимость никогда не терять из виду всего ее отличия от жизни в физическом мире, а также многое другое делают вероятным возникновение подобных недоразумений. В настоящем издании я обратил внимание на те места в книге, которые могут дать повод к таким недоразумениям, и в новом изложении я постарался воспрепятствовать их возникновению.

В то время когда я писал статьи, из которых составилась данная книга, о многом приходилось говорить иначе, чем в настоящее время еще и по той причине, что тогда мне приходилось указывать на содержание всего, обнародованного мною за последние десять лет из области познания духовных миров, не так, как это можно сделать теперь, после этого обнародования. В моем «Тайноведении», в «Водительстве человека и человечества», в «Пути к самопознанию» и, особенно, в «Пороге духовного мира», а также в других моих трудах описаны духовные процессы, на существование которых эта книга уже указывала более десяти лет тому назад, однако не в тех словах, которые кажутся верными сегодня. О многом, в то время еще не приведенном в этой книге, я должен был сказать, что это может быть сообщено только путем «устной передачи». В настоящее же время *многое* из того, что подразумевалось тогда под этими указа-

ниями, обнародовано. И, быть может, именно эти указания стали причиной того, что возможность возникновения у читателей ошибочных мнений не была полностью исключена. В *личном* отношении духовного ученика к тому или иному учителю могли поэтому усмотреть нечто более существенное, чем следовало бы. Я надеюсь, что в новом издании, благодаря иному способу изложения некоторых деталей, мне удалось более резко подчеркнуть, что в современных условиях духовной жизни для человека, ищущего духовного ученичества, более важным является совершенно *непосредственное* отношение к объективному духовному миру, чем к личности учителя. И в духовном обучении учитель все больше и больше будет занимать место такого же помощника, какое занимает, согласно новейшим представлениям, наставник в любой другой области знания. Я, как мне кажется, достаточно определенно отметил, что в духовном ученичестве авторитет учителя и вера в него не должны играть иной роли, чем в любой другой области знания и жизни. Мне кажется чрезвычайно важным, чтобы именно об этом отношении духовного исследователя к людям, интересующимся результатами его исследований, судили все более правильно. Таким образом, я надеюсь, что исправил эту книгу там, где десять лет спустя мне удалось найти места, нуждающиеся в исправлении.

За этой первой частью должна последовать вторая. Она содержит в себе дальнейшие разъяснения душевного строя, приводящего человека к переживанию высших миров.

Новое издание этой книги было уже подготовлено, когда началась великая война, которую переживает теперь человечество. Мне приходится писать это предисловие с глубоким волнением в душе, вызванным роковым событием.

Берлин, 7 сентября 1914 г.
Рудольф Штайнер

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВОСЬМОМУ ИЗДАНИЮ

При повторной переработке этого издания я посчитал необходимым внести в книгу лишь незначительные изменения. В то же время я дополнил это издание «Послесловием», в котором мои усилия были направлены на то, чтобы с большей ясностью суметь осветить вопросы, касающиеся душевных основ, на которые сообщения настоящей книги должны опираться таким образом, чтобы не оказаться воспринятыми превратно. Я полагаю, что содержание послесловия может быть полезным и для разъяснения иным противникам антропософской духовной науки того, что они держатся своих суждений, лишь поскольку под духовной наукой им представляется нечто, существенно отличающееся от того, чем она является в действительности; что же она есть на самом деле – им это совершенно неизвестно.

Май 1918 г.
Рудольф Штайнер

КАК ДОСТИГНУТЬ ПОЗНАНИЯ ВЫСШИХ МИРОВ?

Предварительные условия

В *каждом* человеке дремлют способности, при помощи которых он может приобрести познания о высших мирах. Мистик, гностик, теософ всегда говорили о мирах души и духа, столь же действительных для них, как и тот мир, который можно видеть физическими глазами, осязать физическими руками. Слушающий их в каждое мгновение вправе сказать себе: то, о чем они говорят, я также смогу познать, если разовью в себе некоторые силы, которые сегодня во мне еще дремлют. Следовательно, речь может идти лишь о том, как приступить к развитию в себе этих способностей. Наставление к этому могут дать только те, кто уже обладает в себе этими силами. С тех пор как существует род человеческий, всегда существовали и школы, где люди, обладающие высшими способностями, давали наставления искавшим эти способности. Такие школы называются *сокровенными школами*, а обучение, которое дается в них, называется тайноведческим, или оккультным обучением. Такое название, естественно, вызывает недоразумение. При знакомстве с ним легко может сложиться мнение, что люди, причастные к деятельности таких школ, хотят изобразить собою какой-то особенно привилегированный класс людей, умышленно скрывающий свое знание от ближних. Здесь можно также предположить, что за этим знанием вообще не кроется ничего значительного. Ибо если бы оно было истинным знанием – так иногда склонны думать, – то незачем было бы делать из него тайну: можно было бы сообщить его открыто и сделать его преимущества доступными для всех.

Посвященные в природу тайного знания нисколько не удивляются тому, что непосвященные мыслят таким образом. В чем состоит тайна посвящения – это может понять лишь тот, кто в известной степени сам испытал это посвящение в высшие тайны бытия. Но здесь можно спросить: каким же образом у непосвященного может вообще возникнуть при подобных условиях какой-либо человеческий интерес к так называемому тайному знанию? Как и почему станет он искать нечто, о природе чего он не может составить себе никакого представления? Но уже в самой основе такого вопроса лежит совершенно ошибочное представление о сущности тайного знания. Ибо в действительности с тайным знанием дело обстоит не иначе, чем со всяким другим человеческим знанием и умением. Для обычного человека это тайное знание является тайной совершенно в том же смысле, в каком умение писать является тайной для того, кто ему не обучался. И как научиться письму может каждый, кто изберет для этого правильный способ, так и учеником или даже учителем тайноведения может сделаться каждый, кто найдет для этого соответствующий путь. Только в одном отношении условия здесь будут иными, нежели при усвоении внешних знаний и навыков. Человек по причине бедности или в силу культурных условий, в которых он родился, может быть лишен возможности научиться письму; но для тех, кто серьезно ищет знаний и умений в высших мирах, не существует никаких препятствий.

Многие полагают, что нужно непременно пуститься на поиски учителей высшего знания с тем, чтобы получить у них разъяснения. Здесь, однако, следует учесть две вещи. Во-первых, тот, кто серьезно стремится к высшему знанию, не побойтся никаких трудностей и препятствий, чтобы найти посвященного, который сможет ввести его в высшие тайны мира. Но, с другой стороны, каждый может быть уверен и в том, что посвящение найдет его при любых обстоятельствах, если только в нем живет серьезное и достойное стремление к познанию. Ибо существует естественный закон для всех посвященных, обязывающий их не закрывать ни одному человеку доступа к подобающему ему знанию. Но есть и другой, столь же естественный закон, гласящий, что никому не следует выдавать что-либо из тайного знания, если он к тому не призван. И посвященный тем совершеннее, чем строже он соблюдает оба эти закона. Духовная связь, охватывающая посвященных, это связь не внешняя, но оба упомянутых закона образуют прочные скрепы, связующие всех входящих в состав этого союза. Ты можешь жить в тесной дружбе с посвященным, и все же ты до тех пор будешь далек от него, пока не станешь посвященным сам. Ты можешь в полной мере пользоваться расположением и любовью посвященного, но свою тайну он доверит тебе только тогда, когда ты будешь подготовлен к ней. Ты можешь льстить ему или подвергать его пытке: ничто не заставит его выдать тебе что-либо из того, что, как он знает, не должно быть тебе выдано, ибо на этой ступени твоего развития ты еще не умеешь правильно воспринять душой эту тайну.

Пути, делающие человека зрелым для принятия тайны, предуказаны совершенно точно. Их направление неугасимы, вечными буквами предначертано в духовных мирах, где посвященные хранят высшие тайны. В древние времена, предшествовавшие нашей «истории», храмы Духа были видимы также и внешне; теперь же, когда жизнь стала столь

бездуховной, их нет больше в мире, видимом для внешнего глаза. Но духовно они присутствуют везде, и каждый ищущий может найти их.

Только в своей собственной душе может человек найти средства, открывающие для него уста посвященных. Он должен развить в себе до определенной высокой степени некоторые качества, и тогда им могут быть обретены высочайшие духовные сокровища.

Началом должен послужить определенный основной настрой души. Тайновед называет этот основной настрой *путем почитания*, благоговения перед истиной и познанием. Только тот, кто обладает им, может стать учеником тайноведения. Человек, опытный в этой области, знает, какие наклонности заметны уже в детстве у людей, становящихся позднее учениками тайноведения. Есть дети, которые со священным трепетом относятся к некоторым почитаемым ими людям. Они испытывают перед ними благоговение, не дающее возникнуть какой-либо мысли о критике или возражении. Такие дети вырастают в юношей и девушек, способных испытывать радость, если они могут взирать на нечто, достойное преклонения. Из числа таких детей выходит много учеников тайноведения. Если ты когда-нибудь стоял перед дверью дома почитаемого тобою человека и испытывал при этом первом посещении священный трепет перед тем как нажать на ручку двери и вступить в комнату, которая являлась для тебя «святылицем», то это чувство, проявившееся в тебе в то время, может стать зачатком твоего дальнейшего духовного ученичества. Нести в себе с юности задатки подобных чувств – счастье для каждого человека. Не нужно только думать, что эти задатки приведут впоследствии к подчинению или рабству. Детское почитание к людям станет позднее почитанием *истины и познания*. Опыт учит, что держать голову прямо лучше всего умеет тот, кто научился почитать там, где почитание уместно. А уместно оно везде, где оно возникает из глубины сердца.

Если мы не разовьем в себе глубоко коренящегося чувства, что существует нечто, что выше нас, то мы не найдем в себе также и силы развиваться вверх, к высшему. Лишь призвав свое сердце к глубинам благоговения и почитания, посвященный обретает силу поднять голову к высям познания. Только пройдя через врата смирения, можно достичь высот Духа. Настоящего знания ты можешь достичь, лишь научившись ценить это знание. Человек, несомненно, вправе открыть глаза навстречу свету; но он должен завоевать себе это право. В духовной жизни, как и в материальной, существуют законы. Натрите стеклянную палочку соответствующим веществом, и она наэлектризуется, то есть получает силу притягивать мелкие предметы. Это соответствует закону природы. Кто хоть немного знаком с физикой – знает это. И точно так же любой человек, знакомый с основными началами тайноведения, знает, что каждое развиваемое в душе чувство *истинного* благоговения пробуждает силу, которая рано или поздно сможет продвинуть нас в познании.

Кто обладает склонностью к благоговейным чувствам или кто имел счастье взрастить их в себе благодаря соответствующему воспитанию, тот несет с собой много благоприятных условий для нахождения в дальнейшей жизни доступа к высшим познаниям. Для того же, кто не имеет подобной подготовки, уже на первой ступени пути познания возникнет немало затруднений, если он посредством самовоспитания не станет настойчиво вызывать в себе благоговейный настрой. В наше время крайне важно отнестись к этому с предельным вниманием. Наша цивилизация более склонна к критицизму, порицанию и осуждению, чем к благоговению и искреннему почитанию. У нас даже дети куда больше расположены к критике, чем к глубокому почитанию. Но всякая критика, всякое осуждение настолько же разрушает силы души, направленные к высшему познанию, насколько самоотверженное почитание их развивает. Сказанное отнюдь не следует воспринимать как упрек нашей цивилизации. Речь идет здесь вовсе не о том, чтобы критиковать нашу цивилизацию. Именно критике, сознательному человеческому суждению и словам: «все испытайте и лучшее сохраните» мы обязаны величием нашей культуры. Никогда человек не достиг бы науки, промышленности, средств сообщения, правовых отношений нашего времени, если бы он повсеместно не применял критики, если бы он не прилагал ко всему мерил своего суждения. Но выигранное нами таким образом во внешней культуре мы должны были оплатить соответствующим ущербом в *высшем* познании, в спиритуальной жизни. Следует подчеркнуть, что в высшем познании речь идет о преклонении *не* перед людьми, а перед *истиной и познанием*.

Однако каждый должен уяснить себе, что человеку, совершенно погруженному в материалистическую цивилизацию наших дней, очень трудно пробиться к познанию высших миров. Он может достичь этого лишь благодаря настойчивой работе над собой. В те времена, когда условия материальной жизни были проще, был легче достигим и духовный подъем. Все достойное преклонения и почитаемое священным тогда значительно возвышалось над другими мирскими отношениями. В критический век идеалы обесцениваются. Другие чувства заступают на место преклонения, благоговения, почитания и удивления. Наша эпоха все больше теснит эти чувства, так что повседневная жизнь лишь в незначительной степени приводит человека к соприкосновению с ними. Ищущий высшего познания должен взрастить их в себе. Он должен сам вливать их в свою душу. Этого нельзя достигнуть путем изучения. Это можно сделать только путем жизни. Поэтому желающий стать учеником тайноведения должен настойчиво воспитывать в себе способность к благоговейному настрою. Он должен повсюду в своем окружении, в своих переживаниях целенаправленно искать то, что может вызвать в нем восхищение и уважение. Если, встречаясь с человеком, я осуждаю его слабости, то этим я похищаю у себя высшую силу познания: но если я стараюсь любовно углубиться в его достоинства, я накапливаю эту силу. Ученик тайноведения должен постоянно помнить о необходимости следовать этому указанию. Опытные тайноведы знают, какой силой они обязаны тому обстоятельству, что постоянно и во всем они обращают внимание на доброе и

удерживают себя от порицающего суждения. Но это не должно оставаться только внешним жизненным правилом. Это должно овладеть глубинами нашей души. Будет ли человек совершенствоваться, чтобы со временем совершенно преобразить себя, – всецело зависит от него самого. Но это изменение должно совершаться во внутреннем существе его, в жизни его мыслей. Недостаточно, чтобы я внешне, своим поведением выказывал кому-либо уважение. Я должен нести это уважение в своих мыслях. Ученик должен начать с принятия благоговения в жизнь своих мыслей. Он должен обращать внимание на неуважительные, порицающие мысли в своем сознании. Ему нужно прямо-таки стремиться к воспитанию в себе благоговейных мыслей.

Каждое мгновение, когда мы пытаемся осознать, сколько в нас таится отрицательных, порицающих, критических суждений о мире и жизни, – каждое такое мгновение приближает нас к высшему познанию. И мы быстро поднимаемся вверх, если в эти мгновения наполняем наше сознание только теми мыслями, которые вызывают в нас удивление, почитание, уважение перед миром и жизнью. Тот, у кого есть опыт в этих вещах, знает, что в каждое подобное мгновение в человеке пробуждаются силы, которые иначе остаются дремлющими. *Благодаря* этому у человека раскрываются духовные очи. Он начинает видеть вокруг себя вещи, которых он не мог видеть раньше. Он начинает понимать, что прежде он видел лишь часть окружающего его мира. Стоящий перед ним человек предстает в совершенно ином образе, чем прежде. Правда, благодаря соблюдению *этого* жизненного правила он пока не будет в состоянии увидеть, например, то, что описывается как человеческая аура; для этого необходимо еще более высокое обучение. Но подняться к этому высшему обучению он может только пройдя ранее через *энергичное* воспитание в себе благоговения¹.

Бесшумно и незаметно для внешнего мира происходит вступление ученика на «путь познания». Возможно никто и не заметит происходящие в нем перемены. Он исполняет свои обязанности, как и прежде; он занимается своими делами, как и до этого. Изменение происходит только во внутренней стороне его души, скрытой от внешнего глаза. Сначала вся душевная жизнь (*Gemütsleben*) человека озаряется основным настроением благоговения перед всем действительно достойным уважения. В этом *основном* чувстве сосредоточивается вся его душевная жизнь. Как солнце оживляет своими лучами все живое, так и почитание оживляет в ученике все ощущения души.

Вначале человеку нелегко бывает поверить, что такие чувства, как почитание, уважение и подобные им, имеют какое бы то ни было отношение к познанию. Это происходит оттого, что в познании склонны видеть такую способность, которая не находится ни а малейшей связи со всем тем, что обычно происходит в душе. При этом, однако, забывают, что познает ведь именно *душа*. А для души чувства являются тем же, чем являются для тела вещества, которые составляют его питание. Если телу вместо хлеба подают камень, то деятельность его прекращается. Так же обстоит дело и с душой. Преклонение, уважение, благоговение являются питательными веществами, делающими ее *здоровой*, сильной; сильной, прежде всего, в познавательной деятельности. Презрение, антипатия, недооценка чего-либо, достойного признания, приводят к ослаблению и отмиранию познавательной деятельности. Для духовного исследователя этот факт видим в *ауре* человека. Душа, принявшая в себя чувства почитания и благоговения, вызывает изменение в своей ауре. Некоторые духовные цветовые оттенки, которые можно обозначить как желто- и коричнево-красные, исчезают и заменяются сине-красными. Но тем самым раскрывается и способность познания; душа получает весть об окружающих ее фактах, о которых она прежде и не подозревала. Почитание пробуждает в душе симпатическую силу, при помощи которой нами привлекаются свойства окружающих нас существ, остающиеся иначе сокрытыми.

То, чего достигают благодаря благоговению, становится еще действеннее, когда к нему присоединяется чувство другого рода. Оно состоит в том, что человек научается все меньше и меньше отдаваться впечатлениям внешнего мира и вместо этого развивает подвижную внутреннюю жизнь. Человек, который гонится за впечатлениями внешнего мира и всегда ищет «развлечений», не найдет пути к тайноведению. Но не притуплять себя для внешнего мира должен духовный ученик; *богатая внутренняя жизнь* должна сама сообщить ему направление, на котором ему следует отдаваться внешним впечатлениям. Проходя по прекрасной горной местности, глубоко чувствующий и душевно одаренный человек переживает нечто иное, нежели человек, бедный чувством. Лишь внутренне пережитое дает нам ключ к красотам внешнего мира. Иной едет по морю и лишь немногие внутренние переживания проходят через его душу; другой же ощутит при этом вечный язык Мирового Духа; ему раскрываются таинственные загадки творения. Мы должны уметь обращаться с нашими собственными чувствами и представлениями, если хотим развить внутренне содержательное отношение к внешнему миру. Внешний мир во всех своих проявлениях исполнен Божественной Славы; но Божественное надо сначала пережить в своей душе, если хочешь найти его в окружающем. Ученику тайноведения предлагается создавать в своей жизни мгновения, когда в тишине и одиночестве он погружается в самого себя. Но не тому, что связано с его собственным «Я», должен он предаваться в эти мгновения. Это оказало бы воздействие, противоположное тому, что имеется здесь в виду. Напротив, в эти мгновения он должен дать в полной тишине отзвучать тому, что он пережил, что сказал ему внешний мир. Каждый цветок, каждое животное, каждый поступок откроют ему в эти мгновения тишины негаданные тайны. Это научит его видеть новые впечатления внешнего мира совершенно иными глазами, чем прежде. Человек, желающий только *наслаждаться* частой сменой впечатлений, притупляет свою способность

¹ Общий обзор «пути познания» можно найти в последней главе моей книги «Теософия, введение в сверхчувственное познание мира и человека». Здесь же будут приведены только некоторые частные стороны, имеющие практическое значение.

познания. Тот же, кто испытал такое наслаждение дает ему после этого *раскрыть* себе нечто, тот развивает и воспитывает свою способность познания. Но он должен приучить себя не только вызывать в себе отзвук этого наслаждения, но путем *отказа* от дальнейшего наслаждения *перерабатывать* пережитое в нем своей внутренней деятельностью. Здесь кроется исключительно опасный подводный камень. Вместо того, чтобы работать в себе самом, легко можно впасть в обратное и пожелать еще раз, пусть задним числом, до конца исчерпать наслаждение. Не следует недооценивать то обстоятельство, что здесь перед учеником открываются необозримые источники заблуждения. Ибо он должен пройти через сонмы душевных искусителей. Все они хотят сделать его «Я» черствым, замкнуть его в себе самом. А он должен раскрыть его для мира. Правда, он *должен* искать приятных впечатлений; ибо только через них подходит к нему внешний мир. Притупляя себя для наслаждения, он становится подобным растению, которое больше не может привлекать к себе из своего окружения питательных веществ. Но, останавливаясь на подобных чувственных восприятиях, он замыкается в самом себе. Он сохраняет тогда какое-то значение только для себя и никакого – для мира. Как бы ни жил он тогда в себе, как бы сильно ни развивал свое «Я» – мир выключает его из себя. Для него он мертв. Ученик рассматривает доставляющие ему *удовольствие* впечатления только как *средство* облагородить себя *для мира*. Удовольствие является для него вестником, поучающим его о мире; но после этого обучения через удовольствие он спешит дальше, к *работе*. Он учится не для того, чтобы накапливать изученное как сокровище *своего* знания, но для того, чтобы отдать его на служение миру.

Это – основной закон любой школы тайноведения, и его нельзя преступить, если мы хотим достичь какой-либо цели. Любое тайное обучение должно запечатлеть его в сознании своего ученика. Он гласит: *Каждое познание, которого ты ищешь только для обогащения твоего знания, только для того, чтобы накопить в себе сокровища, отклоняет тебя от твоего пути; но каждое познание, которого ты ищешь с тем, чтобы стать более зрелым на пути облагораживания человека и развития мира, ведет тебя вперед.* Этот закон неумолимо требует своего соблюдения. И нельзя стать учеником, прежде чем этот закон не сделался путеводной нитью жизни. Эту истину духовного ученичества можно выразить в краткой формуле: *Каждая идея, которая не становится для тебя идеалом, убивает в твоей душе некую силу; но каждая идея, ставшая идеалом, создает в тебе жизненные силы.*

Внутренний покой

На путь *благоговения* и на развитие *внутренней жизни* указывается ученику в начале его поприща. И в руководство духовная наука дает ему также *практические правила*, при соблюдении которых можно вступить на путь и развить свою внутреннюю жизнь. Эти практические правила не возникли произвольно. Они основаны на опыте и знаниях глубочайшей древности. Всюду, где указываются пути к высшему познанию, они даются одинаковым образом. Все истинные учителя духовной жизни согласны между собой относительно содержания этих правил, хотя и не всегда облачают их в одинаковые слова. Это второстепенное и, в сущности, только кажущееся различие происходит от обстоятельств, которые не подлежат здесь обсуждению.

Ни один учитель духовной жизни не использует эти правила для приобретения господства над другими людьми. Он не хочет ограничивать ничьей самостоятельности. Ибо нет лучшего ценителя и защитника человеческой самостоятельности, чем тайноведа. Было сказано (в первой главе этой книги), что связь, охватывающая собой всех посвященных, есть связь духовная и что два закона образуют скрепы, соединяющие отдельные части этого союза. Но когда посвященный из своей замкнутой духовной области выступает в открытый мир, тогда для него тотчас же вступает в силу третий закон. Он гласит: *Направляй каждый твой поступок и каждое твое слово так, чтобы не вмешаться в свободное волевое решение ни одного человека.*

Кто понял, что истинный учитель духовной жизни вполне проникнут этим настроением, тот в состоянии понять также и то, что он не утратит своей самостоятельности, последовав предлагаемым ему практическим правилам.

Одно из первых правил можно облечь приблизительно в следующие слова нашей речи: «Создавай себе мгновения внутреннего покоя и научись в эти мгновения *отличать существенное от несущественного*». Здесь сказано, что это практическое правило гласит так, будучи «облечено в слова нашей речи». Издревле все наставления и правила духовного знания даются на символическом языке знаков. И желающий познать все их значение и глубину должен сначала уразуметь этот символический язык. Для этого необходимо, чтобы ученик уже сделал первые шаги в тайноведении. И он может сделать эти шаги при точном соблюдении правил, как они здесь даны. Путь открыт *каждому*, у кого есть серьезное желание.

Это правило, касающееся мгновений внутреннего покоя, очень просто. И следовать ему тоже просто. Но к цели оно приводит только тогда, когда оно принимается настолько же *серьезно* и *строго*, насколько оно просто. Поэтому здесь будет прямо сказано, как следовать этому правилу.

Ученик должен выделить в своей повседневной жизни короткий промежуток времени, чтобы посвятить это время занятиям, отличающимся от тех, что составляют предмет его каждодневных забот. И сам образ его деятельности должен совершенно отличаться от того, которым он наполняет весь остальной день. Но это нельзя понимать так, будто

совершаемое им в этот выделенный промежуток времени не имеет никакого отношения к содержанию его каждодневной работы. Напротив: человек, *правильно* ищущий таких выделенных мгновений, скоро заметит, что только благодаря им он обретает полноту сил для выполнения своих повседневных задач. Не следует также думать, что соблюдение этого правила может действительно отнять у кого-нибудь время, отведенное для исполнения его обязанностей. *Если у кого-нибудь действительно нет больше времени*, то достаточно и *пяти минут* ежедневно. Все дело в том, как использовать эти пять минут.

На это время человек должен совершенно оторваться от своей повседневной жизни. Жизнь его мыслей и чувств должна получить другую окраску, чем какую она имеет обычно. Он должен провести перед душой свои радости, свои печали, свои заботы, свой опыт и поступки. И при этом он должен поставить себя так, чтобы смотреть на все, обычно переживаемое им, с высшей точки зрения. Вспомните только о том, как по-иному смотрят люди в обыкновенной жизни на то, что переживают и делают другие, нежели на то, что переживают или делают они сами. И это не может быть иначе. Ибо с тем, что мы переживаем или делаем сами, мы бываем тесно связаны, а переживания и поступки другого мы только *рассматриваем*. И в эти выделенные мгновения мы должны стараться смотреть на собственные переживания и поступки и судить о них так же, как если бы их переживал и делал кто-нибудь другой, а не мы сами. Представьте себе следующее: кто-то пережил тяжелый удар судьбы. Как по-разному отнесется он к этому удару судьбы и к совершенно такому же, постигнутому его ближнего! Никто не может считать это неправомерным. Такова природа человека. И совершенно так же, как в этих исключительных случаях, происходит это и в повседневных делах. Ученик должен найти в себе силу в известные мгновения относиться к самому себе как посторонний. С *внутренним спокойствием* человека, который только обсуждает, он должен выступить перед самим собой. Когда это будет достигнуто, собственные переживания явятся человеку в новом свете. Пока он остается тесно связанным с ними, пока он сам стоит среди них, до тех пор он бывает одинаково связан как с несущественным, так и с существенным. Но когда он приходит к внутреннему покою наблюдателя, существенное отделяется от несущественного. Печаль и радость, каждая мысль и каждое решение покажутся ему иными, когда он так стоит перед самим собой. Это похоже на то, как если бы мы целый день находились в каком-нибудь месте и смотрели на все, на самое малое, как и на самое большое, с одинаково близкого расстояния, а затем вечером поднялись бы на соседний холм и сразу окинули взором всю местность. Тогда части этой местности предстали бы нам в совсем других соотношениях, чем когда мы находились сами среди них. С только что пережитыми событиями, посылаемыми нам судьбой, это едва ли удастся; но относительно событий, отошедших в более далекое прошлое, ученик духовной жизни должен стремиться к достижению этого. Ценность подобных спокойных внутренних обзоров самого себя не столько в том, *что* при этом видишь, а в том, чтобы найти в себе *силу*, развиваемую подобным внутренним покоем.

Ибо каждый человек несет внутри себя, наряду со своим – назовем его так – обыденным человеком, еще и другого, *высшего человека*. Этот высший человек остается скрытым до тех пор, пока он не будет пробужден. И каждый может лишь *сам* пробудить в себе этого высшего человека. Но пока высший человек не пробужден, до тех пор остаются скрытыми также и дремлющие в каждом человеке высшие способности, ведущие к сверхчувственным познаниям.

Пока человек не ощущает плодов внутреннего покоя, он должен сказать себе, что ему надо серьезно и строго продолжать следовать этому правилу. Для каждого, кто так поступает, наступит день, когда вокруг него станет духовно светло, когда его внутреннему оку, которого он в себе раньше не знал, откроется совершенно новый мир.

Совсем не обязательно, чтобы что-то изменилось во внешней жизни духовного ученика из-за того, что он стал следовать этому правилу. Он по-прежнему исполняет свои обязанности, он терпит те же горести и переживает те же радости, как и раньше. Он отнюдь не может стать из-за этого «отчужденным» от жизни. Более того, в течение всего остального дня он может тем полнее отдаваться этой «жизни», поскольку в эти выделенные мгновения он приобретает к «высшей жизни». Мало-помалу эта «высшая жизнь» окажет свое влияние и на обыденную. Покой выделенных мгновений распространит свое действие также и на остальной день. Весь человек станет спокойнее, приобретет уверенность во всех своих действиях, не будет терять равновесия из-за всевозможных неурядиц. Постепенно такой начинающий ученик будет все больше и больше руководить собою сам и все меньше давать руководить собою обстоятельствам и внешним влияниям. Такой человек скоро заметит, каким источником силы являются для него эти выделенные им промежутки времени. Его перестанут раздражать вещи, которые раньше его раздражали; многое из того, чего он раньше боялся, перестанет внушать ему опасение. Он усвоит совершенно новый взгляд на жизнь. Прежде он, может быть, робко приступал к тому или иному делу. Он говорил себе: о, у меня не хватает сил сделать это так, как я бы этого хотел. Теперь ему больше не приходит эта мысль, но приходит совершенно иная. Отныне он говорит себе: я соберу всю мою силу, чтобы исполнить свое дело самым лучшим образом, как я только могу. И он подавляет ту мысль, которая может сделать его нерешительным. Ибо он знает, что именно нерешительность может повлечь за собой худшее исполнение его дела и во всяком случае эта нерешительность отнюдь не поможет ему сделать лучше то, что ему предстоит сделать. И таким образом в жизнепонимание ученика проникают одна за другою мысли, которые действуют плодотворно и благоприятно на его жизнь. Они заступают на место тех, которые влияли на него задерживающим и ослабляющим образом. Твердым и уверенным ходом начинает он вести свой жизненный корабль посреди волн жизни, между тем как прежде эти волны бросали его из стороны в сторону.

Этот покой и эта уверенность оказывают, в свою очередь действие и на все существо человека. Благодаря им растет внутренний человек. А вместе с ним растут те внутренние способности, которые приводят к высшим познаниям. Ибо благодаря своим, сделанным в этом направлении, успехам ученик постепенно достигает того, что он сам начинает определять, как должны влиять на него впечатления внешнего мира. Он слышит, например, какое-нибудь слово, которым некто хочет оскорбить или разгневать его. До своего ученичества он бы оскорбился или разгневался. Теперь же, вступив на путь ученичества, он в силах вырвать у слова его оскорбляющее или раздражающее жало, прежде чем оно найдет путь в него. Или вот другой пример. На путь ученичества вступает человек нетерпеливый. В минуты своего покоя он так сильно проникается чувством бесцельности всякого нетерпения, что с тех пор при каждом переживаемом им нетерпении в нем тотчас же возникает это чувство. Готовое уже вспыхнуть нетерпение исчезает, и время, которое иначе было бы потеряно на представления, вызываемые нетерпением, теперь может быть заполнено каким-нибудь полезным наблюдением, сделанным во время ожидания.

Теперь нужно представить себе все значение сказанного. Вспомним, что «высший человек» в человеке находится в непрестанном развитии. И только описанные покой и уверенность дают ему возможность закономерного развития. Волны внешней жизни со всех сторон теснят внутреннего человека, если не сам человек владеет этой жизнью, а она владеет им. Такой человек подобен растению, обреченному развиваться в расщелине скалы. Оно чахнет до тех пор, пока ему не создадут простора. Но внутреннему человеку никакие внешние силы не могут создать простора. Это может сделать только *внутренний покой*, устанавливаемый им в своей душе. Внешние обстоятельства могут изменить *только* его внешнее жизненное положение; пробудить в нем «духовного человека» они не смогут никогда. В себе самом должен ученик родить нового, высшего человека.

Этот «высший человек» становится тогда «внутренним повелителем», который уверенной рукой направляет жизненные условия внешнего человека. Пока одерживает верх и руководит внешний человек, этот «внутренний» остается его рабом и не может поэтому развернуть своих сил. Если не от меня самого, а от чего-либо другого зависит, раздражаюсь ли я или нет, то я не господин сам себе, или – лучше сказать – я еще не нашел «повелителя в себе». Я должен развить способность допускать до себя впечатления внешнего мира только мной самим определяемым образом; только тогда могу я стать учеником на пути тайноведения. И только в той мере, в какой ученик серьезно ищет этой силы, может он прийти к цели. Дело не в том, как далеко успеет он уйти за какое-нибудь определенное время, но только в том, чтобы он серьезно *искал*. Бывало, что иные годами напрягали свои силы, не видя в себе заметного успеха; но многие из тех, которые не отчаивались, а оставались непоколебимыми, потом совершенно внезапно достигали «внутренней победы».

Конечно, во многих жизненных положениях необходима большая сила, дабы создать в себе мгновения внутреннего покоя. Но чем большая требуется сила, тем значительнее и достижение. В духовном ученичестве все зависит от того, чтобы со всей энергией, с внутренней правдивостью и полной искренностью суметь предстать перед самим собой, со всеми своими действиями и поступками, как совершенно посторонний.

Но этим рождением *собственного* высшего человека характеризуется только одна сторона внутренней деятельности духовного ученика. К нему должно присоединиться еще нечто другое. Если даже человек и стоит перед самим собою как посторонний, он все же рассматривает лишь *себя самого*; он взирает на переживания и действия, с которыми он сросся благодаря именно своему жизненному положению. Он должен переступить эти пределы. Он должен возвыситься до *чисто* человеческого, не имеющего больше ничего общего с его собственным особым положением. Он должен перейти к рассмотрению таких вещей, которые все же продолжали бы касаться его как человека, даже если бы он находился в совершенно иных условиях и в другом жизненном положении. Благодаря этому в нем оживает нечто, возвышающееся над личным. Так он обращает взор к *мирам более высоким*, чем те, с которыми связывает его повседневность. И тем самым человек начинает чувствовать и переживать, что он сам принадлежит к этим высшим мирам. Это миры, о которых его чувство, его повседневные занятия ничего не могут сказать ему. Так впервые переносит он центр своего существа внутрь себя. Он прислушивается к голосам в себе, говорящим к нему в мгновения покоя; он вступает внутри себя в общение с духовным миром. Он отрешен от повседневности. Шум этой повседневности умолк для него. *Вокруг него* устанавливается тишина. Он отстраняет все то, что напоминает ему о внешних впечатлениях. Спокойная *внутренняя созерцательность*, беседа с чисто духовным миром наполняет всю его душу. Эта тихая созерцательность должна стать естественной жизненной потребностью ученика. Сначала он бывает совершенно погружен в мир мыслей. Он должен развить *живое чувство* для этой тихой деятельности мыслей. Он должен научиться *любить* то, что притекает к нему от Духа. Тогда он вскоре перестает ощущать этот мир мыслей, как нечто менее действительное, чем окружающие его повседневные вещи. Он начинает обращаться со своими мыслями так же, как с вещами в пространстве. И тогда для него приближается мгновение, когда он начинает ощущать открывающиеся ему в тишине его внутренней работы мысли как нечто гораздо более высокое и действительное, чем вещи в пространстве. Он познает, что в этом мире мыслей высказывает себя *жизнь*. Он убеждается, что в мыслях изживаются не одни только теньевые образы, но что через них говорят к нему скрытые *существа*. Из тишины начинает звучать ему речь. Прежде речь звучала ему только через его уши; теперь она звучит через его душу. Ему открылась внутренняя речь – внутреннее слово. Переживая в

первый раз это мгновение, ученик испытывает огромное блаженство. На весь его внешний мир проливается внутренний свет. Вторая жизнь начинается для него. Поток божественного, дарующего блаженство мира изливается через него.

Такая жизнь души в мыслях, которая расширяется все больше до жизни в духовном существе, называется в гнозисе, в теософии *медитацией* (созерцательным размышлением). Медитация есть средство, ведущее к сверхчувственному познанию. Однако в такие мгновения ученик не должен расплываться в чувствах. У него не должно быть в душе неопределенных ощущений. Это только помешало бы ему прийти к истинному духовному познанию. Ясно, остро, определенно должны слагаться его мысли. Он найдет для этого точку опоры, если только не будет слепо отдаваться возникающим в нем мыслям. Пусть он лучше проникнется высокими мыслями, которым предавались в подобные мгновения исполненные духа люди, уже далеко ушедшие в своем развитии. Он должен избрать своей исходной точкой писания, которые сами возникли из подобных откровений в медитации. В литературе мистической, гностической и в современной тайноведческой ученик найдет подобные писания. Они дадут ему материал для его медитации. Мудрецы человечества сами изложили в этих писаниях мысли, исполненные божественного знания; Дух возвестил их миру через своих посланников.

Благодаря такой медитации с учеником происходит полное превращение. Он начинает создавать себе совершенно новые представления о действительности. Все вещи получают для него иное значение. Но нужно еще и еще раз отметить: это превращение не отчуждает ученика от мира. Он ни в коем случае не отчуждается от круга своих ежедневных обязанностей. Ибо он научается понимать, что малейшее действие, которое ему надо выполнить, малейшее переживание, встречающееся ему на пути, стоит в связи с великими мировыми существами и мировыми событиями. И когда эта связь станет для него ясной благодаря мгновениям созерцания, он будет вступать в круг своей деятельности с новой и более полной силой. Ибо теперь он знает: все, что он делает, и все, что он терпит, совершается ради великого, духовного мирового целого. Не вялое безразличие, но *сила* для жизни вливается в него из медитации.

Уверенным шагом проходит ученик по жизни. Что бы она ему ни приносила, он продолжает твердо идти вперед. Прежде он не знал, почему он работает, почему страдает: теперь он знает это. Легко понять, что такая медитативная работа лучше приводит к цели, если она приходит под руководством опытных людей. Таких, которые по собственному опыту знают, как сделать все наилучшим образом. Поэтому следует искать совета и указаний таких людей. Человек поистине не утратит при этом своей свободы. То, что иначе было бы лишь неуверенным блужданием наугад, становится при таком руководстве работой, уверенно направленной к цели. Кто обратится к знающим и опытным в этом отношении людям, тот никогда не постучится напрасно. Пусть он только сознает, что ищет лишь дружеского совета, а не превосходящей его силы, стремящейся к господству. Люди, обладающие действительным знанием, всегда окажутся в то же время и наиболее скромными, и для них нет ничего более чуждого, чем то, что называется вожделием власти.

Кто путем медитации поднимается к тому, что связывает человека с Духом, тот начинает оживотворять в себе то, что пребывает в нем вечно и не ограничено рождением и смертью. Только тот может сомневаться в этом вечном, кто не пережил его сам. Таким образом, медитация – это путь, приводящий человека к познанию, к созерцанию вечного, неразрушимого ядра своего существа. И только посредством медитаций может человек прийти к этому созерцанию. Гнозис, духовная наука говорят о вечности этого сущностного ядра, о его перевоплощении. Нередко спрашивают: почему человек ничего не знает о своих переживаниях, которые лежат по ту сторону рождения и смерти? Но вопрос следовало бы ставить иначе, а именно: каким образом достичь этого знания? Путь открывается в правильной медитации. Благодаря ей оживает воспоминание о переживаниях, лежащих по ту сторону рождения и смерти. Каждый может приобрести это знание; в каждом заложены способности, позволяющие самому познать, самому увидеть то, чему учат истинная мистика, духовная наука, антропософия и гнозис. Надо только избрать верные средства. Воспринимать звук и цвет может только существо, имеющее уши и глаза. Но и глаз ничего не может воспринять, если нет света, который делает вещи зримыми. В тайноведении даны средства развить духовные уши и очи и возжечь духовный свет. Эти средства духовного обучения можно разделить на следующие три ступени: 1) *подготовлены* – оно развивает духовные органы чувств; 2) *просветление* – оно возжигает духовный свет; 3) *посвящение* – оно открывает общение с высшими существами Духа.

СТУПЕНИ ПОСВЯЩЕНИЯ

Последующие сообщения входят в состав метода духовного обучения, о названии и сущности которого может составить себе ясное представление каждый, кто его правильно применит. Они относятся к трем ступеням, через которые школа духовной жизни приводит к известной степени посвящения. Однако читатель встретит в этих разъяснениях лишь то, что может быть сказано открыто. Это будут указания, вынесенные из еще более глубокого, интимного учения. В самих школах тайноведения соблюдается совершенно определенный порядок обучения. Существуют известные методы, служащие тому, чтобы привести душу человека к сознательному общению с духовным миром. Эти методы относятся к излагаемому ниже приблизительно так же, как преподавание в высшей, строго поставленной школе относится к наставлениям, сообщаемым в подготовительной школе. Однако *серьезное*, настойчивое выполнение предлагаемых здесь указаний может привести к действительному духовному ученичеству. И напротив, нетерпеливые попытки, не основанные на серьезном отношении и настойчивости, ни к чему не приведут. Духовное обучение может быть успешным только в том случае, если прежде всего соблюдается сказанное ранее и уже на этой основе строится дальнейшее.

Упомянутой традицией указывается на три следующие ступени: 1) подготовка, 2) просветление, 3) посвящение. Нет никакой необходимости в том, чтобы эти три ступени следовали именно в таком порядке и чтобы первая была пройдена *до конца*, прежде чем наступит очередь второй, а вторая – прежде наступления третьей. В некоторых вещах можно уже достичь просветления и даже посвящения, находясь относительно других только на ступени подготовки. Но все же некоторое время должно быть отдано подготовке, прежде чем вообще может начаться просветление. И нужно быть хоть несколько причастным просветлению, прежде чем может быть положено начало посвящению. В описании же эти три ступени для простоты должны следовать одна за другой.

Подготовка

Подготовка состоит в совершенно определенном воспитании жизни чувств и мыслей. Благодаря этому воспитанию душевное и духовное тела одаряются орудиями высших чувств и органами деятельности, подобно тому, как силы природы снабдили органами физическое тело, создав их из неоформленной живой материи.

Начинать надо с того, чтобы направить внимание души на некоторые процессы в окружающем нас мире. Эти процессы суть, с одной стороны, зарождающаяся, растущая и созревающая жизнь, и, с другой стороны, – все явления, связанные с отцветанием, увяданием, умиранием. Повсюду, куда человек ни направит взор, одновременно совершаются такие процессы. И везде они, естественно, вызывают в человеке чувства и мысли. Но при обыкновенных условиях человек недостаточно отдается этим чувствам и мыслям. Для этого он слишком поспешно перебегает от одного впечатления к другому. Необходимо, чтобы он вполне сознательно и интенсивно направил свое внимание на эти факты. Воспринимая какой-либо совершенно определенный случай цветения и роста, он должен изгнать из своей души все остальное и на короткое время отдаться целиком только *этому одному* впечатлению. Вскоре он убедится в том, что чувство, которое прежде в подобном случае только бегло проскальзывало в его душе, теперь начинает расти, принимает сильную энергичную форму. Он должен тогда дать спокойно прозвучать в себе этого рода чувству. При этом ему необходимо придти к полной внутренней тишине. Он должен закрыть себя от всего остального внешнего мира и следить только за тем, что говорит его душа о факте цветения и роста.

Но при этом вовсе не следует думать, что можно продвигнуться, притупляя свои *чувства* по отношению к миру. Сначала надо смотреть на вещи как можно живее и точнее. И только *потом* уже – отдаваться оживающему в душе чувству, нарождающейся мысли. Здесь важно направить внимание одинаково *и на то и на другое*, сохраняя при этом полное внутреннее равновесие. Если человек сумеет войти в необходимое состояние покоя и довериться тому, что оживает в душе, тогда через соответствующее время он сумеет *пережить* следующее. Он увидит, как в нем зарождается новый род чувств и мыслей, который он прежде не знал. Чем чаще направлять таким образом внимание попеременно то на что-нибудь растущее, расцветающее и созревающее, то на увядающее и отмирающее, тем живее делаются эти чувства. И из возникающих таким образом чувств и мыслей строятся органы ясновидения, подобно тому как с помощью сил природы из живой материи строятся глаза и уши физического тела. Вполне определенная форма чувства

связывается с ростом и становлением; и совсем другая, столь же определенная – с увяданием и отмиранием. Но это происходит только тогда, когда человек описанным образом заботится о воспитании этих чувств. Можно с известной точностью описать, каковы эти чувства. Полное представление о них может составить себе каждый, кто сам проходит через эти внутренние переживания. Кто часто направлял внимание на процесс становления, роста, цветения, тот почувствует нечто, имеющее *отдаленное сходство* с ощущением, возникающим при восходе солнца. Процесс же увядания, отмирания вызовет в нем переживание, которое можно таким же образом сравнить с медленным восхождением луны на небосклоне. Оба эти чувства суть две силы, которые при надлежащем уходе, при все более живом развитии приводят к самым значительным духовным результатам. Кто все снова и снова, планомерно и преднамеренно, отдается этим чувствам, для того открывается новый мир. Мир души, так называемый астральный план, начинает брезжить перед ним. Рост и умирание перестают быть фактами, производящими на него только смутные впечатления, как это было раньше. Они слагаются, напротив, в духовные линии и фигуры, о которых он прежде не подозревал. И эти линии и фигуры для различных явлений имеют и различные формы. Распустившийся цветок волшебным образом рисует перед душой совершенно определенную линию; точно так же и находящееся в процессе роста животное, и отмирающее дерево. Мир души (астральный план) медленно разворачивается перед ним. В этих линиях и фигурах нет ничего произвольного. Два духовных ученика, находящихся на соответствующей ступени развития, наблюдая за одним и тем же процессом, увидят всегда одни и те же линии и фигуры. Как два человека с правильным зрением несомненно увидят круглый стол круглым, а не увидят его один – круглым, а другой – четырехугольным, так и перед двумя душами при взгляде на распустившийся цветок неизбежно возникает один и тот же духовный образ. И как в естествознании описываются виды растений и животных, так и учитель тайноведения описывает или изображает духовные образы процессов роста и отмирания по родам и видам.

Когда духовный ученик достиг того, что может видеть духовные образы явлений, предстоящих физически его внешнему глазу, тогда он не далек уже и от ступени, на которой можно видеть вещи, не имеющие никакого физического существования и остающиеся поэтому совершенно скрытыми (оккультными) для того, кто не прошел духовного обучения.

Следует подчеркнуть, что духовный исследователь не должен погружаться в размышления о *значении* той или иной вещи. В силу рассудочного характера подобной работы он только отвлек бы себя от верного пути. Он должен бодро, со здоровым чувством и острой наблюдательностью всматриваться в чувственный мир и лишь затем погружаться в мир собственных чувств. Не рассудочным умозрением должен он пытаться проникнуть в значение вещей, но предоставить самим вещам высказаться о себе ¹.

В дальнейшем важно то, что тайноведение называет *ориентировкой* в высших мирах. Этого достигают, проникаясь всецело сознанием того, что чувства и мысли столь же *действительные факты*, как столы и стулья в физическом чувственном мире. В мире душевном и в мире мыслей чувства и мысли действуют друг на друга так же, как в физическом мире – чувственные вещи. Пока человек живо не проникнется этим сознанием, он не поверит, что питаемая им ошибочная мысль может воздействовать на другие оживляющие мысленное пространство мысли столь же разрушительно, как выпущенная наугад ружейная пуля – на физические предметы, в которые она попадает. Такой человек, возможно, никогда не позволит себе совершить какого-либо физически видимого действия, которое он считает бессмысленным. Но он не побоялся носить в себе превратные мысли или чувства. Ибо, по его мнению, они не представляют собой опасности для остального мира. Но в тайноведении можно продвинуться только в том случае, если относиться к своим мыслям и чувствам с таким же вниманием, с каким люди относятся к своим поступкам в физическом мире. Когда человек видит перед собой стену, он не пытается проскочить сквозь нее; он обходит ее. Он согласует свои действия с законами физического мира. Такие законы существуют и для мира мыслей и чувств, но только здесь они не могут действовать на человека принудительно, извне. Они должны происходить из его собственной душевной жизни. Этого можно достичь, запрещая себе превратные мысли и чувства. Всякое произвольное блуждание мысли, всякую пустую игру фантазии, все случайные приливы и отливы чувств следует запретить себе. От этого человек не станет беднее чувством. Напротив, он скоро обнаружит, что, только упорядочив таким образом свой внутренний мир, он приобретает настоящее богатство чувств и истинную творческую фантазию. Вместо мелочной чувствительности и праздной игры мыслей появляются значительные чувства и плодотворные мысли. И эти чувства и мысли приводят человека к способности *ориентироваться* в духовном мире. Он становится в правильные отношения к реальностям духовного мира. И это оказывает на него совершенно определенное воздействие. Подобно тому, как физический человек находит свой путь между физическими телами, так теперь его тропа пролегает между *ростом* и *отмиранием*, которые он научился распознавать на описанном выше пути. Он следует тогда за всем растущим и развивающимся – с одной, и за всем увядающим и отмирающим – с другой стороны, как это требуется для собственного его развития и для развития мира.

---

¹ Должно заметить, что художественная чуткость в соединении с тихой, погруженной в себя натурой является наилучшим предварительным условием для развития духовных способностей. Эта чуткость проникает сквозь поверхностную видимость вещей и, благодаря этому, обретает доступ к их тайнам.

Дальнейшая забота духовного ученика должна быть посвящена миру звуков. Здесь надо различать между звуками, производимыми так называемыми *безжизненными* предметами (падением тела, колоколом или музыкальным инструментом), и теми, которые исходят от живых существ (животного или человека). Слыша удар колокола, человек воспринимает звук и связывает с ним приятное чувство; в то время как в крике животного, он кроме этого чувства ощущает в звуке еще и откровение внутреннего переживания животного, его удовольствие или страдание. С этого рода звуков и должен начинать духовный ученик. Ему необходимо направить все свое внимание на то, что звук возвещает ему нечто, находящееся вне его собственной души. И он должен погрузиться в это чужое. Он должен тесно связать свое чувство с этим страданием или удовольствием, возвещаемым ему через звук. Он должен отрешиться от того, чем является *для него* этот звук, приятен ли он ему или неприятен, привлекает ли к себе или отталкивает от себя; его душу должно наполнять только то, что происходит в самом существе, от которого исходит звук. Кто планомерно и вдумчиво будет проделывать эти упражнения, тот приобретет способностью некоторым образом сливаться с существом, от которого исходит звук. Человеку, одаренному музыкальной чуткостью, такое воспитание своей душевной жизни будет даваться легче, чем немusicalному. Но все же не следует думать, что музыкальные способности могут заменить подобное воспитание. Духовному ученику надо учиться подобным образом ощущать *всю природу*. Благодаря этому в мир чувства и мысли погружается зачаток новой способности. Вся природа звучанием своим начинает нашептывать человеку тайны. Что раньше для его души было невразумительным шумом, становится благодаря этому исполненным смысла *языком природы*. И если раньше в звучании так называемых безжизненных вещей он слышал только звук, теперь он в нем воспринимает новый язык души. Подвигаясь в воспитании своих чувств, он вскоре замечает, что может *слышать* то, о чем он раньше и не подозревал. Он начинает слышать *душою*.

Чтобы ученик мог достичь той вершины, которая вообще достижима в этой области, к этому необходимо прибавить и нечто иное. Особенно важно для развития духовного ученика то, как он *внимает* разговору других людей. Он должен приучать себя делать это так, чтобы его собственный внутренний мир при этом совершенно *безмолвствовал*. Когда кто-либо выслушивает мнение, высказываемое другим, то в его душе обычно возникает согласие или возражение. Многие, конечно, тотчас ощутят побуждение проявить свое согласие или, особенно, свое несогласие. Но духовный ученик должен заставить умолкнуть любое согласие или возражение. Дело здесь вовсе не в том, чтобы он внезапно изменил свой образ жизни и непрерывно домогался этого внутреннего, глубокого безмолвия. Он должен только положить начало этому, поступая так в отдельных случаях, которые он избирает по собственному усмотрению. Тогда очень медленно и не сразу, как бы сам собой, этот новый род слушания прокрадется в его привычки. При духовном исследовании планомерно упражняются в этом. Ученики чувствуют себя обязанными, упражняясь, выслушивать какое-то время самые противоречивые мысли и приводить при этом к полному безмолвию любое свое согласие и, особенно, любое отрицательное суждение. При этом важно, чтобы безмолвствовали не только все рассудочные суждения, но также и все чувства недовольства, отрицания или согласия. С особой тщательностью должен ученик постоянно наблюдать за собой, не присутствуют ли в нем, пусть и не на поверхности, но, в таком случае, в самой внутренней глубине его души – эти чувства. Ему следует, например, выслушивать мнения людей, стоящих в каком-либо отношении значительно ниже него, и подавлять при этом *всякое* чувство большей своей осведомленности и превосходства. В этом смысле каждому будет полезно прислушиваться к детям. Самый мудрый может безмерно многому научиться у детей. Так человек достигает того, что отныне он умеет, *отрешившись* от своей собственной личности, ее мнений и образа чувств, выслушивать других. Упражняясь таким образом в выслушивании без всякой критики даже тех мнений, которые совершенно противоречат его убеждениям, и когда ему подносятся «самые превратные» суждения, он мало-помалу научается совершенно сливаться с существом другого человека, всецело растворяться в нем. Он вслушивается тогда сквозь слова в самую душу другого. Благодаря подобным продолжительным упражнениям звук становится, наконец, верным средством для восприятия души и духа. Конечно, для этого необходимо наистрожайшее самовоспитание. Но оно ведет к высокой цели. Если эти упражнения производить в сочетании с другими, указанными выше и относящимися к звучанию в природе, то в душе человека вырастает новое чувство слуха. Она приобретает способность воспринимать вести из духовного мира, которые не выражаются во внешних звуках, воспринимаемых физическим слухом. Пробуждается восприятие «внутреннего слова». Духовному ученику постепенно открываются истины из мира духа. Он слышит обращенную к себе духовную речь¹. Все высшие истины постигаются благодаря этой обращенной к нам «внутренней речи». И то, что можно услышать из уст истинного духовного исследователя, бывает получено им таким путем. Но это не значит, что занятия тайноведческими сочинениями не принесут пользы до тех пор, пока человек сам не сможет внимать подобным образом «внутренней речи». Напротив, чтение этих сочинений и слушание учений духовных исследователей сами по себе являются средством, позволяющим прийти к собственному познанию. Каждая мысль, высказанная в тайноведении, способна направить ум услышавшего ее туда, куда он должен прийти, если его душа поистине хочет

¹ Только к тому, кто путем самоотрешенного слушания достигнет действительной способности воспринимать внутренне, в тишине, без всякого участия своего личного мнения или чувства, могут говорить высшие существа, о которых идет речь в тайноведении. Пока выслушиваемое встречает со стороны ученика то или иное мнение или какое-либо чувство, существа духовного мира безмолвствуют.

сделать шаг вперед в своем развитии. Ко всему приведенному здесь следует прибавить усердное изучение того, что сообщают миру духовные исследователи. При любом духовном ученичестве подобное изучение входит в состав подготовительной ступени. И если кто-либо захотел бы применить все остальные средства, не приняв сначала учений духовных исследователей, он не пришел бы к цели. Ибо эти учения почерпнуты из живого «внутреннего слова», из «живой внутренней речи»; поэтому сами они обладают духовной жизнью. Они – не просто слова. Они – живые силы. И в то время как ты прислушиваешься к словам обладателя тайного знания, в то время как ты читаешь книгу, возникшую из действительного внутреннего опыта, в твоей душе деятельны *силы*, делающие тебя *ясновидящим*, подобно тому, как силы природы из живого вещества образовали твои глаза и уши.

Просветление

Источником просветления служат очень простые переживания. Здесь также речь идет о развитии известных мыслей и чувств, которые дремлют в каждом человеке и которые должны пробудиться. Только того, кто терпеливо, строго и настойчиво упражняется в этих простых переживаниях, могут привести они к восприятию явлений внутреннего света. Начало можно положить, рассматривая определенным образом различные предметы и существа природы, например: прозрачный, хорошо сформированный камень (кристалл), растение или животное. Сначала надо постараться следующим образом направить все свое внимание на сравнение камня с животным. Приводимые здесь мысли должны проходить через душу, сопровождаемые живым чувством. И никакая другая мысль, никакое другое чувство не должны примешиваться и нарушать напряженное, чуткое размышление. Надо сказать себе: «Камень обладает обликом; животное также обладает обликом. Камень *покоится* на своем месте. Животное же может перемещаться с места на место. Влечение (желание) побуждает животное к перемене места. Этим влечениям служит и сам облик животного. Его органы, его орудия выработаны сообразно этим влечениям. Облик же камня сложен не сообразно желаниям, а свободной от желаний силой»¹. Если интенсивно погрузиться в эти мысли и с напряженным вниманием рассматривать камень и животное, тогда в душе оживают два совершенно разных рода чувств. От камня струится в нашу душу чувство одного рода; от животного – другого. Вначале это, вероятно, не удастся; но при действительно терпеливом упражнении эти чувства постепенно появятся. Нужно только все снова и снова выполнять упражнение. Поначалу их присутствие ощущается в течение лишь того времени, сколько длится само упражнение. Но позднее их воздействие продолжится. И тогда они станут чем-то, что останется живым в душе. Человеку достаточно будет только погрузиться в эти мысли, как оба чувства тотчас же возникнут уже и без созерцания внешнего предмета. Из этих чувств и из связанных с ними мыслей образуются *органы ясновидения*. Если подобным образом рассматривать и растение, то можно заметить, что исходящее от него чувство как по своей специфике, так и по силе представляет собой нечто среднее между чувствами, которые проистекают от камня и от животного. Образующиеся таким образом органы суть *духовные очи*. Постепенно человек научается видеть ими как бы душевные и духовные цвета. Пока он усвоил себе только то, что было описано как «подготовление», духовный мир с его линиями и фигурами оставался темным; благодаря «просветлению» он озаряется. И здесь необходимо заметить, что слова «темный» и «светлый», как и другие приведенные выражения, лишь приблизительно передают то, что имеется здесь в виду. Но при пользовании обычным языком это и не могло быть иначе. Ибо этот язык создан только для телесных условий. Итак, тайноведение определяет то, что излучается для органа ясновидения от камня, как «голубое» или «голубовато-красное». А то, что ощущается от животного, – как «красное» или «красно-желтое». На самом же деле, видимые при этом цвета – «духовного рода». Цвет, исходящий от растения, – «зеленый», постепенно переходящий в светло-эфирный розово-красный. Растение занимает такое место среди природных существ, что оно и в высших мирах сохраняет, в известном отношении, сходство с характером, присущим ему в физическом мире. В случае же с животным или камнем дело обстоит иначе. Надо, однако, уяснить себе, что вышеупомянутые цвета составляют только главные оттенки царства камней, растений и животных. В действительности же существуют все возможные промежуточные оттенки. Каждому камню, каждому растению, каждому животному присущ свой вполне определенный цветовой оттенок. Не являются исключением также и никогда не воплощающиеся физически существа высшего мира, с их нередко изумительными, но часто и отталкивающими цветами. В действительности цветное многообразие в этих высших мирах неизмеримо богаче, чем в физическом мире.

Если человек уже приобрел способность видеть «духовным оком», то рано или поздно он встретит также и этих высших существ, а также существ, стоящих гораздо ниже человека, которые никогда не вступают в физическую действительность.

---

¹ Приводимый здесь пример – поскольку он касается наблюдения над кристаллом – многообразно искажался теми, кто был наслышан о нем только внешним образом (экзотерически); отсюда возникли приемы, такие как «глядение в кристалл», и т. д. Подобные манипуляции основаны на недоразумениях. Они неоднократно описывались в книгах. Но они никогда не составляли предмета истинного (эзотерического) духовного обучения.

Когда человек достиг описанных здесь результатов, то перед ним открыты пути ко многому. Однако никому нельзя посоветовать идти еще дальше, если ученик не намерен тщательно соблюдать указаний и сообщений, данных ему духовным исследователем. Но уже и применительно к сказанному лучше всего было бы прибегнуть к такому опытному водительству. Впрочем, если человек обладает достаточной силой и выдержкой, чтобы достичь результатов, отвечающих описанным элементарным ступеням просветления, то он наверняка станет искать и найдет подлинное водительство.

Но во всех случаях необходимо соблюдать осторожность, и тому, кто не примет это во внимание, лучше оставить все попытки проникнуть в тайноведение. Необходимо, чтобы человек, становясь духовным учеником, не утратил своих качеств, делающих его благородным и добрым человеком, восприимчивым ко всему физически действительному. Более того, во время своего духовного ученичества он должен постоянно возвышать свою моральную силу, внутреннюю чистоту, свой дар наблюдения. Приведем пример: во время выполнения элементарных упражнений, относящихся к просветлению, духовный ученик должен постоянно заботиться о том, чтобы усилить свое сочувствие к миру людей и животных, свою чуткость к красоте природы. Если он не позаботится об этом, то благодаря подобным упражнениям упомянутые способности будут постоянно притупляться в нем. И тогда сердце очерствеет и чувство притупится, а это может привести к опасным результатам.

Как складывается просветление в дальнейшем, когда ученик от упражнений над камнем, растением и животным восходит к человеку, и каким образом после просветления рано или поздно устанавливается соединение души с духовным миром и приводит к посвящению: об этом, насколько возможно, будет идти речь в следующей главе.

В наше время многие ищут пути к тайноведению. Это делается различным образом; и при этом нередко прибегают к опасным и даже предосудительным методам. Поэтому те, кто считает себя обладателем истинного знания об этих вещах, должен предоставить другим возможность ознакомиться с некоторыми особенностями тайноведческого обучения. И здесь сообщается лишь столько, сколько это отвечает такой возможности. Необходимо, чтобы известная доля истинного знания получила распространение, с тем, чтобы ложное не причинило большого вреда. На указанном здесь пути никто не понесет никакого ущерба, если только не будет ничего форсировать. Но одно надо помнить: никто не должен уделять подобным упражнениям времени и сил больше, чем это ему могут позволить его жизненное положение и его обязанности. Вступая на путь тайноведения, никому не следует резко изменять что-либо во внешних условиях своей жизни. Если он хочет достичь действительных результатов, он должен иметь *терпение*, нужно уметь после нескольких минут упражнения прекратить их и спокойно перейти к своей каждодневной работе. И никакие мысли об упражнениях не должны примешиваться к ней. Кто не научился *ждать* – в высшем и лучшем смысле слова, тот не годится в духовные ученики и никогда не достигнет сколько-нибудь значительных результатов.

Контроль мыслей и чувств

Когда кто-то ищет пути к тайноведению описанным в предыдущей главе способом, он должен помнить о необходимости постоянно укреплять себя в течение всей своей работы *одной* мыслью. Ему следует все время иметь в виду, что через некоторое время может оказаться, что он сделал уже весьма значительные успехи, которые, однако, проявятся совсем не так, как он, быть может, этого ожидал. Не приняв это во внимание, легко можно потерять настойчивость и выдержку в работе и вскоре прекратить ее вовсе. Силы и способности, подлежащие развитию, поначалу обладают очень нежным и тонким характером. И сущность их совершенно отличается от всего того, о чем человек прежде мог составить себе представление. Ведь он привык иметь дело только с физическим миром. Духовный и душевный ускользали как от его взора, так и от его понятий. Поэтому нет ничего удивительного в том, что теперь, когда в нем развиваются духовные и душевные силы, он замечает их не сразу. В этом кроется возможность заблуждения для того, кто, не основываясь на опыте, собранном сведущими исследователями, вступает на оккультный путь. Духовный исследователь узнает об успехах, сделанных учеником, задолго до того, как последний сам сможет осознать их. Он знает, как у ученика слагаются нежные духовные очи, прежде чем ученик узнает об этом сам. Поэтому значительная часть указаний духовного исследователя состоит именно в том, чтобы вызвать в ученике те силы, которые помогут ему сохранить доверие, терпение и выдержку до тех пор, пока он сам не придет к осознанию своих успехов. Ибо духовный наставник и не может *дать* своему ученику ничего такого, что – скрытым образом – не было бы уже заложено в нем. Он может только направлять развитие дремлющих способностей ученика. Но в то же время опыт, которым он делится, послужит опорой тому, кто из тьмы хочет пробиться к свету.

Многие, едва вступив на путь тайноведения, покидают его, потому что их успехи не становятся для них тотчас же заметными. Даже когда первый высший опыт замечается учеником, он часто смотрит на него как на иллюзию, поскольку он предварительно составил себе совершенно иные представления о том, что ему предстоит пережить. Он падает духом, потому ли, что считает свой первый опыт не имеющим никакой ценности, или потому, что опыт этот кажется ему слишком незначительным и он не верит, что тот может привести его в течение обозримого времени к чему-нибудь значительному. Но *мужество* и *доверие* к себе – это два светоча, которые никогда не должны угасать на пути к тайному

знанию. Кто не в состоянии превозмочь себя и терпеливо продолжать упражнение, которое, кажется, бесконечное число раз ему не удавалось, тот не уйдет далеко.

Гораздо раньше, чем отчетливо обнаружится успех, у человека появляется смутное ощущение того, что он на верном пути. И это чувство надо беречь, ибо оно может сделаться верным водителем. Прежде всего нужно с корнем вырвать убежденность в том, будто высшие познания достигаются благодаря каким-то странным, таинственным приемам. Следует уяснить себе, что исходить нужно из чувств и мыслей, в которых человек живет постоянно, и что этим мыслям и чувствам он только должен придать другое направление вместо привычного. Пусть каждый начнет с того, что скажет себе: «В мире моих собственных мыслей и чувств сокрыты высочайшие тайны, но я до сих пор не воспринимал их». Все, в конце концов, опирается в то, что человек постоянно несет с собой тело, душу и дух, *сознает* же он, собственно говоря, не душу и не дух, а только свое тело. Духовный же ученик начинает сознавать свою душу и свой дух, подобно тому, как обычный человек сознает свое тело.

Поэтому все дело в том, чтобы суметь придать верное направление чувствам и мыслям. Тогда развивается восприятие незримого в обыкновенной жизни. Здесь будет указан один из путей, позволяющих осуществить это. Он так же прост, как почти все, что до сих пор сообщалось. Но он может привести к значительным результатам, если настойчиво выполнять это упражнение и если человек способен отдаваться ему с необходимым интимным настроением.

Надо положить перед собой семя какого-нибудь растения. Здесь важно направить свои усилия на то, чтобы вызвать в себе перед этой малоприметной вещью надлежащие мысли и благодаря этим мыслям развить в себе определенные чувства. Прежде всего он должен отдать себе отчет в том, что именно он действительно видит глазами. Пусть он про себя опишет форму, цвет и все прочие свойства этого семени. Затем пусть он углубится в следующее размышление. Из этого семени, если посадить его в землю, разовьется сложное растение. Пусть он представит себе это растение. Пусть воссоздаст его в своем воображении и затем подумает так: «То, что я создаю силой собственного воображения, впоследствии будет действительно вызвано наружу из семени силами земли и света. Если бы передо мной был искусственный предмет, в точности похожий на семя, похожий настолько, что мои глаза были бы не в состоянии отличить его от настоящего семени, то никакие силы земли и света не могли бы извлечь из него растение». Кто полностью уяснит себе эту мысль и внутренне переживет ее, тот сможет с *верным чувством* образовать и следующую мысль. Он скажет себе: «В семени уже покоится скрытым образом – как *сила* целого растения – то, что позднее вырастет из него. В искусственной копии семени этой силы нет. И все же *для моих глаз* они неразличимы. Итак, в подлинном семени содержится нечто *невидимое*, то, чего нет в его имитации». На это невидимое и необходимо теперь направить чувство и мысли¹. Надо представить себе: это невидимое превратится впоследствии в видимое растение, которое я буду иметь перед собой в форме и цвете. Нужно проникнуться мыслью: *невидимое станет видимым*. Если бы я не мог *мыслить*, то мне не было бы уже теперь известно то, что делается видимым лишь впоследствии.

Особенно тщательно надо подчеркнуть: то, что человек при этом мыслит, он должен также и интенсивно *прочувствовать*. Находясь в *покое* и не допуская до себя других, отвлекающих мыслей, нужно *пережить* в себе одну только эту вышеуказанную мысль. И нужно дать себе время, чтобы мысль и связанное с ней чувство успели как бы внедриться в душу. Если делать это надлежащим образом, то через некоторое время – возможно, только после многих попыток – можно будет ощутить в себе некую силу. И эта сила создаст новое созерцание. Семя предстанет как бы заключенным в маленькое световое облако. Его можно будет ощутить чувственно-духовным образом как род *пламени*. По отношению к середине этого пламени ощущение будет таким, какое возникает при впечатлении от *лилового* цвета, а по отношению к краям – какое оставляет *голубоватый* цвет. Здесь появляется то, чего мы прежде не видели и что создано силою мысли и чувства, которую мы в себе вызвали. То, что чувственно было незримо, то растение, которое лишь впоследствии станет видимым, выявляется здесь духовно-видимым образом.

Понятно, что кто-то сочтет все это иллюзией. Многие скажут: «Что мне до подобных видений, до подобных химер?» И иные уйдут и не продолжат пути. Но именно в эти трудные моменты человеческого развития особенно важно уметь не путать фантазию с духовной действительностью. К тому же надо иметь мужество настойчиво идти вперед и не впадать в боязливость и малодушие. Но, с другой стороны, нужно твердо помнить о необходимости постоянно развивать в себе *здравый* смысл, умеющий отличать истину от обмана. Во время этих упражнений человек никогда не должен терять полного *сознательного* господства над собой. Так же уверенно, как он мыслит о вещах и процессах обычной жизни, должен он мыслить и здесь. Было бы плохо, если бы он впал в мечтательность. В каждое мгновение должен он сохранять полную ясность, чтобы не сказать – трезвость рассудка. И было бы величайшей ошибкой, если бы благодаря этим упражнениям человек утратил равновесие, если бы он перестал судить о вещах обыденной жизни так же здраво и ясно, как он делал это прежде. Поэтому духовный ученик должен постоянно испытывать себя: не утратил ли он своего равновесия, остается ли он *самим собой* в условиях своей обычной жизни. Твердое внутреннее спокойствие, ясное сознание, выступающее навстречу всему, – вот что ему надлежит сохранить. И прежде всего надо строго следить за

---

¹ Если бы кто-нибудь на это возразил, что при более точном микроскопическом исследовании всегда можно отличить подделку от настоящего семени, то он только показал бы этим, что не понял того, о чем здесь говорится. Важно вовсе не то, что мы на самом деле имеем перед собой чувственным образом, а то, чтобы суметь развить на этом упражнении свои душевно-духовные силы.

тем, чтобы не предаться какой-либо мечтательности, не увлечься всевозможными упражнениями. Указанные здесь направления мысли еще в древнейшие времена были испытаны и применялись в тайноведческих школах. Только *такие* направления и сообщаются здесь. Если же кто-то пожелает применить другие» которые он образовал себе сам или о которых где-либо слышал или читал, то он начнет блуждать наугад и вскоре окажется в области безбрежной фантастики.

Дальнейшее упражнение, примыкающее к описанному, состоит в следующем. Надо стать перед каким-нибудь растением, находящимся в стадии полного развития. Затем надо проникнуться мыслью, что придет время, когда это растение увянет. Из того, что я вижу сейчас перед собой, не останется ничего. Но при этом растение разовьет из себя семена, которые впоследствии сделаются новыми растениями. Я вновь убеждаюсь, что в зримом мною таится нечто скрытое – то, чего я не вижу. Я всецело наполняю себя мыслью: этого растения, в данном облике и красках, в будущем уже не станет. Но представление об образуемых им семенах дает мне знание о том, что оно не обратится в ничто. Как раньше в семени я не мог увидеть растения, так и теперь я не вижу глазами то, что сохраняет растение от уничтожения. *Следовательно, в нем есть нечто, чего я не вижу глазами.* Если я дам этой мысли жить *в себе* и если она встретит во мне соответствующее ей *чувство*, тогда через некоторое время в моей душе снова разовьется сила, которая обратится в *новое созерцание*. От растения вновь распространится нечто вроде *пламенного образования*. Оно, соответственно, будет большего размера, чем описанное ранее. В средней части это пламя можно ощутить приблизительно зеленовато-голубым, а края – желтовато-красными.

Необходимо особо подчеркнуть, что описываемое здесь как «цвета» человек видит *не* так, как он видит цвета физическими глазами; в *духовном* восприятии им переживается нечто родственное тому ощущению, которое сопровождает телесное впечатление от цвета. Духовно воспринимать «голубое» – значит ощущать или чувствовать нечто подобное тому, что можно ощутить, когда физический глаз видит «голубой» цвет. Кто действительно хочет постепенно подняться к духовным восприятиям, тот должен принять это во внимание. Иначе он в духовном будет искать лишь повторение физического. Это привело бы его к жесточайшему заблуждению.

Кто способен духовно видеть это, тот достиг уже многого. Ибо теперь вещи раскрываются ему не только в своем настоящем *бытии*, но также и в самом возникновении и исчезновении. Он начинает повсюду видеть дух, о котором чувственные глаза ничего не могут знать. Тем самым он сделал первые шаги к тому, чтобы постепенно, через собственное созерцание, проникнуть в тайну *рождения и смерти*. Для внешних органов чувств любое существо возникает при рождении и уничтожается в момент смерти. Но такое впечатление создается в силу того, что скрытый дух существа не воспринимается этими органами чувств. Для духа рождение и смерть суть лишь превращения, подобно тому, как распускание цветка из почки есть также превращение, совершающееся перед нашими чувственными глазами. Но если хотят познать это через собственное созерцание, то сначала надо указанным образом пробудить в себе духовное чувство.

Чтобы сразу же устранить еще одно возражение, которое могут привести люди, обладающие некоторым душевным (психическим) опытом, необходимо сказать следующее. Нельзя отрицать того, что существуют и другие, более простые и краткие пути и что многие на основании собственных созерцаний познают явления рождения и смерти, не проделав предварительно всего здесь описанного. Конечно, есть люди с большими психическими задатками, которые нуждаются лишь в легком толчке для своего развития. Но это исключения. Указанный же здесь путь является пригодным для всех и верно ведет к цели. Ведь и химические знания можно приобрести иногда каким-нибудь исключительным способом; но если человек намерен стать химиком, он должен идти общим и достоверным путем.

Ошибкой, чреватой последствиями, может обернуться предположение, будто цели можно достичь с большим удобством, *просто* представляя, вызывая лишь в воображении упомянутое семя или растение. Правда, так тоже можно прийти к цели, но более достоверные результаты достигаются при продвижении в указанном направлении. Созерцание, к которому тогда приходят, в большинстве случаев лишь плод воображения; обладая подобным пришлось бы выжидать, пока оно не превратится в духовное созерцание. Ведь все дело именно в том, чтобы не я по собственному произволу создавал себе созерцания, но чтобы действительность творила их *во мне*. Из глубин моей собственной души должна проистекать истина; но мое обычное «Я» не может стать тем волшебником, который сумеет выманить истину; такими волшебниками должны быть существа, духовную истину которых я стремлюсь узреть.

Найдя в себе, благодаря подобным упражнениям, начатки духовных созерцаний, ученик может подняться к рассмотрению самого человека. Сначала следует выбрать для этого достаточно простые явления человеческой жизни. Но прежде чем приступить к этому, необходимо с исключительной серьезностью поработать над полным очищением своего нравственного характера. Любая мысль о том, что достигнутое этим способом знание может быть обращено на личную пользу, должна быть отброшена. Необходимо во внутреннем согласии с собой принять решение *никогда* не употреблять во зло ту власть над своими ближними, которая при этом может быть достигнута. Поэтому каждый, посредством собственного созерцания ищущий познания тайн человеческой природы, должен следовать *золотому* правилу истинного тайноведения. Это золотое правило гласит: Если ты хочешь сделать *один* шаг вперед в познании тайных истин, делай одновременно *три* шага в совершенствовании твоего характера на пути к добру. Кто следует этому правилу, может приступить к упражнениям, одно из которых будет здесь приведено.

Надо представить себе человека, которого нам случилось наблюдать в те моменты, когда он чего-нибудь сильно *желал*. Внимание здесь необходимо направить на *вождеделение*. Лучше всего вызвать в памяти тот момент, когда вождеделение было наиболее сильным и в то же время оставалось неизвестным, получит ли человек желаемое, или нет. Итак, надо совершенно отдалиться представлению этого воскрешаемого в памяти наблюдения. Необходимо установить в душе возможно больший внутренний покой. Надо постараться, насколько это возможно, сделаться слепым и глухим по отношению ко всему остальному, происходящему вокруг. И особенно надо обратить внимание на то, чтобы это вызванное нами представление пробудило в душе *чувство*. Надо дать этому чувству взойти внутри себя, подобно облаку, поднимающемуся над совершенно чистым дотолем горизонтом. Вполне естественно, что это наблюдение будет обычно прерываться вследствие того, что человека, на которого обращено внимание, не удавалось достаточно долго наблюдать в описанном душевном состоянии. Вероятно, попытки придется тщетно повторять сотни раз. Но не надо терять терпения. После многих попыток удастся достичь того, чтобы в собственной душе пережить чувство, соответствующее состоянию души наблюдаемого человека. И тогда через некоторое время можно будет вновь заметить, как благодаря этому чувству в собственной душе вырастает сила, которая становится *духовным созерцанием* душевного состояния другого человека. В поле зрения возникнет образ, ощущаемый как что-то светящееся. И этот духовно светящийся образ есть так называемое астральное воплощение наблюдаемого душевного состояния вождеделения. Про этот образ также можно сказать, что он ощущается похожим на пламя. В середине он ощущается как бы желто-красным, а по краям – красновато-голубым или лиловым. Очень важно как можно бережнее обойтись с этим духовным созерцанием. Лучше всего вначале никому, кроме своего учителя, если таковой имеется, не говорить о нем, потому что попытки описания этого явления неумелыми словами в большинстве своем приводят к грубым ошибкам. Ибо при этом используются обычные слова, которые не предназначены для подобных вещей и поэтому слишком грубы и тяжеловесны для них. Последствием подобной самостоятельной попытки облечь увиденное в слово явится соблазн примешать к подлинным созерцаниям всевозможные обманчивые порождения фантазии. Отсюда опять-таки следует важное для духовного ученика правило: умей *молчать* о своих духовных видениях. Более того, молчи о них даже наедине с собой. Не пытайся увиденное тобой в духе облечь в слова или доискиваться до его смысла неумелым рассудком. Отдавайся непредвзято своему духовному созерцанию и не искажай его для себя всякими размышлениями о нем. Ибо ты должен помнить, что подобное размышление вначале совершенно не способно к суждению о твоём созерцании. Способность размышлять ты приобрел в своей прежней жизни, ограниченной одним только физически чувственным миром, тогда как то, что ты приобретаешь теперь, выходит за пределы этого мира. Поэтому не пытайся к новому и высшему прилагать мерку старого. Только тот, у кого уже есть некоторая уверенность в наблюдении внутренних переживаний, может говорить о них с тем, чтобы речь его могла побудить его ближних к развитию.

Описанное упражнение нужно дополнить еще одним. Надо таким же образом наблюдать человека в тот момент, когда для него наступает удовлетворение какого-нибудь желания или исполнение ожидаемого. Пользуясь при этом теми же правилами и предосторожностями, которые были указаны для предыдущего случая, можно, также прийти к духовному созерцанию. И тогда можно заметить некое образование из духовного пламени, которое в середине ощущается как желтое, а по краям – как зеленоватое.

Благодаря такому наблюдению над ближними, человек легко может впасть в моральную ошибку. Он может стать бессердечным. Необходимо всеми средствами, какие только можно себе представить, стремиться к тому, чтобы этого не случилось. Приступая к подобным наблюдениям, человек уже непременно должен быть на такой высоте, на которой для него становится совершенно очевидным, что *мысли* суть действительные вещи. Тогда он уже больше не позволит себе иметь о ближних какие-либо *мысли*, несовместимые с величайшим уважением к человеческому достоинству и к человеческой свободе. Ни на одно мгновение не должны мы допускать до себя мысль о том, что человек может быть для нас лишь объектом наблюдения. Рука об руку с каждым духовным наблюдением над человеческой природой должно идти самовоспитание, направленное на то, чтобы безгранично ценить личное достоинство каждого человека и рассматривать то, что живет в нем, как нечто священное и неприкосновенное для нас – неприкосновенное даже в мыслях и чувствах. Чувство священного трепета перед всем человеческим должно наполнять нас даже и в том случае, если мы обращаемся к нему мысленно.

Здесь ставилась задача показать, пока только на этих двух примерах, каким образом можно пробиться к просветлению в понимании человеческой природы. С их помощью, по крайней мере, можно было показать тот путь, на который следует вступить. Если человек найдет в себе необходимые для подобного наблюдения внутренние тишину и покой, то благодаря этому душа его претерпит уже значительное превращение. Вскоре это приведет к тому, что внутреннее обогащение, переживаемое его существом, придаст ему уверенность и покой также и во внешних поступках. И эта перемена во внешнем поведении перенесется обратно на его душу. Так будет он помогать себе и дальше. Он найдет средства и пути к выявлению все новых сторон человеческой природы, сокрытых для внешних органов чувств; тогда он созреет и для того, чтобы направить взгляд на таинственные взаимоотношения между природой человека и всем тем, что существует во вселенной. На этом пути человек все больше будет приближаться к тому мгновению, когда он сможет сделать первые шаги в *посвящении*. Но прежде чем их можно будет совершить, необходимо еще одно. Это

нечто такое, необходимость чего, быть может, будет поначалу малопонятна духовному ученику. Однако впоследствии для него прояснится и это.

То, что должен принести с собой посвящаемый, есть в некотором отношении развитое *мужество* и *бесстрашие*. Духовный ученик просто обязан искать случая развить в себе эти добродетели. В оккультных школах их развивали систематически. Но и сама жизнь является в этом смысле также хорошей, а может быть и самой лучшей духовной школой. Духовный ученик должен уметь спокойно смотреть в лицо опасности и быть готовым без робости преодолевать затруднения. Перед лицом опасности он должен, например, тотчас же собравшись с силами, вызвать в себе следующий настрой: мой страх ничем не поможет мне; у меня не должно быть его совсем; я должен думать только о том, что мне необходимо предпринять. И он должен прийти к тому, чтобы отныне в тех ситуациях, которые прежде ввергали его в состояние страха, всякое «чувство страха» и «упадок духа» – по крайней мере в собственном внутреннем ощущении – были бы для него невозможны. Посредством самовоспитания в этом направлении человек развивает в себе вполне определенные силы, необходимые ему, если он должен быть посвящен в высшие тайны. Как физическому человеку нужна нервная сила, чтобы пользоваться своими физическими органами чувств, так и душевный человек нуждается в той силе, которая может развиваться только в мужественных, бесстрашных натурах. Проникая к высшим тайнам, человек видит вещи, остающиеся скрытыми для обычного человека благодаря иллюзиям, свойственным внешним органам чувств. Не позволяя нам созерцать высшую истину, телесные органы чувств тем самым выступают в роли благодетелей человека. Благодаря им от него сокрыты вещи, которые повергли бы неподготовленного наблюдателя в неопишное смятение и вида которых он не смог бы перенести. Духовный ученик должен сначала дорасти до этого зрелища. Он лишается во внешнем мире некоторых опор, так как их существованием он был обязан тому обстоятельству, что был погружен в иллюзию. Это в буквальном смысле слова выглядит так, как если бы человеку указали на давно угрожающую ему опасность, о которой он ничего не знал. Прежде у него не было никакого страха; теперь же, когда он об этом узнает, им овладевает страх, хотя опасность и не возросла оттого, что теперь он знает о ней.

Силы мира действуют как разрушительно, так и созидательно: удел существ внешнего мира – возникновение и исчезновение. В деятельность этих сил, в ход этой судьбы должен проникать взор ведающего. Покров, простертый в обычной жизни перед духовными очами, должен быть удален. Но сам человек тесно переплетен с этими силами и с этой судьбой. В его собственной природе есть разрушительные и созидательные силы. И как взору ясновидящего явлены все вещи, так же без покрова предстает самой себе и его душа. Духовный ученик не должен утратить сил перед лицом такого самопознания; а он только тогда не ощутит недостатка в них, если принесет с собой избыток сил. Для этого он должен научиться в трудных обстоятельствах жизни сохранять внутреннее спокойствие и уверенность; он должен воспитать в себе крепкое доверие к добрым силам бытия. Ему надо быть готовым к тому, что многие из побуждений, до сих пор руководивших им, не будут им больше руководить. И он должен признать, что многое до сих пор он делал и мыслил только потому, что пребывал в неведении. Мотивы, подобные тем, какие были у него до сих пор, теперь отпадут. Что-то он делал из тщеславия; теперь он увидит, как невыразимо никчемно тщеславие для ведающего. Что-то он делал из алчности; теперь он узнает, как разрушительна всякая алчность. Он должен развить совершенно новые побуждения к действию и мышлению. Именно для этого и необходимы мужество и бесстрашие.

В особенности важно взрастить мужество и бесстрашие в самих глубинах мыслительной жизни. Духовный ученик должен научиться не падать духом при неудаче. Ему необходимо всегда быть готовым к мысли: «Я забуду, что это вновь не удалось мне, и сделаю новую попытку, как если бы ничего не случилось». Так пробивается он к убеждению, что источники сил в мире, из которых он может черпать, неиссякаемы. Он снова и снова будет устремляться к духовному, которое поднимет и понесет его, как бы часто его земная природа ни оказывалась беспомощной и слабой. Он должен быть готовым к жизни, устремленной навстречу будущему, и не позволять какому бы то ни было опыту прошлого смущать себя в этом стремлении. Овладев до некоторой степени описанными качествами, человек достигает зрелости, позволяющей ему узнать *истинные имена* вещей, которые служат ключом к высшему знанию. Ибо в том и состоит *посвящение*, что человек научается называть вещи мира теми именами, которые они имеют в духе своих Божественных Творцов. В этих именах заключены тайны вещей. Поэтому посвященные говорят иным языком, чем непосвященные, – ибо им известны имена вещей, посредством которых те были созданы. В следующей главе будет сказано, насколько это возможно, о самом посвящении (инициации).

ПОСВЯЩЕНИЕ

Посвящение – высшая из ступеней пути духовного ученичества, относительно которой в этой книге еще могут быть даны общепонятные *указания*. Сообщения обо всем, что лежит за этой ступенью, понимаются уже с трудом. Но и к ним найдет путь каждый, кто благодаря подготовке, просветлению и посвящению уже проник в тайны более низкого порядка.

Знание и способности, получаемые человеком путем посвящения, он мог бы приобрести и без такового – хотя и в очень отдаленном будущем, после многих воплощений, – на совсем ином пути и в совершенно иной форме. Получающий посвящение уже сейчас узнает нечто такое, что иначе он узнал бы гораздо позднее и при совершенно иных условиях.

Человек может действительно узнавать о тайнах бытия лишь соответственно уровню своей зрелости. Только в этом и коренятся препятствия к достижению высших ступеней знания. Человеку не следует применять огнестрельное оружие, пока он не приобрел достаточного опыта, чтобы не причинить вреда его употреблением. Если бы кто-нибудь сразу получил посвящение, он лишился бы того опыта, который ему еще предстоит приобрести в течение будущих воплощений, когда в нормальном ходе развития ему смогут открыться соответствующие тайны. Вследствие этого в преддверии посвящения этот опыт должен быть заменен чем-либо другим. Первые наставления ищущему посвящения и состоят поэтому в замене его будущего опыта. Это – так называемые «испытания», которые ему надлежит пройти и которые наступают как правомерные последствия душевной жизни, при правильном выполнении упражнений, подобных описанным в предыдущих главах.

Об этих «испытаниях» нередко говорится и в книгах. Но естественно, что при подобном освещении «испытаний», как правило, возникают совершенно ошибочные представления об их природе. Ибо кто сам не прошел через подготовку и просветление, тот никогда не сможет ничего узнать относительно этих испытаний. Он не сумеет и описать их со знанием дела.

Посвящаемому должны открыться некоторые вещи и факты, принадлежащие к высшим мирам. Но он может увидеть и услышать их только в том случае, если он способен ощущать духовные восприятия в виде образов, красок, звуков и т. д., о которых упоминалось при описании «подготовки» и «просветления».

Первое «испытание» состоит в том, что ученик достигает более верного *созерцания* телесных свойств безжизненных тел, а затем – растений, животных и человека, чем каким обладает средний человек. Но под этим подразумевается не то, что называют сегодня научным познанием, поскольку речь здесь идет не о науке, а о *созерцании*. Обычно это происходит так, что посвящаемый научается познавать, каким образом вещи в природе и живые существа возвещают о себе духовному слуху и зрению. В известном смысле они предстают тогда созерцателю без покрова, обнаженными. Те свойства, которые он при этом воспринимает духовным зрением и слухом, остаются сокрытыми для чувственного глаза и уха. Чувственное созерцание не проникает дальше покрова, в который они как бы облачены. Для посвящаемого этот покров спадает; это основывается на процессе, который называется «процессом духовного сгорания». В силу этого первое испытание называется «*испытанием огнем*».

Для некоторых людей уже сама жизнь в той или иной мере является бессознательным процессом посвящения через испытание огнем. Это люди, которые имеют настолько богатый жизненный опыт, вызывающий в них здоровый рост доверия к себе, мужества и стойкости, что они научились с душевным величием и, особенно, со спокойствием и непоколебимой силой переносить страдания, разочарования и неудачи в своих начинаниях. Тот, кто прошел через такого рода опыт, нередко, сам того отчетливо не сознавая, уже является посвященным, и тогда недостает лишь немногого, чтобы раскрыть ему духовные уши и очи, сделать его ясновидящим. Надо твердо помнить, что при истинном «испытании огнем» имеется в виду не удовлетворение любопытства посвящаемого. Правда, при этом он узнает необычайные факты, о которых другие люди не имеют никакого понятия. Однако само знание является здесь не целью, а лишь средством к достижению цели. Цель же состоит в том, чтобы через познание высших миров посвящаемый приобрел большее и более истинное доверие к себе, более возвышенное мужество и такое душевное величие и выдержку, какие едва ли достижимы в нижнем мире.

Пройдя «испытание огнем», посвящаемый еще может вернуться назад. Укрепленный физически и душевно, он продолжит свою жизнь и лишь в одном из следующих воплощений сделает дальнейшие шаги на пути посвящения. А в настоящей своей жизни он станет более полезным членом человеческого общества, чем был прежде. В каком бы

положении он ни находился, его твердость и осмотрительность, его благотворное влияние на ближних, и его решительность окажутся значительно возросшими.

Если же, выдержав испытание огнем, посвящаемый захочет продолжить путь духовного ученичества, то теперь ему открывается определенная система письмен, употребительных в духовном обучении. В этих письменах и раскрываются подлинные тайноведческие учения. Ибо действительно «сокровенное» (окультное) в вещах не может быть непосредственно высказано словами обыкновенного языка или начертано обычными системами письмен. Получившие знание от посвященных *переводят* тайноведческие учения, насколько это бывает возможно, на обыкновенный язык. Окультные письмена раскрываются душе, когда она достигла способности духовного восприятия. Ибо эти письмена навеки начертаны в духовном мире. Им нельзя научиться тем способом, каким учатся читать искусственные письмена. Человек сам закономерно вырастает навстречу ясновидческому познанию, и во время этого роста развивается как особая душевная способность та сила, которая чувствует побуждение расшифровывать обступающие ее события и существа духовного мира, как начертанные письмена. Может случиться и так, что эта сила, а вместе с ней и переживания, вызываемые соответствующим «испытанием», по мере развития души пробуждаются как бы сами собой. Однако вернее достигают цели, следуя указаниям сведущих духовных исследователей, имеющих опыт в чтении окультного письма.

Знаки тайного письма не вымышлены произвольно, но соответствуют силам, действующим в мире. Посредством этих знаков научаются языку вещей. Посвящаемому вскоре открывается, что знаки, которые он теперь знает, соответствуют образам, цветам, звукам и т. д., которые он научился воспринимать во время приготовления и просветления. Ему открывается, что все предшествующее было как бы изучением азбуки. Только теперь начинает он читать в высшем мире. Все, что прежде было только отдельным звуком, цветом, образом, является ему теперь в великой взаимной связи. Только теперь получает он настоящую уверенность при наблюдении высших миров. Прежде он никогда не мог знать вполне определенно, верно ли было им увидено то, что он видел. И только теперь становится возможным взаимопонимание между испытуемым и посвященным в области высшего знания. Ибо, как бы ни сложилось в обычной жизни общение посвященного с другим человеком, *непосредственным* образом передать что-либо из высшего знания посвященный может только на упомянутом языке знаков.

Посредством того же языка духовный ученик знакомится и с некоторыми правилами поведения в жизни. Он узнает некоторые обязанности, о которых прежде ничего не знал. И узнав эти правила поведения, он может совершать вещи, имеющие такое значение, какое никогда не могут иметь поступки непосвященного. Он действует из высших миров. Наставления к подобным действиям могут быть поняты только на указанном языке письмен.

Однако необходимо отметить, что есть люди, способные совершать подобные действия *бессознательно*, несмотря на то, что они не прошли через духовное ученичество. Такие «помощники мира и человечества» проходят через жизнь, принося благословения и благоденствия. По причинам, которых здесь незначительно касаться, им были сообщены дары, кажущиеся сверхъестественными. Эти люди отличаются от духовных учеников единственно тем, что последние действуют *осознанно*, полностью постигнув общую взаимосвязь явлений. Благодаря пройденной им школе, ученик достигает того же, что было даровано первым высшими силами на благо мира. Благодатно одаренные заслуживают искреннего почитания; но отсюда не следует, что труды ученичества надо считать излишними.

Когда духовный ученик изучил знаки упомянутого письма, для него начинается дальнейшее «испытание». Цель его – выяснить, способен ли он свободно и уверенно действовать в высшем мире. В обычной жизни человек побуждается к действиям внешними мотивами. Он делает то или иное, потому что обстоятельства возлагают на него те или иные обязанности. Излишне упоминать, что духовный ученик не вправе пренебрегать ни одной из своих обязанностей в обычной жизни *в силу того, что* он живет в высших мирах. *Никакая* обязанность в высшем мире не может заставить человека пренебречь какой бы то ни было из его обязанностей в обычном мире. Отец семейства остается таким же хорошим отцом семейства, мать – такой же хорошей матерью, служащий не уклоняется от своей службы, так же как и солдат или всякое другое лицо, когда они становятся духовными учениками. Напротив, все качества, способствующие развитию в человеке жизненных навыков, у духовного ученика возрастают в такой мере, о которой непосвященный не может иметь никакого понятия. И если непосвященному порою кажется, что это не так, то причина только в том, что он не всегда умеет верно судить о посвященном. Поступки последнего иногда не сразу понимаются другими. Но и это, как сказано, обнаруживается только в особых случаях.

Для достигшего названной ступени посвящения отныне существуют обязанности, которые не обусловлены каким-либо *внешним* поводом. Его побуждают к ним не внешние условия, а только правила, открывающиеся ему на «сокровенном» языке. И проходя второе «испытание», он должен показать, что, руководствуясь подобным правилом, он действует так же уверенно и твердо, как, к примеру, служащий, когда он исполняет свои обязанности. Посвящаемый чувствует, что с этой целью он поставлен духовным обучением перед определенной задачей. Он должен совершить некое действие, опираясь на восприятия, полученные им на основании знаний, приобретенных на ступени приготовления и просветления. И об этом действии, которое ему предстоит выполнить, он должен узнать посредством упомянутого усвоенного им письма. Если он распознает свою обязанность и поступит верно – тогда он выдержал испытание. Удачный исход узнается по перемене, которая происходит благодаря этому действию в ощущаемых как образы, краски и звуки восприятиях духовного слуха и зрения. В наставлениях к духовному обучению совершенно точно указано, как должны

выглядеть эти образы и т. д. после совершения поступка. И посвящаемый должен знать, как ему вызвать эту перемену. Это испытание называется «испытанием водой», потому что для деятельности в этих высших областях человеку недостает опоры во внешних обстоятельствах, подобно тому как теряется чувство опоры в воде, когда дно уходит из-под ног. Процесс этот должен повторяться до тех пор, пока испытуемый не приобретет полной уверенности в своих действиях.

Также и при этом испытании речь идет о приобретении определенного качества; благодаря опыту, полученному в высшем мире, человек за короткое время развивает в себе это качество до такой высокой степени, что при обыкновенном ходе развития ему понадобилось бы для этого пройти через многие воплощения. Суть дела заключается в следующем. Для того, чтобы произвести указанную перемену в высшей области бытия, посвящаемый может опираться только на то, что открывается ему благодаря его высшему восприятию и в результате чтения сокровенного письма. Если бы при совершении своего поступка он примешал к нему что-либо, проистекающее из своих желаний, мнений и т. д., если бы он только на одно мгновение последовал не тем законам, которое он признал верными, а собственному произволу – тогда произошло бы нечто совершенно иное, но не то, что должно было произойти. В этом случае испытуемый тотчас же потерял бы направление, ведущее к цели его поступка, и пришел бы в замешательство. Поэтому благодаря этому испытанию человек имеет богатую возможность выработать в себе *самообладание*, и это очень важно. Нужно отметить, что и это испытание может быть легче выдержано теми, кто до посвящения прожил жизнь, которая дала ему возможность приобрести самообладание. Кто приобрел способность следовать высоким правилам и идеалам, отстранив личные прихоти и произвол, кто способен неизменно исполнять свой долг даже и там, где личные склонности и симпатии готовы отклонить его от исполнения долга, тот уже в обычной жизни, *не сознавая этого*, стал посвященным. И ему будет недоставать лишь самой малости, чтобы выдержать описанное испытание. Можно даже сказать, что известная, неосознанно достигнутая уже в жизни степень посвящения, как правило, бывает необходима, чтобы выдержать второе испытание. Людям, не научившимся правильно писать в юности, бывает трудно нагнать это потом, когда они уже достигли зрелого возраста; точно так же трудно развить необходимое *самообладание* перед раскрывшимися взору высшими мирами человеку, не усвоившему его до известной степени еще прежде, в повседневной жизни. Вещи физического мира не меняются в зависимости от наших желаний, вожелдений или склонностей. Но в высших мирах наши желания, вожелдения и склонности *воздействуют* на вещи. Желая соответственным образом влиять на них, мы должны всецело владеть собой, руководствуясь только верными предписаниями и избегая произвола.

На этой ступени посвящения для человека особенно важно обладать следующим качеством: абсолютно здоровой и *уверенной способностью суждения*. На ее развитие должно быть обращено внимание уже на всех более ранних ступенях; на этой же ступени должно выясниться, владеет ли испытуемый ею настолько, чтобы быть пригодным для истинного пути познания. Он может идти дальше только в том случае, если он умеет отличать иллюзии, пустые образы фантазии, суеверия и всяческие призраки от истинной действительности. А на высших ступенях бытия сделать это труднее, чем на низших. Здесь должны исчезнуть все предрассудки, все излюбленные мнения относительно вещей, с которыми имеешь дело, и одна только *истина* должна быть путеводной нитью. Необходимо, чтобы ученик был полон готовности сразу же отказаться от любой мысли, взгляда или наклонности, если этого потребует логическое мышление. В высших мирах достоверность познания может быть достигнута только в том случае, если человек никогда не шадит собственного мнения.

Люди с образом мышления, склонным к фантастике и суеверию, не могут сделать успехов на оккультном пути. Ибо оккультному ученику предстоит достичь бесценного блага. Для него исчезнут все *сомнения* о высших мирах. Они раскроются перед его взором в своих законах. Но он не обретет это благо, пока будет позволять заблуждениям и иллюзиям вводить себя в обман. Плохо было бы для него, если бы его фантазии и предрассудки увлекали за собой и его разум. Мечтатели и фантазеры так же непригодны для оккультного пути, как и суеверные люди. И это необходимо отметить особо. Ибо в мечтательности, фантастике и суеверии таятся злейшие враги на пути к познаниям в высших мирах. Но никому не следует думать, что духовным учеником утрачивается также поэзия жизни и способность к воодушевлению лишь потому, что над вратами, ведущими ко второму посвятельному испытанию, начертаны слова: «От тебя должны отпасть все предрассудки» – или потому, что над входными вратами к первому испытанию уже довелось прочесть: «Без здравого человеческого рассудка все твои шаги напрасны».

Если испытуемый достаточно продвинут в этом отношении, тогда его ждет третье «испытание». Но здесь ему не ставится никакой цели. Все предоставлено ему самому. Он находится в таком положении, когда ничто не побуждает его к действию. Он должен совершенно один, полагаясь на самого себя, найти свой путь. Нет никого и ничего, что побуждало бы его к действию. Ничто и никто, кроме него самого, не может дать ему теперь ту силу, в которой он нуждается. Если он не найдет в себе самом этой силы, то очень скоро окажется опять на том же месте, где он стоял прежде. Нужно, однако, заметить, что лишь немногие из выдержавших первые испытания не найдут в себе этой силы. Обычно или отстают уже раньше, или выдерживают и здесь. Все, что для этого необходимо, заключается в умении быстро справляться с самим собой. Ибо здесь надлежит найти свое «высшее Я», в истинном смысле этого слова. Нужно суметь быстро принять решение, прислушиваясь во всем к велениям духа. Здесь уже нет времени для каких-либо раздумий, сомнений, и т. д. Каждая минута колебания лишь доказала бы, что человек еще недостаточно зрел. Надо мужественно

преодолеть то, что мешает внимать духу. Необходимо проявить в этом положении *присутствие духа*. Это и есть то качество, совершенное развитие которого является необходимым условием на этой ступени развития. Всякие приманки к действию или даже к мышлению, к которым человек привык прежде, здесь прекращаются. Чтобы не остаться в бездействии, человек *не должен терять самого себя*. Ведь только в себе самом он может найти единственную точку опоры, за которую он может держаться. Читая здесь об этом и не будучи более близко знакомым с этими вещами, не следует ощущать антипатии к подобному состоянию предоставленности самому себе. Ибо выдержав описанное испытание, человек испытывает высочайшее блаженство.

И в этом отношении обычная жизнь является для многих людей не меньшей, чем в других случаях, оккультной школой. Подобной школой является жизнь для тех, кто уже достиг способности, не впадая в замешательство или продолжительные раздумья, быстро принимать решение, когда жизнь внезапно ставит перед ним какую-нибудь задачу. Наиболее подходящими являются те ситуации, в которых успешное выполнение какого-либо действия тотчас же делается невозможным, если человек не решится на него без промедлений. Кто готов к незамедлительному вмешательству при виде грозящего несчастья, между тем как несколько мгновений промедления уже дали бы разразиться беде, и кто превратил эту способность к быстрому принятию решений в свое постоянное качество, тот бессознательно созрел для третьего «испытания». Ибо здесь на передний план выступает необходимость в *присутствии духа*. В оккультных школах это испытание носит название «испытание воздухом», ибо проходя его, испытываемый не может опереться ни на твердую почву внешних побуждений, ни на приобретенное им во время приготовления и просветления знакомство с тем, что открывается в цветах, формах и т. д.; здесь он может положиться исключительно на самого себя.

Только выдержав это испытание, духовный ученик может вступить в «храм высших познаний». Все, что может быть сказано об этом далее, ограничивается лишь самыми скудными намеками. То, что теперь надлежит совершить, выражают нередко таким образом: духовный ученик должен принести «клятву» ничего не «выдавать» из сокровенных учений. Но выражения «клятва» и «выдавать» совершенно не отвечают сути дела и сначала даже могут ввести в заблуждение. Речь идет вовсе не о «клятве» в обычном смысле слова. Скорее, на этой ступени развития ученик приобретает некоторый *опыт*. Он узнает, как применять сокровенное знание, как поставить его на служение человечеству. Он впервые начинает по-настоящему понимать мир. Здесь важно не умолчание «о высших истинах», а, напротив, нахождение верного способа преподнесения, представления их с надлежащим тактом. То, о чем учатся хранить «молчание», – есть нечто совсем иное. Ученик должен усвоить это прекрасное качество, применяя его ко многому из того, о чем он говорил прежде и, особенно, к тому, как он говорил. Плох был бы тот посвященный, который не поставил бы на служение миру познанных им тайн в той форме и мере, в какой это возможно. В этой области не существует иных препятствий для передачи познаний, кроме непонимания со стороны воспринимающих. Высшие тайны, конечно, не должны делаться предметом праздных разговоров. Но никому из тех, кто достиг описанной ступени развития, не «запрещается» сообщать о них что-либо. Ни один человек и никакое другое существо не налагает на ученика подобной «клятвы». Все предоставлено его собственному чувству ответственности. Он научается в каждом конкретном случае совершенно самостоятельно находить, как ему поступать. И «клятва» означает здесь не что иное, как то, что человек созрел для несения этой ответственности.

Если испытываемый созрел для описанной ступени развития, тогда он получает то, что символически называют «напитком забвения». А именно, он посвящается в тайну того, как можно действовать, не позволяя низшей памяти быть постоянной помехой. Это необходимо посвященному. Ибо он должен всегда иметь полное доверие к непосредственно настоящему. Он должен уметь разрушать покровы воспоминаний, расстилающихся вокруг человека в каждое мгновение жизни. Если о чем-нибудь, встреченном сегодня, я сужу на основании того, что мною было испытано вчера, то я впадаю во всевозможные ошибки. Конечно, это вовсе не означает, что надо отречься от своего добытого в жизни опыта. Нужно всегда, насколько это возможно, держать его перед собой. Но, будучи посвященным, человек должен обладать способностью оценивать каждое новое переживание, полагаясь всецело на самого себя, дать ему воздействовать на себя, не замутняя его прошлым. В каждое мгновение я должен быть готов к тому, что любая вещь или любое существо может принести мне совершенно новое откровение. И если я сужу о новом на основании старого, то я впадаю в заблуждение. Память о старом опыте наиболее полезна для меня именно тем, что она наделяет меня способностью *видеть* новое. Не имея определенного опыта, я, возможно, вовсе не увидел бы того или иного качества встречающейся мне вещи или существа. Но именно *видению* нового, а не суждению о новом на основании старого должен служить опыт. В этом отношении посвященный достигает совершенно определенных способностей. Благодаря этому ему открывается многое из того, что остается сокрытым от непосвященного.

Второй «напиток», предлагаемый посвященному, это «напиток памяти». Благодаря ему он достигает способности всегда иметь перед собой в духе высшие тайны. Обычной памяти для этого было бы недостаточно. Нужно слиться воедино с высшими истинами. Нужно не только знать их, но столь же *просто и естественно* обращаться с ними в своей живой деятельности, как обыкновенный человек ест и пьет. Они должны сделаться практикой, привычкой, склонностью. Не должно быть нужды в размышлении о них в обычном смысле слова; они должны проявляться в самом человеке, протекать в нем, как жизненные функции его организма. Таким образом, он все более приводит себя в духовном отношении к тому, к чему в физическом привела его природа.

ПРАКТИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ

Проходя подготовку в отношении чувств, мыслей и настроений таким образом, как это было описано в главах о подготовке, просветлении и посвящении, человек вызывает тем самым в своей душе и в своем духе такое же расчленение на органы, какое природа произвела в его физическом теле. До этой подготовки душа и дух представляли собой нерасчлененные массы. Ясновидящий воспринимает их в виде взаимопроникающих, спиральных, вихреобразных туманностей, которые преимущественно ощущаются окрашенными в тускло мерцающие красноватые и красновато-коричневые или красновато-желтые цвета; расчленившись на органы, они начинают духовно сиять желтовато-зелеными, зеленовато-синими тонами и обнаруживают закономерное строение. Этой закономерности – и тем самым высших познаний – человек достигает в том случае, если наводит в своих чувствах, мыслях и настроениях такой же порядок, какой природа навела в его телесных функциях, так что он может видеть, слышать, дышать, переваривать пищу, говорить и т. д. Постепенно духовный ученик научается дышать, видеть и т. д. душою; слышать, говорить и т. д. – духом.

Здесь надо привести несколько более подробных *практических* указаний, относящихся к высшему воспитанию души и духа. Им, в сущности, независимо от других правил может следовать каждый, и благодаря этому он сумеет несколько продвинуться в области тайноведения.

Особенно необходимо выработать в себе *терпение*. Проявление нетерпения всякий раз действует парализующим и даже умерщвляющим образом на дремлющие в человеке высшие способности. Нельзя требовать того, чтобы безграничные прозрения в высшие миры открылись сию же минуту. Ибо тогда этого скорее всего и не произойдет. Удовлетворенность даже самым незначительным достигнутым успехом, спокойствие и невозмутимость все более должны овладевать душой. Вполне понятно, что ученик нетерпеливо ожидает результатов. Но, тем не менее, он ничего не достигнет до тех пор, пока не преодолет свое нетерпение. И совершенно бесполезно подавлять нетерпение в обычном понимании этого слова. От этого оно только усилится. Ученик будет лишь обольщаться относительно него, и оно тем прочнее заляжет в глубинах души. Можно достичь чего-либо только в том случае, если постоянно все снова и снова отдаваться вполне определенной мысли, если окончательно сделать ее своей. Мысль эта такова: «Я должен сделать все для развития моей души и моего духа; но я буду спокойно *ждать*, пока высшие силы найдут меня достойным известного просветления». Если эта мысль станет в человеке столь могущественной, что она делается чертой его характера, – то он на правильном пути. Тогда эта черта характера отразится и на его внешних проявлениях. Выражение глаз станет спокойным, движения – уверенными, решения – точными, и все, что называют нервностью, постепенно отойдет от него. Маленькие, несущественные на первый взгляд правила должны при этом приниматься во внимание. К примеру, кто-нибудь наносит нам оскорбление. Прежде, до нашего оккультного воспитания, мы обращали наше чувство против оскорбителя. В нас поднималось раздражение. Но у духовного ученика в подобной ситуации тотчас же возникнет мысль: «Это оскорбление несколько не умаляет моего достоинства»; и тогда он спокойно и невозмутимо, ничуть не гневаясь, совершает то, что надлежит предпринять против оскорбления. Конечно, дело вовсе не в том, чтобы просто сносить любое нанесенное тебе оскорбление, а в том, чтобы ответить на него столь же спокойно и уверенно, как если бы оно было нанесено другому, постоять за кого мы имеем право. Всегда нужно помнить, то духовное ученичество протекает не в грубых внешних процессах, но в тонких и тихих превращениях жизни чувств и мыслей.

На сокровища высшего знания *терпение* действует притягательно, нетерпение же действует на них отталкивающим образом. Торопливость и беспокойство не позволяют достичь чего-либо в высших областях бытия. Прежде всего должны умолкнуть *желание* и *вожделение*. Это свойства души, перед которыми робко отступает всякое высшее знание. Как бы ни было бесценно высшее познание, но чтобы оно могло прийти к нам, его нельзя жаждать. Кто хочет иметь его ради самого себя, никогда его не достигнет. Для этого прежде всего требуется быть *правдивым* перед самим собой в самой глубине души. Ученик ни в чем не должен обманываться относительно себя. Надо с внутренней правдивостью смотреть в лицо собственным ошибкам, слабостям и недостаткам. В то мгновение, когда ты оправдываешь перед собой какую-либо свою слабость, ты кладешь камень на пути, ведущем тебя ввысь. Этот путь ты можешь расчистить лишь беспристрастно поняв самого себя. Существует *единственный* способ избавиться от своих слабостей и ошибок – верно познать их. В душе человека таится много способностей, и все они могут быть пробуждены. Свой рассудок и разум человек может также возвысить, если спокойно и невозмутимо уяснит себе, откуда происходит эта его слабость. Конечно, такое самопознание дается нелегко, ибо соблазн предаться самообману поистине огромен. Кто приучит себя к правдивости перед самим собой, тот раскроет перед собой врата высшего прозрения.

У духовного ученика должно исчезнуть всякое любопытство. Он должен все больше отучаться задавать вопросы о вещах, которые интересуют его лишь для удовлетворения своей любознательности. Он должен вопрошать только о том, что может послужить к усовершенствованию его существа, способствовать его развитию. Но наряду с этим радость знания и преданность ему вовсе не должны угаснуть в нем. Он должен благоговейно прислушиваться ко всему, что служит этой цели, и искать любого повода к такому благоговению.

Для духовного развития в особенности необходимо воспитание жизни *желаний*. Во все не требуется отказа от всех желаний. Ибо всего, чего мы должны достичь, должны мы также и желать. И желание осуществляется всегда, если за ним стоит одна совершенно особая сила. Эта сила обретается в правильном *познании*: «Не желай, пока в данной области ты не приобрел истинного знания» – это одно из золотых правил для духовного ученика. Мудрец учится сначала познанию законов мира, и тогда его желания становятся силами, которые претворяются. Приведем здесь пример, поясняющий это. Многие, наверно, пожелают посредством собственного созерцания узнать что-либо о своей жизни, предшествовавшей рождению. Такое желание совершенно бесцельно и бесплодно, пока желающий узнать это не приобретет путем духовного обучения *познания* законов о сущности вечного – и притом в их наиболее тонких и сокровенных чертах. Когда же он действительно овладеет этим познанием и *затем* пожелает продвинуться дальше, то это станет возможным благодаря его очищенному и облагороженному желанию.

Бесполезно также говорить: да, я хочу обзреть мою предыдущую жизнь и именно с этой целью буду учиться. Скорее, напротив, нужно суметь совершенно отбросить это желание, с корнем вырвать его из себя и учиться сначала без этого намерения. Надо укрепить в себе радость и преданность познаваемому, не руководствуясь при этом указанным намерением. Ибо только таким путем человек в то же время учится желать таким образом, чтобы желание повлекло за собой свое исполнение.

Будучи в состоянии *гнева* или *раздражения*, я в мире душ воздвигаю вокруг себя стену, и силы, работающие над развитием моих душевных очей, не имеют доступа ко мне. Если, например, кто-то настроен по отношению ко мне враждебно, то он тем самым посылает душевный поток в мир душ. Я до тех пор не могу увидеть этого потока, пока я сам еще способен раздражаться. Мое раздражение скрывает его от меня. Но я не должен думать, что у меня тотчас же появится душевное (астральное) видение, как только я перестану раздражаться. Ибо для этого необходимо, чтобы сначала развилось во мне душевное око. Зачаток этого ока есть в каждом человеке. Но оно остается в бездействии до тех пор, пока человек способен испытывать раздражение. И пробудится оно также не сразу, как только человек немного преодолит свою раздражительность. Нужно, напротив, неустанно продолжать эту борьбу, терпеливо преодолевать раздражительность; и однажды человек заметит, что у него развилось это душевное око. Конечно, раздражение является не единственным из всего того, что нужно преодолеть с этой целью. Многие впадают в нетерпение или начинают сомневаться, после того как они долгие годы потратили на борьбу с некоторыми собственными душевными свойствами и ясновидение у них все же не наступило. Но это означает лишь то, что они совершенствовали одни душевные свойства, в то время как другим давали разрастаться с тем большей силой. Дар ясновидения наступает только тогда, когда подавлены все душевные свойства, не позволяющие проявиться соответственным дремлющим способностям. Правда, зачатки видения (или слышания) появляются и раньше: но это нежные ростки, которые легко подвергаются разрушительному воздействию всевозможных заблуждений и столь же легко отмирают, если человек не продолжает тщательно охранять и беречь их.

К числу свойств, которые необходимо преодолеть наравне с гневом и раздражительностью, принадлежат, например, такие: робость, суеверие и склонность к предрассудкам, тщеславие и честолюбие, любопытство и чрезмерная общительность, различное отношение к людям в зависимости от их внешнего положения, пола или племени и т. д. В наше время довольно трудно понять, что преодоление подобных свойств может иметь какое-либо отношение к повышению познавательной способности. Но каждый тайновед знает, что от подобных вещей познавательная способность зависит гораздо больше, чем от развития интеллекта или от выполнения упражнений. Но здесь легко может возникнуть недоразумение, если кому-то покажется, что необходимо сделаться безрассудно смелым уже только потому, что надо быть бесстрашным; или что следует вовсе обходить различия между людьми, потому что надо преодолеть сословные, расовые и другие предрассудки. Напротив, человек только тогда научается верно познавать эти различия, когда он не скован предрассудками. Ведь даже в обычном смысле можно утверждать, что страх перед каким-нибудь явлением мешает мне ясно судить и последнем или что расовая предубежденность мешает мне заглянуть в душу человека. Этот «обычный смысл» духовный ученик должен развить в себе до большой тонкости и остроты.

Камнем преткновения на пути духовного воспитания человека становится также все то, что он говорит, не подвергая это предварительно очистительному действию мысли. Здесь необходимо принять во внимание еще одну сторону вопроса, которую можно пояснить только на примере. Если, предположим, кто-либо сообщает мне нечто такое, что может вызвать у меня возражение, то мне надо больше внимания обратить на мнение, чувство или даже на предрассудок другого, нежели на то, что в настоящий момент я мог бы сам сказать о данной вещи. Этим намечается тонкая выработка такта, которой тщательно должен посвятить себя духовный ученик. Если он противопоставляет чужому мнению свое собственное, то предварительно он должен оценить значение этого факта для другого лица. Отсюда не следует, что надо воздерживаться от выражения собственного мнения. Об этом не может быть и речи. Нужно уметь как можно

точнее прислушиваться к другому и уже сообразно услышанному строить свое возражение. В подобном случае у духовного ученика неизменно возникает *следующая* мысль; и он стоит на верном пути, если эта мысль живет в нем таким образом, что она стала чертою его характера. Мысль эта такова: «Дело вовсе не в том, что у меня на этот счет другое мнение, а в том, чтобы он сам смог найти истину, если я помогу ему». Благодаря этой мысли и другим, ей подобным, на характер и образ действия духовного ученика налагается отпечаток *кротости*, которая есть главное средство всякого духовного обучения. *Чертвость* отпугивает от тебя те душевные образования, которые должны пробудить твое душевное око; *кротость* отстраняет от тебя препятствия и раскрывает твои органы.

Вместе с *кротостью* в душе вскоре начинает развиваться и другая черта: спокойное *внимание* ко всем тонкостям душевной жизни в окружающем мире при полном *безмолвии* собственных движений души. И если человек достиг этого, тогда душевные движения вокруг него воздействуют на него так, что его собственная душа растет и по мере роста расчленяется на органы подобно растению, развивающемуся на солнечном свете. Кротость и безмолвие при истинном терпении открывают душу миру душ, а дух – стране духов. «Пребывай в покое и отрешенности, замкни свои чувства для всего, что они приносили тебе до твоего ученичества, приведи к покою все мысли, которые согласно твоим прежним привычкам постоянно сменяют одна другую, стань внутренне тихим и безмолвным и терпеливо жди: тогда высшие миры начнут развивать твои душевные очи и духовные уши. Не жди, что ты тотчас же начнешь видеть и слышать в мире душ и духов. Ибо то, что ты делаешь, лишь способствует развитию твоих высших органов чувств. Душевно видеть и духовно слышать ты начнешь только тогда, когда у тебя уже будут эти органы чувств. Проведя таким образом некоторое время в покое и отрешенности, переходи к твоим обычным каждодневным делам, сначала глубоко запечатлев в себе мысль: однажды со мною произойдет то, что должно произойти, если я буду для этого зрел. И строго запрети себе добиваться чего-либо от высших сил по собственному произволу». Таковы указания, которые каждый духовный ученик получает от своего учителя в начале пути. Соблюдая их, он совершенствует себя. В противном же случае вся его работа напрасна. Эти указания трудновыполнимы только для того, кто не обладает терпением и упорством. Не существует иных препятствий, кроме тех, которые *каждый сам* ставит себе на пути и которых каждый сам же может и избежать, если он действительно этого хочет. Это всегда надо помнить, потому что многие составляют себе совершенно ложное представление о трудностях оккультного пути. В известном смысле легче пройти первые ступени этого пути, чем вне оккультного ученичества справляться с повседневными трудностями жизни. Нужно отметить, что здесь могут быть сообщены только те указания, следование которым не сопровождается никакой опасностью для телесного или душевного здоровья. Существуют ведь и другие пути, быстрее приводящие к цели, но с этими путями изложенное здесь не имеет ничего общего, так как они могут оказать на человека известные воздействия, которые опытный тайновед считает нежелательными. Но поскольку некоторые сведения об этих путях все же становятся достоянием гласности, необходимо настоятельно предостеречь людей от вступления на них. По причинам, понятным лишь посвященному, пути *эти*, в их истинном образе, никогда не могут быть даны открыто. И появляющиеся то здесь, то там обрывки подобного знания не могут привести ни к чему полезному, а лишь – к разрушению здоровья, счастья и душевного покоя. Кто не хочет вверять себя темным силам, об истинной сущности и о происхождении которых он не имеет никакого представления, тому лучше избегать занятий подобными вещами.

К вышесказанному можно добавить несколько слов о внешних условиях, при которых следует совершать упражнения, входящие в состав духовного обучения (поскольку и это имеет известное значение). Однако почти для каждого человека условия эти различны. Кто совершает свои упражнения в среде, пропитанной эгоистическими интересами, например, современной борьбой за существование, тот должен понимать, что эти интересы не могут не влиять на развитие его душевных органов. Правда, внутренние законы, которым подчиняются эти органы, столь могущественны, что это влияние не может стать пагубным. Подобному тому, как лилия и в неблагоприятных условиях не может превратиться в репейник, так и душевное око – даже под воздействием эгоистических интересов, преобладающих в современных городах, не может развиваться во что-нибудь иное, кроме как в то, к чему оно предназначено. Но при всем этом ученику было бы полезно время от времени погружаться в тихий, исполненный внутреннего достоинства и прелести мир природы. В особенно благоприятных условиях находится тот, кто проводит духовное ученичество среди трогательной простоты природы, окруженный зеленью растительного мира, или в залитых солнцем горах. Это приводит внутренние органы к такой гармонии, которая никогда не достижима в современном городе. Несколько лучше, чем у городского жителя, обстоит дело у того, кто хотя бы в детстве имел возможность вдыхать аромат сосен, созерцать снежные вершины и наблюдать за мирной жизнью лесных животных и насекомых. Но и те, кому суждено жить в городе, пусть не забывают питать свои развивающиеся душевные и духовные органы инспирированными свыше учениями духовных исследователей. У кого нет возможности каждую весну, день за днем, наблюдать за зеленеющим лесом, тот должен взамен дать своему сердцу возвышенные учения Бхагавадгиты, Евангелия от Иоанна, Фомы Кемпийского, а также изложения духовнонаучных исследований. Множество путей ведет к вершине прозрения; но здесь необходим правильный выбор. Опытный тайновед может сказать об этих путях много такого, что непосвященному может показаться странным. К примеру, человек далеко продвинулся на духовном пути. Он может находиться, так сказать, в преддверии раскрытия душевного зрения и духовного слуха; и вот ему выпадает счастье совершить поездку по спокойному или, быть может, взволнованному морю. И тут с его душевных очей спадает повязка: он внезапно становится видящим. У

другого, который также продвинулся настолько, что , остается только спастись повязке с его глаз, это совершается в результате тяжелого удара судьбы. На другого человека этот удар судьбы подействовал бы так, что парализовал бы его силы, подавил бы его энергию; но для духовного ученика он становится поводом к просветлению. Третий терпеливо ждет; целые годы ждал он так без заметного результата. Но однажды, во время спокойного пребывания в тихой комнате, вокруг него загорается духовный свет, стены исчезают, становятся душевно прозрачными, и новый мир простирается перед его прозревшим оком или начинает звучать для его раскрывшегося духовного слуха.

УСЛОВИЯ УЧЕНИЧЕСТВА

Условия для вступления в духовное ученичество не могут устанавливаться кем-либо по собственному произволу. Они вытекают из сущности тайноведения. Как человек, не желающий брать в руки кисть, не может стать художником, так не может пройти духовного ученичества и тот, кто не пожелает исполнять необходимых требований оккультных учителей. В сущности, оккультный учитель ничего не может дать, кроме советов. В этом смысле и надо принимать все, что он говорит. Он прошел подготовительные пути, ведущие к познанию высших миров. Он из опыта знает, что для этого необходимо. От *свободной воли* каждого зависит, хочет ли он идти тем же путем, или нет. Если бы кто-то стал настаивать на том, чтобы учитель сообщил ему духовное обучение, а сам бы при этом не пожелал исполнять условий, то подобное требование было бы похоже на просьбу: научи меня рисовать, но избавь от необходимости притрагиваться к кисти. Оккультный учитель никогда и не сможет что-либо предложить, если навстречу ему не выступит свободная воля воспринимающего. Но надо отметить, что одного только общего желания иметь высшие познания будет недостаточно. Такое желание будет, конечно, у многих. Но кто руководствуется *только* им, не желая вникнуть в *особые* условия оккультного ученичества, тот ничего не сможет достичь. Об этом должны помнить те, кто жалуется на трудности оккультного ученичества. Тот же, кто не желает или не может исполнять строгих условий, *должен временно* отказаться от оккультного обучения. Условия эти хотя и *строги*, но не *жестоки*, и следование им не только может, но и должно быть свободным поступком.

Тому, кто не примет этого во внимание, требования оккультного обучения легко могут показаться насилием над душой или совестью. Ибо все обучение основано здесь на совершенствовании *внутренней* жизни; и оккультному учителю приходится давать советы, затрагивающие внутреннюю жизнь. Но если что-то требуется осуществить как результат свободного решения, то в этом не может быть усмотрено насилие. Если бы кто-то потребовал от учителя: поделись своими тайнами, но оставь меня с моими привычными ощущениями, чувствами и представлениями – то он желал бы совершенно невозможного. Он хотел бы только удовлетворить свое любопытство или любознательность. Но при таком подходе сокровенное знание никогда не может быть достигнуто.

Теперь приведем поочередно условия, которые необходимо соблюдать духовному ученику. Нужно отметить, что здесь не требуется *совершенное* выполнение любого из этих условий, но исключительно лишь *стремление* к таковому. *Полностью* выполнить условия не удастся никому; но вступить на путь их выполнения может каждый. Все зависит лишь от воли, убежденности, определяющих вступление на этот путь.

Первое условие таково: ученик должен обратить внимание на поддержание своего телесного и душевного *здоровья*. Первоначально степень здоровья человека зависит, конечно, не от него самого. Но стремиться помочь себе в этом отношении может каждый. Только здоровый человек способен к здоровому познанию. Правда, и нездоровому человеку не отказывается в духовном обучении; но от ученика требуется, чтобы у него была воля к здоровой жизни. В этой области человек должен достичь возможно большей самостоятельности. Доброжелательные советы других, большей частью непрошенные, которыми одаривают обычно каждого, как правило, совершенно излишни. Каждый должен стараться заботиться о себе сам. В физическом отношении задача заключается, скорее, в устранении вредных влияний, чем в чем-либо другом. При исполнении наших обязанностей нам, конечно, часто приходится браться за вещи, неблагоприятные для нашего здоровья. И человек должен суметь, в случае необходимости, поставить долг выше заботы о собственном здоровье. Но от сколь многих вещей можно отказаться при доброй воле! Во многих случаях долг должен стоять превыше здоровья, нередко даже превыше жизни; *но наслаждение* у духовного ученика – никогда! Для него оно может быть только *средством* для здоровья и жизни. В этом отношении необходимо быть вполне честным и правдивым перед собой. Аскетический образ жизни ни к чему не приведет, если он проистекает из тех же побуждений, что и другие наслаждения. Кто-то может находить в аскетизме такое же удовольствие, какое другой находит в вине. Но пусть он не надеется, что такой аскетизм будет ему чем-либо полезен для достижения высшего познания. Многие склонны все трудности, возникающие при продвижении в указанном направлении, отнести за счет своего жизненного положения. Они говорят: «В моих жизненных условиях я не могу развиваться». В других случаях изменение жизненных условий для многих действительно может оказаться желательным, но в целях оккультного обучения этого никому не следует делать. Для данной цели нужно, чтобы человек именно в том положении, в котором он находится, делал все, что только возможно для своего телесного и душевного здоровья. Всякий труд может быть полезным для человечества в целом, и гораздо больше величия выявит человеческая душа, уяснив себе всю меру необходимости

мелкой и, может быть, даже неприглядной работы для этого целого, чем если станет думать: «Эта работа слишком ничтожна для меня, я призван к другому». Особенно важным для оккультного ученика является стремление к совершенному духовному здоровью. Нездоровая душевная и умственная жизнь по крайней мере удаляет его от путей к высшим познаниям. Ясное, спокойное мышление, верное ощущение и чувствование являются здесь главной основой. Особенно ученик должен быть далек от склонности к фантазерству, возбужденности, нервности, экзальтации, фанатизму. Он должен усвоить здоровый взгляд на все обстоятельства жизни; уметь уверенно разбираться в жизни; он должен спокойно давать самим вещам говорить к себе и воздействовать на себя. Он должен суметь везде, где это нужно, воздать должное жизни. Любая неумеренность и односторонность должна быть устранена из его суждений и ощущений. Если это условие не будет выполнено, духовный ученик вместо высших миров окажется в мире собственной фантазии; свои излюбленные мнения он будет ставить выше самой истины. Духовному ученику лучше быть «трезвым», нежели экзальтированным и фантазером.

Второе условие – чувствовать себя *членом* всеобщей жизни. Выполнение этого условия включает в себя многое. Но каждый может исполнить его лишь по-своему. Если я – воспитатель, и мой ученик не отвечает моим желаниям, то я должен направить свое чувство недовольства прежде всего не на него, а на самого себя. Я должен ощутить себя столь единым с моим учеником, чтобы суметь задать себе вопрос: «Не является ли недостаток в моем ученике результатом моих собственных действий?». Чем обращать свои чувства против него, я лучше подумаю, что мне нужно предпринять, чтобы в будущем ученик мог больше отвечать моим требованиям. Благодаря подобному настрою постепенно изменяется образ мышления человека. Это одинаково проявляется как в самом малом, так и в самом великом. Исходя из подобного настроения я иначе смотрю, например, на преступника, чем прежде. Я удерживаюсь от осуждения и говорю себе: «Я такой же человек, как и он. *Возможно* только воспитание, полученное мной в силу внешних обстоятельств, предохранило меня от его участи». Тогда я, пожалуй, приду к мысли, что этот человек, брат мой, был бы другим, если бы мои учителя свой труд, затраченный ими на меня, отдали ему. Я подумаю, что мне досталось нечто, в чем он был обделен, что своим благополучием я обязан именно тем условиям, которых он был лишен. И тогда я буду уже не так далек и от того представления, что я всего лишь член единого человечества и вместе с ним несу *ответственность* за все происходящее. Сказанное вовсе не предполагает, что подобная мысль должна немедленно перейти во внешние поступки агитационного характера. Она должна тихо вращиваться в душе. Тогда она постепенно отразится и на внешнем поведении человека. Но в этих вещах каждый может начать преобразование, конечно, только с самого себя. Совершенно напрасно было бы предъявлять в духе этих мыслей общие требования ко всему человечеству. Легко составить себе мнение о том, какими люди должны быть; но духовный ученик работает в глубине, а не на поверхности. Поэтому приводить указанное здесь требование оккультных учителей в связи с каким-либо внешним, например, политическим требованием, с которым духовное обучение не может иметь ничего общего, было бы неверным. Политические агитаторы обыкновенно «знают», чего требовать от других людей; о требованиях же к самим себе нет и речи.

С этим непосредственно связано третье условие, необходимое для духовного обучения. Ученик должен суметь пробиться к воззрению, что его мысли и чувства имеют для мира такое же значение, как и его действия. Нужно осознать, что ненавидеть своего ближнего так же губительно, как и ударить его. Тогда я приду также к пониманию того, что, совершенствуя себя, я совершаю нечто не только для себя, но и для мира. Из моих чистых чувств и мыслей мир извлекает совершенно такую же пользу, какую он извлекает из моих добрых поступков. До тех пор, пока я не смогу поверить в эту мировую значимость моей внутренней жизни, я не гожусь в духовные ученики. Только тогда я исполняюсь правильной веры в значимость моего внутреннего мира, моей души, когда работаю над этим душевным таким же образом, как если бы оно, по крайней мере, было столь же действительным, как и все внешнее. Я должен признать, что мое чувство оказывает такое же воздействие на мир, как и все то, что я делаю своими руками.

Тем самым высказано уже, собственно, и четвертое условие: усвоение того воззрения, что истинная сущность человека находится не во внешнем, а во внутреннем. Кто смотрит на себя лишь как на продукт внешнего мира, как на результат физического мира, тот ничего не сможет достичь в духовном обучении. Чувствовать себя душевно-духовным существом – основа такого обучения. Кто обретет это чувство, тот способен различить внутреннее обязательство и внешний успех. Он узнает, что одно не может непосредственно измеряться другим. Духовный ученик должен найти золотую середину между тем, что предписывают внешние условия, и тем, что он сам признает правильным для своего поведения. Он не должен навязывать своему окружению нечто такое, что не может быть принято с пониманием; но в то же время он должен быть совершенно свободен от болезненной склонности делать только то, что может встретить признание среди окружающих. Признания своих истин он должен искать лишь в голосе своей души, честно стремящейся к познанию. Но *учиться* у своего окружения он должен как можно больше, с тем, чтобы понять, что полезно и необходимо этому окружению. Поступая так, он разовьет в себе то, что в тайноведении называют «духовными весами». На одной чаше весов лежит «открытое» нуждам внешнего мира «сердце», на другой – «внутренняя твердость и непоколебимая выдержка».

Тем самым нам указывается пятое условие: упорство в следовании однажды принятому решению. Ничто, кроме сознания того, что он впал в заблуждение, не может заставить духовного ученика уклониться от принятого решения. Каждое решение есть сила, и если эта сила и не приводит к непосредственному результату в том месте, куда она

направлена, она тем не менее производит действие. Результат может иметь решающее значение только в том случае, если побуждением к действию служит вожделение. Но любые действия, продиктованные вожделением, не представляют собой какой-либо ценности для высшего мира. Здесь важна только *любовь* к данному поступку. В этой *любви* должно проявиться во всей полноте все то, что побуждает духовного ученика к поступку. И тогда он неустанно, все снова и снова будет претворять свое решение в действие, сколько бы раз его ни постигала неудача. Так приходит он к тому, чтобы, не дожидаясь *внешних* результатов своих действий, довольствоваться самими действиями. Он учится приносить в жертву миру свои поступки и даже все свое существо, невзирая на то, как мир воспримет его жертву. Кто желает стать духовным учеником, должен быть готов к такому жертвенному служению.

Шестое условие – развитие чувства *благодарности* ко всему, что дается человеку. Он должен знать, что собственное его бытие есть дар всей Вселенной. Как же много необходимо, чтобы каждый из нас мог получить и продлить свое бытие! Сколь многим обязаны мы природе и другим людям! К подобным мыслям должны быть склонны ищущие духовного ученичества. Кто не в состоянии отдаться этим мыслям, тот не сможет развить в себе *всеобъемлющей любви*, необходимой для достижения высшего познания. Ведь то, чего я не люблю, не может мне открыться. А каждое откровение должно наполнять меня благодарностью, ибо благодаря ему я становлюсь богаче.

Все описанные условия должны соединиться в седьмом: непрестанно воспринимать жизнь в духе вышеназванных условий. Благодаря этому ученик получает возможность придать своей жизни отпечаток целостности. Отдельные проявления его жизни отныне будут находиться в согласии, а не в противоречии друг с другом. Он будет подготовлен к тому покою, к которому он должен прийти при первых же шагах в духовном ученичестве.

Если у кого-то есть серьезное и честное намерение выполнить эти условия, то он может решиться на духовное ученичество. Он найдет себя готовым следовать приведенным советам. Многое в этих советах кому-то покажется чем-то внешним. Такой человек, пожалуй, скажет, что, по его мнению, ученичество должно было бы протекать в менее строгих *формах*. Но все внутреннее должно полноценно проявляться во внешнем. И как еще не существует картины, хотя она уже возникла в голове художника, так и невозможно духовное ученичество без своего внешнего выражения. Лишь те игнорируют строгие формы обучения, кому неизвестно, что во внешнем должно выражать себя внутреннее. Верно и то, что важен *дух* вещи, а не форма. Но как форма без духа – ничто, так и дух оставался бы праздным, не сотворив себе формы.

Следование приведенным условиям способно сделать духовного ученика достаточно сильным для выполнения и дальнейших требований, перед которыми ставит его духовное обучение. Не зная этих условий, он будет в недоумении останавливаться перед каждым новым требованием; у него не будет необходимого ему доверия к людям, а на доверии и на истинной любви к человеку должно быть основано стремление к истине. Оно должно быть *построено* на этом, хотя может происходить *не* из них, а только из силы собственной души. И любовь к людям должна постепенно расширяться в любовь ко всем существам и даже ко всему бытию. Кто не выполнит названных условий, у того не будет также и совершенной любви к созиданию, к творчеству, не будет склонности к отказу от всякого разрушения и уничтожения как таковых. Духовный ученик должен стать таким, чтобы никогда ничего не уничтожать ради самого уничтожения, и не только в действиях, но и в словах, в чувствах и мыслях. Радостью должно отзываться в нем всякое возникновение и становление; и он только тогда вправе что-либо уничтожить, если он способен в уничтожении и через уничтожение способствовать утверждению новой жизни. Отсюда не следует, что духовный ученик может безмятежно взирать на то, как буйно разрастается дурное; но он должен даже в дурном стараться отыскать те стороны, с помощью которых он мог бы обратить его в добро. Для него становится все более ясным, что самый верный способ преодоления дурного и несовершенного – созидание доброго и совершенного. Духовный ученик знает, что из ничто нельзя создать что-либо, но что несовершенное можно превратить в совершенное. Тот, кто разовьет в себе склонность к созиданию, приобретет также и способность правильно относиться к дурному.

Вступающий в духовное ученичество должен уяснить себе, что с его помощью надлежит строить, а не разрушать. Поэтому он должен принести с собой волю к честной, самоотверженной работе, а не к критике и разрушению. Он должен быть способен к *благоговению*, ибо ему предстоит учиться тому, чего он еще не знает. Он должен благоговейно взирать на все, что раскрывается перед его душой. Работа и благоговение – вот основной настрой, который требуется от духовного ученика. Кто-то обнаружит, что не подвигается вперед в ученичестве, несмотря на то, что он «работает без усталости». Это происходит оттого, что работу и благоговение он не понял в их истинном смысле. Работа, которая предпринимается ради успеха, приведет к наименьшему успеху, да и обучение, которое протекает без благоговения, меньше всего подвинет ученика. Только *любовь* к работе, а не к успеху, ведет вперед. И если ученик ищет здорового мышления и верного суждения, ему незачем сомнением и недоверием отравлять свое благоговение.

Если при восприятии какого-либо сообщения человек не спешит противопоставить ему свое собственное мнение, а встречает его со спокойным благоговением и открытой душой, то это не ведет его вовсе к рабской зависимости в суждениях. Тот, кто уже достиг чего-то в познании, знает, что всем этим он обязан не своему личному суждению, а способности спокойно вслушиваться в воспринимаемое и перерабатывать его. Необходимо всегда иметь в виду, что человеку незачем продолжать обучаться тому, о чем он может уже судить. Поэтому если человек намерен *лишь* судить, то ему незачем учиться дальше. Но в духовном ученичестве важно именно само обучение. Здесь необходима

сильная воля к тому, чтобы стать учеником. Если что-либо кажется непонятным, то лучше не судить об этом вовсе, чем судить неверно; лучше временно отказаться от понимания данной вещи. Чем выше человек поднимается по ступеням познания, тем более необходимо ему умение спокойно и благоговейно слушать. Познание истины, вся жизнь и деятельность в мире духа делаются в высших областях все более тонкими и нежными в сравнении с деятельностью обычного рассудка и с проявлениями жизни в физическом мире. Чем больше «расширил» себя человек в духовном отношении, тем все более утонченный характер принимает предстоящая ему в них деятельность. Поэтому люди и приходят относительно высших областей к столь различным «взглядам» и «точкам зрения». Тем не менее, также и о высших истинах в действительности существует только *одно* мнение. Прийти же к этому *единственно* мнению человек может путем работы и благоговения поднявшись к действительному созерцанию истины. Только тот может прийти к отличающемуся от истины воззрению, кто, не пройдя достаточной подготовки, высказывает суждение, основываясь на своих излюбленных представлениях, привычных мыслях и т. д. Как относительно математического правила существует только одно воззрение, так и относительно вещей высшего мира. Но сначала необходимо подготовиться к тому, чтобы суметь прийти к такому «воззрению». Если вдуматься в это, то условия, предъявляемые духовным учителем, ни для кого не будут содержать в себе ничего неожиданного. Безусловно верно, что истина и высшая жизнь живут в каждой человеческой душе и что *каждый* может и должен найти их в себе *сам*. Но они лежат глубоко и могут быть извлечены из своих глубоких недр лишь после устранения препятствий. Как это сделать, об этом может дать совет лишь человек, имеющий опыт в тайноведении. Такой совет дает духовная наука. Она никому не навязывает истины, она не провозглашает никаких догматов; но она показывает путь. Правда, каждый – возможно, только пройдя через многие воплощения, – смог бы и самостоятельно найти этот путь, и все же достигаемое в духовном ученичестве является сокращением пути. Благодаря ему человек скорее достигает того момента, когда он сможет стать деятельным участником в мирах, откуда путем духовной работы ниспосылается помощь и оказывается содействие во благо и развитие человечества.

Здесь было указано на то, что прежде всего надлежало сообщить о приобретении опыта в высшем познании мира. В следующей главе эти сообщения будут продолжены; в ней будет показано, что происходит в высших членах человеческой природы (в организме души – или астральном теле, и в духе – или в теле мысли) во время подобного развития. Таким образом, эти сообщения предстанут в новом освещении, что позволит еще больше углубиться в них.

О НЕКОТОРЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ПОСВЯЩЕНИЯ

К числу основных положений истинного тайноведения принадлежит положение о том, что человек, посвящающий себя тайноведению, должен делать это совершенно сознательно. Ему не следует выполнять каких-либо упражнений и вообще предпринимать что-либо в том случае, если он не знает, какое воздействие на него это может оказать. Давая кому-либо совет или указание, духовный учитель всегда упомянет вместе с тем и о последствиях, наступающих в теле, душе или духе того, кто стремится к высшему познанию.

Отметим теперь некоторые из возможных воздействий на душу духовного ученика. Только тот, кто ознакомился с этими фактами в их настоящем изложении, может вполне сознательно приступить к упражнениям, ведущим к познанию сверхчувственных миров. И только такой человек является истинным учеником тайноведения. Любые поиски ощупью строго запрещены при духовном обучении. Тот же, кто не желает проходить обучение с открытыми глазами, может сделаться медиумом; ясновидящим, в духе тайноведения, он стать не сможет.

У того, кто в указанном смысле выполняет описанные в предыдущих главах упражнения (ведущие к приобретению сверхчувственных познаний), известные изменения наступают прежде всего в так называемом организме души. Организм этот может воспринимать только ясновидящий. Его можно уподобить в большей или меньшей степени светящемуся духовно-душевному облаку, в середине которого находится физическое тело человека¹. В этом организме духовно видимы порывы, вожеления, страсти, представления и т. д. Чувственное вожеление, к примеру, ощущается в нем как темно-красные излучения определенной формы. Чистая, благородная мысль выражается в как бы красновато-фиолетовом излучении. Ясное, четкое понятие, вынесенное логически мыслящим человеком, ощущается в виде желтоватой фигуры с вполне определенными очертаниями. Путаная мысль неясного ума выступает как фигура с неопределенными очертаниями. Мысли людей с односторонними, закоснелыми воззрениями предстают ясновидящему взору резкими, неподвижными в своих очертаниях, тогда как у людей, легко поддающихся чужим мнениям, они видимы в подвижных, изменчивых очертаниях, и так далее².

Чем дальше продвигается человек в своем душевном развитии, тем правильнее слагается организм его души. У человека с неразвитой душевной жизнью он хаотичен и нерасчленен. Но и в этом нерасчлененном организме души ясновидящий может различить некое образование, ясно выделяющееся из окружения. Оно простирается от внутренней части головы до середины физического тела. Оно имеет вид как бы самостоятельного тела, имеющего определенные органы. Органы, о которых здесь прежде всего будет идти речь, воспринимаются духовно вблизи следующих частей физического тела: первый – между глазами, второй – близ гортани, третий – в области сердца, четвертый находится по соседству с так называемой подложечной впадиной, пятый и шестой расположены в области живота. Эти образования у тайноведов носят наименование «колес» (чакр), или также – «цветков лотоса». Они называются так благодаря своему сходству с колесами и цветами; но нужно, конечно, помнить, что это выражение следует понимать примерно в том же смысле, в каком обе части легкого называют «легочными крыльями». Всякому ясно, что здесь речь идет не о «крыльях»; так же и в нашем случае нельзя забывать, что это название имеет смысл лишь в качестве аналогии. У неразвитого человека эти «лотосы» темной окраски, спокойны и неподвижны. Но у ясновидящего они находятся в движении и имеют сияющие цветовые оттенки. Нечто подобное имеет место и у медиума, но все же несколько иначе. Здесь незачем касаться этого подробнее. Когда духовный ученик приступает к упражнениям, то прежде всего его «цветки лотоса» просветляются; позднее они начинают вращаться. С наступлением вращения проявляется способность к ясновидению. Ибо эти цветки – суть органы чувств души³. И их вращение является выражением того, что человек воспринимает в сверхчувственных мирах. Никто не может созерцать чего-либо сверхчувственного, прежде чем описанным образом не будут развиты его астральные органы чувств.

¹ Описание его можно найти в «Теософии» того же автора.

² При всех дальнейших описаниях необходимо иметь в виду, что, например, под «видением» какого-нибудь цвета понимается *духовное видение* (созерцание). Если ясновидческое познание говорит: «я вижу красное», то это означает: «я имею в области душевно-духовного переживание, подобное телесному переживанию при впечатлении от красного цвета». Это выражение применяется только потому, что для ясновидческого познания вполне естественно сказать в подобном случае: «я вижу красное». Не приняв этого во внимание, легко можно спутать цветное видение с действительно ясновидческим переживанием.

³ Относительно этих восприятий «вращения», а также и самих «цветков лотоса», остается в силе сказанное в предыдущем примечании о «видении цветов».

Духовный орган чувств, находящийся вблизи гортани, дает возможность ясновидчески прозревать *образ мышления* другого душевного существа; он допускает также более глубокое проникновение в истинные законы явлений природы. Орган, расположенный по соседству с сердцем, раскрывает ясновидческое познание *душевного склада* других душ. Тот, кто развил его, может познавать также и некоторые более глубокие силы у животных и растений. Благодаря органу чувств, находящемуся вблизи так называемой подложечной впадины, можно достичь знания о душевных *способностях* и *талантах* и прозревать в ту роль, какую играют в общем строе природы животные, растения, камни, металлы, атмосферные явления и т. д.

Орган, расположенный вблизи гортани, имеет шестнадцать «лепестков» или «спиц», орган вблизи сердца – двенадцать, а лежащий по соседству с подложечной впадиной – десять.

С развитием этих органов чувств связаны известные душевные отправления; и у кого они протекают должным образом, тот способствует развитию этих духовных органов чувств. В «шестнадцатилепестковом цветке лотоса» восемь лепестков уже были развиты в отдаленнейшем прошлом, на более ранней ступени развития человека. *Этому* развитию сам человек несколько не способствовал. Он получил его как природный дар, находясь еще в состоянии сновидческого, смутного сознания. На той ступени развития человечества эти лепестки уже были деятельны. Однако род их деятельности был связан лишь с этим смутным состоянием сознания. Впоследствии, когда сознание прояснилось, лепестки потемнели и прекратили свою деятельность. Оставшиеся восемь лепестков человек может сознательно развить сам путем выполнения известных упражнений. Благодаря этому весь цветок лотоса начинает сиять и приходит в движение. От развития каждого из шестнадцати лепестков зависит приобретение определенных способностей. Но, как уже было сказано, человек может развить сознательно только восемь из них; остальные восемь появляются тогда сами собой.

Развитие происходит следующим образом. Со всей внимательностью и заботливостью должен человек отнестись к некоторым душевным процессам, совершаемым им обычно беспечно и невнимательно. Существует восемь таких процессов. Первым из них является процесс образования человеком представлений. В этом отношении человек обычно полностью предается игре случая. Он видит и слышит то или иное и сообразно этому слагает свои понятия. Пока он поступает подобным образом, его шестнадцатилепестковый цветок лотоса остается в совершенном бездействии. И только тогда, когда он берет в свои руки процесс самовоспитания в этом направлении, цветок лотоса постепенно становится деятельным. С этой целью он должен обратить внимание на свои представления. Каждое представление должно приобрести для него значимость. Он должен увидеть в нем определенное сообщение, весть о событиях внешнего мира. И он не должен довольствоваться теми представлениями, которые не имеют подобной значимости. Всю жизнь своих понятий он должен направить так, чтобы она стала надежным зеркалом для отражения внешнего мира. Он должен постараться удалить из своей души ошибочные представления. Сущность второго душевного процесса заключается в принятии человеком решений. Даже самые незначительные решения он должен принимать обоснованно, после зрелого размышления. Любое необдуманное действие, всякий бесцельный поступок должны быть чужды его душе. Для всего он должен находить строго взвешенные основания. И он должен отказаться от всего, к чему у него нет значительного побуждения. Третий процесс имеет отношение к речи. Лишь то, что имеет смысл и значение, должно исходить из уст духовного ученика. Всякий разговор ради самого разговора уводит его с пути. Духовный ученик должен избегать обычной манеры вести разговор, когда без разбора и вперемежку говорят обо всем. Но при этом он отнюдь не должен отстраняться от общения со своими ближними. Именно в этом общении его речь должна вырастать до значительности. Он говорит с каждым и отвечает каждому, но делает это осмысленно, всесторонне обдумав свои слова. Он никогда не говорит необоснованно. Он старается говорить не слишком сжато, но и не слишком многословно. Четвертый душевный процесс заключается в упорядочении *внешней* деятельности. Духовный ученик старается направить свои действия так, чтобы они согласовывались с действиями его ближних и с событиями вокруг него. Он отказывается от поступков, которые могут ущемить других или внести разлад в то, что его окружает. Он старается направить свою деятельность таким образом, чтобы она гармонично вошла в его окружение, отразилась на его жизненном положении и т. д. Когда что-либо побуждает его к действию, он добросовестно следит за тем, чтобы как можно лучше согласовать свое действие с этой побудительной причиной. Действуя же по собственному побуждению, он самым тщательным образом взвешивает все возможные последствия своих действий. Пятый процесс заключается в устроении всей жизни ученика. Духовный ученик старается жить в согласии с природой и духом. Он ни в чем не проявляет торопливости, но и не предается лени. Он одинаково далек как от чрезмерной поглощенности занятиями, так и от недобросовестности в них. Он рассматривает жизнь как поле деятельности и строит ее сообразно с этим. Заботой о своем здоровье, своими привычками и т. д. он распоряжается так, чтобы достичь жизненной гармонии. Шестой процесс касается устремлений человека. Духовный ученик подвергает испытанию свои способности и умения и действует сообразно такому самопознанию. Он старается не браться за выполнение того, что ему не по силам; с другой же стороны он пытается не упустить ничего из того, что лежит в пределах его возможностей. В то же время он ставит себе цели, связанные с идеалами, с великими обязанностями человека. Он не вовлекается, как механический придаток, в работу «машины человечества», а стремится понять свои задачи, становясь над повседневностью. Он стремится к тому, чтобы все лучше и совершеннее исполнять свои обязанности. Седьмой процесс его душевной жизни находит выражение в стремлении как можно боль-

шему научиться у жизни. Ничто не проходит мимо духовного ученика, не послужив для него поводом к приобретению полезного жизненного опыта. Если он исполнил что-либо неверно и несовершенно, то в дальнейшем это становится стимулом к верному и совершенному действию в подобных ситуациях. С той же целью он всматривается в действия других. Он старается скопить богатое сокровище жизненного опыта и всегда тщательно сверяется с ним. Он ничего не предпринимает, не оглянувшись предварительно на пережитое, на то, что может оказать ему помощь в принятии решений и в их выполнении. И, наконец, восьмое: духовный ученик должен время от времени направлять взор на свой внутренний мир; он должен погружаться в самого себя, тщательно советоваться с собою, вырабатывать свои жизненные правила и проверять их, окидывать мысленным взором свои познания, взвешивать свои обязанности, размышлять о содержании и цели жизни и т. д. Все сказанное выше уже обсуждалось в предшествующих главах; здесь все это приводится лишь применительно к развитию шестнадцатилепесткового цветка лотоса. Благодаря подобной практике последний делается все совершеннее и совершеннее. Ибо от таких упражнений зависит развитие дара ясновидения. Чем больше, например, мысли и слова человека согласуются с процессами во внешнем мире, тем быстрее развивается этот дар. Неверная мысль и неправдивая речь убивают нечто в зародыше шестнадцатилепесткового цветка лотоса. В этом отношении правдивость, прямота и честность являются созидательными силами, а лживость, неискренность, нечестность – разрушительными. И духовный ученик должен знать, что здесь важно не одно только «доброе намерение», но и реальное действие. Если я мыслю и высказываю что-либо несогласующееся с действительностью, тем самым я разрушаю нечто в моем духовном органе чувств, какое бы доброе намерение мною при этом ни руководило. Здесь дело обстоит так же, как и с ребенком, который, дотрагиваясь до огня, обжигается, если даже это и происходит по неведению. Когда душевные процессы уже организованы вышеописанным образом, шестнадцатилепестковый цветок лотоса начинает сверкать великолепными красками и приходит в закономерное движение. Однако при этом необходимо принять во внимание, что упомянутый дар ясновидения может открыться не раньше, чем будет достигнута определенная степень развития души. Пока человеку еще трудно вести жизнь в намеченном направлении, этот дар не обнаруживает себя. Но пока ему приходится обращать на эти процессы особое внимание – он не достиг внутренней зрелости. По достижении того, что подобный уклад жизни делается для человека привычным, появятся и первые признаки ясновидения. Тогда это перестанет быть трудным и станет для него естественным образом жизни. Не должно быть необходимости в постоянном наблюдении за собой и в принуждении к подобному образу жизни. Все это должно сделаться привычкой. Существуют и другие способы, иначе приводящие к раскрытию шестнадцатилепесткового цветка лотоса. Но истинное тайноведение отвергает все подобные способы. Ибо они приводят к разрушению телесного здоровья и к нравственной гибели. Они легче осуществимы, чем описанный способ. Последний требует больше времени и труда, но он вернее приводит к цели и может нравственно только укрепить человека.

Искаженное развитие цветка лотоса в случае наступления некоторого дара ясновидения приводит не только к иллюзиям и фантастическим представлениям, но также и к ошибкам и неустойчивости в обычной жизни. В результате подобного развития человек может сделаться робким, завистливым, тщеславным, высокомерным, упрямым и т. д., тогда как прежде он не обладал всеми этими свойствами. Выше было сказано, что восемь лепестков шестнадцатилепесткового цветка лотоса уже были развиты раньше, в очень далеком прошлом и что при духовном обучении они сами собой проявляются снова. Теперь все внимание духовного ученика должно быть обращено на остальные восемь лепестков. При неправильном обучении легко выступают одни только первые, ранее уже развитые, лепестки, а вновь образующиеся остаются в зачаточном состоянии. Это в особенности происходит в тех случаях, если при обучении уделяется слишком мало внимания логическому, здравому мышлению. Чрезвычайно важно, чтобы духовный ученик был человеком разумным, склонным к ясному мышлению. Далее, очень важно, чтобы он позаботился о возможно большей ясности в речи. Люди, начинающие смутно предчувствовать что-либо из области сверхчувственного, легко делаются разговорчивыми, часто говорят об этом. Этим они задерживают свое правильное развитие. Чем меньше об этих вещах говорить, тем лучше. Говорить следовало бы только тому, кто уже достиг известной степени ясности. В начале обучения духовные ученики обычно бывают удивлены тем, что человек, прошедший уже духовную школу, проявляет так мало «любопытства» к сообщениям об их переживаниях. Но полезнее всего для них было бы хранить полное молчание о своих переживаниях и говорить только о том, насколько хорошо или плохо дается им выполнение упражнений или следование наставлениям. Ибо прошедший духовную школу имеет совершенно иные источники для оценки их успехов, а не их прямые сообщения. Благодаря подобным сообщениям восемь упомянутых лепестков шестнадцатилепесткового цветка лотоса всегда несколько грубеют, тогда как в противном случае они оставались бы нежными и гибкими. Приведем в пояснение этого пример. Для ясности возьмем его не из сверхчувственной, а из обычной жизни. Предположим, я слышу какое-либо известие и тотчас же составляю себе о нем суждение. Спустя некоторое время, я получаю о том же факте другое известие, не согласующееся с первым. Вследствие этого мне приходится изменить составленное мной ранее суждение. Это оказывает неблагоприятное влияние на мой шестнадцатилепестковый цветок лотоса. Все было бы по-другому, если бы я сначала воздержался от суждения и если бы внутренне, в мыслях, и внешне, в словах, я «безмолвствовал» относительно этого случая вплоть до того момента, пока не нашел бы надежной точки опоры для моего суждения. Осторожность в составлении и высказывании суждений постепенно становится отличительным признаком духовного ученика. Благодаря этому возрастает его восприимчивость к впечатлениям и опыту, которые он в

молчании пропускает через себя, чтобы создать себе как можно больше точек опоры на тот случай, если ему придется вынести суждение. Благодаря подобной осмотрительности в лепестках лотоса выступают синевато- и розовато-красные оттенки, тогда как в противном случае оттенки бывают темно-красными и оранжевыми¹. Подобно шестнадцатилепестковому цветку лотоса образуется также и двенадцатилепестковый – вблизи сердца. Также и в нем половина лепестков уже существовала и была деятельна в одном из прошлых состояний развития человека, Поэтому при духовном ученичестве нет необходимости в особом развитии этих шести лепестков; они появляются сами собой и начинают вращаться, когда человек работает над остальными шестью. Чтобы способствовать этому развитию, человек должен опять-таки сознательно дать направление определенной деятельности души.

Теперь надо уяснить себе, что восприятия отдельных духовных и душевных органов чувств носят различный характер. Цветок лотоса с двенадцатью лепестками сообщает иное восприятие, чем шестнадцатилепестковый. Последний воспринимает образы. Склад мышления той или иной души, законы, в соответствии с которыми протекают явления природы, выступают для шестнадцатилепесткового цветка лотоса в образах. Но это не застывшие, спокойные образы, а подвижные, исполненные жизни формы. Ясновидящий, у которого развилось это чувство, может для каждого склада мышления, для каждого закона природы назвать форму, в которой они выражаются. Мысль о мести, например, облекается в похожую на стрелу, зубчатую форму; доброжелательная мысль часто принимает форму раскрывающегося цветка, и т. д. Четкие, значительные мысли выражаются в правильных, симметричных формах; сбивчивые понятия имеют сложные, кудрявые очертания. Благодаря двенадцатилепестковому цветку лотоса появляются совершенно иные восприятия. Природу этих восприятий можно приблизительно охарактеризовать, определив их как душевную теплоту или холод. Наделенный этим органом чувства ясновидец чувствует, как от фигур, воспринимаемых им при помощи шестнадцатилепесткового цветка лотоса, изливается такая душевная теплота или холод. Представьте себе ясновидца, который развил только шестнадцатилепестковый и не развил двенадцатилепесткового цветка лотоса. Тогда в доброжелательной мысли он увидел бы только вышеописанную фигуру. Другой, развивший в себе оба органа чувств, сверх этого заметил бы исходящее от мысли излияние, которое можно обозначить только как душевную теплоту. Мимоходом отметим, что в процессе духовного обучения ни одно из этих чувств никогда не развивается отдельно от другого, так что вышесказанное надо рассматривать только как пояснительный пример. Благодаря развитию двенадцатилепесткового цветка лотоса ясновидящему раскрывается также и глубокое понимание процессов природы. Все, основанное на росте и развитии, изливает душевную теплоту, в то время как все, охваченное умиранием, разрушением, гибелью, воспринимается как душевный холод.

Развитию этого чувства ученик содействует следующим образом. Первое, что в этом отношении он должен соблюдать, – это упорядочение течения своих мыслей (так называемый контроль мыслей). Подобно тому, как шестнадцатилепестковый цветок лотоса начинает развиваться благодаря истинным и полным значения мыслям, так двенадцатилепестковый – благодаря внутреннему овладению ходом мыслей. Блуждающие мысли, находящиеся между собой не в продуманной, логической, а в чисто случайной связи, искажают форму этого цветка лотоса. Чем строже мысли следуют одна за другой и чем больше удается избежать всего нелогичного, тем вернее этот орган чувств получит свойственную ему форму. Когда духовный ученик сталкивается с нелогичными мыслями, он тотчас же в своем мышлении восстанавливает их в правильном виде. Он не должен бессердечно устраниваться от общения, быть может, с лишенными логики людьми только ради того, чтобы не создавать помех в своем развитии. Он не должен также ощущать стремления тотчас же исправить все нелогичное в своем окружении. Он должен, напротив, в совершенной внутренней тишине приводить в логический, осмысленный порядок вторгающиеся в него извне мысли. Он должен стараться в своих собственных мыслях всегда поддерживать этот порядок. Вторая задача заключается в том, чтобы внести такую же последовательность и в свои действия (контроль действий). Всякое непостоянство, всякая дисгармония в действиях наносит вред этому цветку лотоса. Совершив какой-либо определенный поступок, ученик направляет затем свои дальнейшие действия таким образом, чтобы они логически вытекали из первого. Кто действует сегодня в ином направлении, чем вчера, тот никогда не разовьет в себе описанного чувства. Третье – это воспитание выдержки. Духовный ученик не позволяет тем или иным влияниям отклонять себя от поставленной цели, пока он считает эту цель верной. Препятствия служат для него побуждением к преодолению их, но не причиной, удерживающей от поступка. Четвертое – терпимость по отношению к людям, к другим существам, а также и к фактам. Духовный ученик подавляет излишнюю критику, направленную на все несовершенное, злое и дурное, и стремится, напротив, понять все, что выступает ему навстречу. Подобно тому, как солнце не лишает дурных и злых своего света, так и он не должен лишать их своего искреннего участия. Если духовному ученику встретится что-либо дурное, он не станет вдаваться в порицающие суждения, но примет это как необходимость и попытается, насколько у него хватит сил, повернуть дело к добру. Мнение другого он рассматривает не только со своей точки зрения, но старается поставить себя на его место. Пятое – неподвзятость по

---

¹ Человек, знакомый с предметом, узнает в этих условиях развития «шестнадцатилепесткового цветка лотоса» указания о «Пути», данные Буддой его ученикам. Однако здесь преследуется цель не обучения «буддизму», а изображения условий развития, происходящих из духовной науки. То, что они согласовываются с известным учением Будды, не может помешать нам найти их верными также и по их собственной сущности.

отношению к жизненным явлениям. В этом смысле принято говорить также о «вере» или «доверии». Духовный ученик с доверием выступает навстречу каждому человеку и каждому существу. И в своих действиях он также бывает исполнен этого доверия. Когда ему что-либо сообщают, он никогда не скажет себе: «Я не верю этому, ибо это противоречит моему прежнему, сложившемуся мнению». Напротив, в любое мгновение при встрече с новым он готов проверить и исправить собственное мнение или взгляд. Он всегда восприимчив ко всему, что бы ему ни повстречалось. И он полагается на действенность того, что он предпринимает. Нерешительность и склонность к сомнениям он изгоняет из своего существа. Имея какое-нибудь намерение, он обладает и верой в силу этого намерения. Сотня неудач не может отнять у него эту веру. Это и есть «вера, которая движет горами». Шестое условие – обретение известной уравновешенности в жизни (невозмутимости духа). Духовный ученик стремится сохранить ровное настроение, независимо от того, постигает ли его горе или радость. Он отучает себя от колебания между состояниями «восторженного ликования» и «смертельного огорчения». Несчастье и опасность застанут его в таком же всеоружии, как удача и успех.

Читатели, знакомые с тайноведческой литературой, узнают в этом описании так называемые «шесть качеств», которые надлежит развить в себе каждому, кто стремится к посвящению. Здесь ставилась задача показать их связь с тем органом душевного восприятия, который называется двенадцатилепестковым цветком лотоса. Оккультное обучение может дать особые указания, способствующие созреванию этого цветка лотоса; но также и здесь образование правильной формы этого органа чувств будет зависеть от развития перечисленных качеств. Если этому развитию не уделить должного внимания, то орган примет искаженный вид. И тогда при достижении известного ясновидения в этом направлении указанные качества могут обратиться вместо добра во зло. Человек может сделаться крайне нетерпимым, нерешительным, начнет сторониться своего окружения. Он может, например, стать восприимчивым к настроению других душ и из-за этого начнет избегать или ненавидеть их. Это может пойти так далеко, что душевный холод, охватывающий его при расхождении во взглядах, может помешать ему выслушивать других или заставить его вести себя отталкивающим образом.

Если ко всему сказанному прибавить еще необходимость соблюдения некоторых предписаний, которые духовные ученики могут получить от духовных учителей только устно, то соответственно в развитии цветков лотоса наступит некоторое ускорение. Но также и приведенные здесь указания несомненно вводят в настоящее оккультное обучение. Однако устроить жизнь так, как здесь намечено, окажется полезным и для тех, кто не хочет или не может пройти духовного обучения. Ибо это, пусть и медленно, но все же оказывает воздействие на душевный организм. Для духовного же ученика соблюдение этих правил совершенно необходимо. Если бы, приступая к духовному обучению, он не соблюдал их, то ему удалось бы вступить в высшие миры, обладая лишь несовершенными духовными органами (Gedankenauge); и вместо познания истины он подпал бы тогда лишь заблуждениям и иллюзиям. Он сделался бы в известном смысле ясновидящим; но, в сущности, он стал бы еще более слепым, чем прежде. Ведь тогда он по крайней мере уверенно держался в пределах чувственного мира и имел в нем известную опору; теперь же взор его обращен за пределы чувственного мира и он начинает терять ориентиры в этом последнем, не успев еще обрести уверенность в высшем. Тогда может случиться следующее: он вообще утратит способность отличать истину от заблуждения и потеряет всякое направление в жизни. Именно по этой причине в этих вещах так необходимо *терпение*. Всегда надо помнить, что духовная наука не *вправе* давать дальнейших указаний до тех пор, пока у ученика нет полной готовности к правильному развитию «цветков лотоса». Если дать им *созреть* преждевременно, до того, как они спокойно достигнут надлежащей им *формы*, то в результате они примут поистине искаженный вид. Ибо специальные указания духовной науки способствуют лишь их *созреванию*, форма же им придается благодаря описанному образу жизни.

Особенно чуткий душевный уход необходим для развития десятилепесткового цветка лотоса. Ибо здесь необходимо научиться сознательно владеть впечатлениями чувств. Это особенно важно для неопытного ясновидца. Только благодаря этому он может избежать источника бесчисленных иллюзий и духовного произвола. Обычно человек совершенно не отдает себе отчета в том, чем управляются внезапно приходящие ему в голову мысли и воспоминания и чем они бывают вызваны. Рассмотрим следующий пример. Человек едет по железной дороге. Он занят какой-то мыслью. Вдруг она принимает совсем другое направление. Ему вспоминается переживание, которое он имел несколько лет тому назад, и он связывает это переживание со своими теперешними мыслями. Но он не заметил, что его взгляд, обращенный к окну, коснулся лица, которое обладало сходством с другим, фигурировавшим в пришедшем ему на память переживании. Таким образом, увиденное не дошло до его сознания, а дошло лишь его воздействие. Поэтому он думает, что воспоминание «пришло ему на ум само собой». Как много вещей в жизни происходит подобным же образом. Как вплетаются в нашу жизнь различные вещи, о которых мы узнали или прочли, не доведя их внутренних взаимосвязей до своего сознания. К примеру, для кого-то невыносим тот или иной цвет; но он и не подозревает, что причиной его отвращения к этому цвету было то, что мучивший его много лет тому назад учитель носил сюртук этого цвета. Бесчисленные иллюзии основаны на подобных взаимосвязях. Многое запечатлевается в душе, совершенно минуя сознание. Возможен следующий случай. Некто читает в газете о смерти известного человека. И вот он берется настойчиво утверждать, что еще «вчера» у него было предчувствие этой смерти, хотя он не видел и не слышал ничего такого, что могло бы навести его на эту мысль. И правда: мысль о том, что этот человек умрет, возникла у него «вчера» как бы «сама собой». Он не заметил только одного. За несколько часов перед тем как у него «вчера» появилась эта мысль, он

был в гостях у своего знакомого. На столе лежала газета. Он не читал ее, но бессознательно его взгляд все же коснулся известия о тяжелой болезни упомянутого лица. Впечатление об этом не дошло до его сознания. Но результатом стало «предчувствие». Если принять все это во внимание, то можно представить себе, какой богатый источник иллюзий и нелепых фантазий заключен в подобных обстоятельствах. И этот источник должен быть перекрыт, если человек хочет развить в себе десятилепестковый цветок лотоса. Ибо благодаря этому цветку лотоса можно воспринимать в душах глубоко скрытые свойства. Но истинными эти восприятия могут быть признаны только в том случае, если человек совершенно освобожден от означенных заблуждений. Для этого ему необходимо приобрести господство над тем, что воздействует на него из внешнего мира. Человек должен достигнуть того, чтобы действительно не воспринимать впечатлений, которых он воспринимать не *хочет*. Эту способность можно приобрести только путем напряженной внутренней жизни. Человек должен поставить это в зависимость от своей воли; он должен позволять воздействовать на себя только тем вещам, на которые он специально обращает внимание, и устраняться от впечатлений, к которым он не обращается по собственной воле. То, что он видит, он должен *хотеть* видеть; но то, на что он не обращает внимания, должно действительно перестать для него существовать. Чем живее и энергичнее становится внутренняя работа души, тем полнее можно этого достичь. Духовный ученик должен избегать всякого бездумного слушания и смотрения по сторонам. Для него должно существовать только то, на что он обращает свой слух или зрение. Он должен упражняться в способности ничего не слышать, даже находясь посреди величайшего шума, если он слышать не хочет; он должен сделать свой глаз невосприимчивым к вещам, на которые он не смотрит намеренно. Он должен быть защищен как бы душевной броней от всех бессознательных впечатлений. Особенно должен он обратить в этом смысле внимание на жизнь своих мыслей. Он обращается к какой-либо определенной мысли и старается последующие мысли вполне сознательно и совершенно свободно связать с первой. Он отклоняет любые произвольно приходящие на ум мысли. Желая привести одну мысль в какую-либо связь с другой, он тщательно анализирует, откуда к нему пришла эта другая мысль. Он идет еще дальше. Питая, например, к чему-нибудь известную антипатию, он преодолевает ее и старается установить *сознательное* отношение к данному предмету. Таким образом бессознательные элементы все меньше вмешиваются в его душевную жизнь. Только благодаря подобной самодисциплине десятилепестковый цветок лотоса обретает ту форму, которую ему надлежит иметь. Душевная жизнь ученика должна протекать в постоянном внимании, и надо действительно уметь держать на расстоянии от себя то, на что не хочешь или не должен обращать никакого внимания. Если к подобной самодисциплине впоследствии присоединяется медитация, выполняемая в соответствии с указаниями духовной науки, тогда находящийся в области желудочной впадины цветок лотоса достигает зрелости надлежащим образом и то, что прежде воспринималось благодаря вышеописанным органам чувств только как форма и теплота, получает теперь духовно свет и окраску. И благодаря этому раскрываются, например, таланты и способности душ, силы, а также и скрытые свойства природы. Цветовая аура живых существ становится, таким образом, видимой; все окружающее нас возвещает о своих душевных качествах. Надо признать, что именно при развитии в этой области необходима величайшая тщательность, ибо игра бессознательных воспоминаний бывает здесь чрезвычайно живой. Если бы не это, то упомянутая здесь способность существовала бы у многих людей, ибо она выступает почти немедленно, как только человек приобретает власть над впечатлениями своих чувств, так что они уже всецело зависят от его внимания или невнимания. До тех пор, пока сила внешних органов чувств удерживает этот душевный орган восприятия в состоянии смутности и подавленности, он остается бездейственным.

Еще более трудным, чем развитие описанных цветков лотоса, является развитие шестилепесткового цветка лотоса, расположенного в середине тела. Ибо для этого развития необходимо достичь абсолютного подчинения всего человека его сознанию, при котором его тело, душа и дух пришли бы к полной гармонии. Отправления тела, наклонности и страсти души, мысли и идеи духа должны быть приведены к совершенному взаимному согласию. Тело должно быть настолько облагорожено и очищено, чтобы его органы уже не влекли его ни к чему такому, что не служит душе или духу. Душа не должна принуждаться телом к вожделениям и страстям, противоречащим чистому и благородному мышлению. Но и дух не должен, как рабовладелец, господствовать над душой, налагая на нее свои веления долга и законы; она должна сама, по собственной свободной склонности, следовать обязанностям и велениям долга. Обязанность не должна тяготеть над учеником, как нечто, чему он подчиняется против воли, но должна быть тем, чему он следует из любви. Духовный ученик должен развить свободную душу в равновесии между чувственностью и духовностью. Он должен достичь возможности полагаться на свою чувственность, ибо она уже настолько чиста, что потеряла силу увлекать его вниз. Он не должен больше испытывать потребности в обуздании своих страстей, ибо они сами собой избирают верное направление. До тех пор, пока человеку приходится бичевать себя, он не может на известной ступени быть духовным учеником. Добродетель, к которой нужно принуждать себя, не имеет никакой ценности для духовного ученичества. Пока человек одержим вожделением, оно препятствует ученичеству, как бы он ни старался ему не потворствовать. И безразлично, чему больше принадлежит это вожделение – телу или душе. Если человек отказывается к примеру, от возбуждающего средства с тем, чтобы отказом от наслаждения очистить себя, то это окажет ему пользу только в том случае, если его тело не понесет вследствие этого воздержания никакого ущерба. Если же происходит обратное, то это значит, что тело *жаждет* этого возбуждающего средства, и тогда воздержание не имеет какой-либо ценности. Тогда человеку лучше всего временно отказаться от намеченной цели и ждать, пока для него не наступят –

быть может, лишь в последующей жизни – более благоприятные в чувственном отношении условия. В известных случаях разумный отказ является гораздо большим достижением, чем стремление к чему-либо недостижимому при данных условиях. Такой разумный отказ даже больше содействует развитию.

Тот, кто развил в себе шестилепестковый цветок лотоса, достигает общения с существами, принадлежащими к высшим мирам; однако это возможно лишь в том случае, если их бытие проявляется в мире душ. Но при духовном обучении не советуют развивать этот цветок лотоса до тех пор, пока ученик не подвинулся дальше на пути, благодаря которому он может возвысить свой дух в еще более высокий мир. Вступление в подлинный мир духа должно всегда сопровождаться развитием цветков лотоса. Иначе ученик впадает в путаницу и неуверенность. Правда, он научился бы *видеть*, но ему не доставало бы способности верно судить об увиденном. Впрочем, уже в самих условиях, необходимых для развития шестилепесткового цветка лотоса, содержатся известные гарантии против спутанности и неустойчивости, ибо нелегко сбить с толку того, кто достиг совершенного равновесия между чувственностью (телом), страстью (душою) и идеей (духом). И если благодаря развитию шестилепесткового цветка лотоса человеческому восприятию становятся доступны одаренные жизнью и самостоятельностью существа, принадлежащие к миру, столь отличному от мира физических чувств, то необходимо нечто большее, чем эти гарантии. Чтобы сохранить уверенность в этих мирах, одного развития цветков лотоса недостаточно. Для этого ученику надо иметь в своем распоряжении также и высшие органы. Теперь речь пойдет о развитии этих высших органов; а затем может быть сообщено и о других цветках лотоса, а также о дальнейшей организации душевного тела ¹.

Развитие душевного тела, как оно только что было описано, дает человеку возможность воспринимать сверхчувственные явления. Но тот, кто желает действительно разобраться в этом мире, не должен останавливаться на этой ступени развития. Одной подвижности цветков лотоса еще недостаточно. Человек должен быть в состоянии самостоятельно и совершенно сознательно управлять и владеть движением своих духовных органов. Иначе он сделался бы игрушкой внешних сил и воздействий. Чтобы избежать этого, ему необходимо обрести способность внимать так называемому «внутреннему слову». Для этого должно быть развито не только душевное, но также и эфирное тело. Это – тонкое тело, которое является ясновидящему в виде своего рода двойника физического тела. Оно есть как бы промежуточная ступень между физическим и душевными телами ². Обладая способностью ясновидения, можно совершенно сознательно отвлечься от восприятия физического тела находящегося перед нами человека. На высшей ступени это не что иное, как упражнение на внимание на низшей. И подобно тому, как человек может настолько отвлечь свое внимание от чего-либо, находящегося перед ним, что оно перестает для него существовать, так и ясновидящий может погасить в себе восприятие физического тела до такой степени, что оно станет для него физически совершенно прозрачным. Если он поступит таким образом со стоящим перед ним человеком, то кроме душевного тела, которое больше эфирного и физического тел и пронизывает их обоих, его взору открывается еще и так называемое эфирное тело. Эфирное тело имеет *приблизительно* величину и форму физического, так что оно заполняет примерно то же пространство, что и физическое. Это в высшей степени тонко и нежно организованное тело ³. Его основной цвет отличается от всех семи цветов радуги. Тот, кто способен наблюдать его, познакомится с цветом, которого, собственно, не существует для чувственного наблюдения. Наиболее удачным будет сравнение его с окраской молодого цветка персика. При желании провести наблюдение над эфирным телом как таковым надо посредством подобного же упражнения на внимание погасить в своем восприятии также и явление душевного тела. Без этого вид эфирного тела будет иным, из-за проникающего его насквозь душевного тела.

Составные части эфирного тела человека находятся в постоянном движении. Бесчисленные потоки пронизывают его по всем направлениям. Этими потоками поддерживается и управляется жизнь. Каждое тело, одаренное *жизнью*, обладает таким же эфирным телом. Оно есть также у растений и животных. И даже у минералов внимательный наблюдатель заметит его признаки. Упомянутые потоки и движения первоначально совершенно не зависят от воли и сознания человека, как не зависит от человеческого произвола деятельность сердца или желудка. И до тех пор, пока человек не займется собственным развитием в смысле приобретения сверхчувственных способностей, до тех пор эта независимость будет сохранена. Ибо высшее развитие на известной ступени состоит именно в том, что к независимым от сознания потокам и движениям эфирного тела присоединяются и другие, возбуждаемые самим человеком потоки.

Когда в оккультном обучении удастся настолько продвинуться вперед, что упомянутые в предыдущей главе цветки лотоса начнут приходить в движение, тогда учеником уже достигнуто многое из того, что приводит к возникновению в его эфирном теле совершенно определенных потоков и движений. Цель данного развития заключается в том, чтобы в области физического сердца образовался своего рода центр, откуда будут исходить потоки и движения самых разнооб-

¹ Выражение «душевное тело» (как и многие другие подобные ему выражения, применяемые в духовной науке), взятое в буквальном смысле слова, конечно, содержит в себе противоречие. Тем не менее, этим выражением пользуются, потому что ясновидческое познание воспринимает нечто такое, переживанию чего в духовном соответствует переживание тела в физическом.

² Ср. сказанное здесь с описанием эфирного тела в «Теософии» того же автора.

³ Я прошу физика не смущаться выражением «эфирное» тело. Слово «эфир» указывает только на тонкость этого образования. «Эфир», о котором идет здесь речь, вовсе не следует отождествлять с «эфиром» физических гипотез.

разных духовных цветов и форм. Этот центр в действительности является не просто точкой, а чрезвычайно сложным образованием, удивительным органом. Он сияет и переливается разнообразнейшими цветами и обнаруживает формы, обладающие величайшей правильностью и способностью быстро переходить из одних в другие. Новые формы и цветовые потоки распространяются из этого органа к другим частям тела и еще дальше, за его пределы, проникая и озаряя собой все душевное тело. Но важнейшие из этих потоков устремляются к цветкам лотоса. Они пронизывают их отдельные лепестки и управляют их вращением, а затем с вершины лепестка они устремляются наружу, теряясь во внешнем пространстве. Чем выше развитие человека, тем обширнее окружность, по которой распространяются эти потоки.

В особенно близкой связи с названным центром стоит двенадцатилепестковый цветок лотоса. Указанные потоки непосредственно впадают в него. И через него же проходят потоки, с одной стороны – к шестнадцати- и к двухлепестковому, и с другой стороны (с нижней) – к восьми-, шести- и четырехлепестковому цветкам лотоса. В этом устройстве кроется причина того, что в оккультном обучении особое внимание должно быть обращено на развитие именно двенадцатилепесткового цветка лотоса. Даже при незначительном упущении в этой области все развитие органов ясновидения пошло бы по неправильному пути. На основе сказанного можно судить о том, насколько тонко и нежно по природе своей оккультное обучение и насколько точные действия необходимы для того, чтобы развитие протекало надлежащим образом. Отсюда непосредственно следует, что давать указания к развитию сверхчувственных способностей может лишь тот, кто испытал на самом себе все, что ему предстоит развить в другом, и кто, поэтому, вполне способен познать, ведут ли его указания к правильному результату.

Если ученик исполнит все данные ему указания, то он тем самым придаст своему эфирному телу движения и вызовет потоки, находящиеся в гармонии с законами и развитием мира, к которому принадлежит человек. Поэтому приведенные указания суть отображения великих законов мирового развития. Они состоят из упомянутых и подобных им упражнений в медитации и концентрации, приводящих при правильном выполнении к описанным результатам. Духовный ученик должен в течение определенного времени дать душе проникнуться содержанием этих упражнений, внутренне как бы всецело исполниться ими. Они начинаются с простых указаний, способных прежде всего углубить и придать более внутренний характер разумному и рассудочному, «головному» мышлению. Вследствие этого мышление высвобождается и перестает зависеть от каких-либо чувственных впечатлений и переживаний. Оно как бы целиком концентрируется в *одной* точке, которая полностью находится во власти человека. Тем самым создается *предварительный* центр для потоков эфирного тепла. Вначале этот центр располагается не в области сердца, а в голове. Он воспринимается ясновидящим как исходная точка движений. К полному успеху приводит только то оккультное обучение, которое начинает с создания этого центра. Если бы с самого начала центр был перенесен в область сердца, то неопытный ясновидец мог бы, конечно, иметь некоторые прозрения в высшие миры, но он не сумел бы верно вникнуть в связь этих высших миров с нашим чувственным миром. А это является *безусловной* необходимостью для человека, находящегося на современной ступени мирового развития. Ясновидящий не должен превращаться в мечтателя; он *обязан* сохранять твердую почву под ногами.

Когда центр, который расположен в голове, оказывается достаточно укрепленным, он перемещается вниз, в область гортани. Это достигается дальнейшим выполнением упражнений в концентрации. Тогда упомянутые потоки эфирного тела начинают излучаться из области гортани. Они освещают душевное пространство вокруг человека.

Дальнейшие упражнения делают ученика способным самостоятельно определять положение своего эфирного тела. Прежде это положение зависело от сил, притекавших извне и исходивших от физического тела. Благодаря последующему развитию человек получает способность разворачивать свое эфирное тело в любых направлениях. Эта способность обуславливается потоками, которые как бы стекают вдоль обеих рук и имеют свой центр в двухлепестковом цветке лотоса в области глаз. Это происходит в силу того, что излучения, исходящие из гортани, слагаются в округлые образования, часть которых направляется к двухлепестковому цветку лотоса, чтобы оттуда в виде волнообразных потоков устремиться вдоль рук. Далее эти потоки тончайшим образом делятся и разветвляются, создавая своего рода сплетение, подобно сетке («сетеоболочке») образующее границы всего эфирного тела. Прежде оно не имело снаружи никакой замкнутой границы, отчего жизненные потоки вливались в него непосредственно из общего жизненного моря и обратно же изливались; теперь же воздействия извне должны проходить сквозь упомянутую оболочку. Благодаря этому человек становится чувствительным ко *внешним* потокам. Для него они делаются воспринимаемыми. Теперь наступает момент, когда центр всей системы потоков и движений переносится в область сердца. Это происходит опять же благодаря продолжению упражнений в концентрации и медитации. При этом и достигается та ступень, на которой человек обретает дар «*внутреннего слова*». Теперь все предметы получают для него новый смысл. Они становятся до некоторой степени духовно слышимыми в своей глубочайшей сущности; они говорят человеку о своей истинной сущности. Упомянутые потоки приводят человека в связь с глубинами мира, к которому он принадлежит. Он начинает сопереживать жизнь окружающего его мира и может откликаться на нее в движениях своих цветков лотоса.

Таким образом человек вступает в духовный мир. Когда он достигает этого, ему открывается новое понимание того, что говорили великие учителя человечества. Речи Будды и Евангелия, например, воздействуют на него теперь совершенно по-новому. Они наполняют его таким блаженством, о существовании которого он не мог даже подозревать. Ибо звучание их слов следует движениям и ритмам, которые он сам в себе образовал. Отныне ему дано непосредствен-

ное знание того, что такие люди, как Будда или авторы Евангелий, делятся не *своими* откровениями, а высказывают лишь то, что притекает к ним из сокровенной сущности вещей. Здесь нужно обратить внимание на одно обстоятельство, которое становится понятным только благодаря предыдущему изложению. Людям, находящимся на уровне нашего современного образования, мало понятны многочисленные повторы в речах Будды. Но для ученика они становятся тем, на чем любовно задерживается его внутреннее чувство. Ибо они созвучны определенным ритмическим движениям в эфирном теле. Отдаваясь им в полной внутренней тишине, он вызывает в себе отзвук этих движений. И так как они суть отголоски определенных мировых ритмов, которые в свою очередь в определенные моменты являют нам закономерные повторы и возвраты к началу, то, вслушиваясь в мудрость Будды, человек сам вживается в гармонию мировых тайн.

Духовная наука говорит о *четырёх* качествах, которые человек должен обрести на так называемой стезе испытаний с тем, чтобы подняться к высшему познанию. *Первое* из них состоит в способности различать в мыслях истинное от явленного (Erscheinung), истину от простого мнения. *Второе* качество заключается в правильной оценке истинного и действительного по отношению к явленному. *Третья* способность состоит в упомянутом уже в предыдущей главе осуществлении шести качеств: контроля мыслей, контроля действий, настойчивости, терпимости, веры и присутствия духа. *Четвертое* качество есть любовь к внутренней свободе.

Одно рассудочное понимание того, что заключено в этих качествах, совершенно бесполезно. Они должны быть настолько глубоко внедрены в душу, чтобы послужить в ней началом развития внутренних *навыков*. Возьмем, к примеру, первое качество: различение истинного и явленного. Человек должен воспитать себя таким образом, чтобы в каждом встречающемся ему предмете совершенно непринужденно отличать несущественное от того, что действительно значимо. Этому можно научиться, лишь спокойно и терпеливо упражняясь в этом во время своих наблюдений над внешним миром. Наконец, взор будет столь же естественно задерживаться на истинном, как раньше он удовлетворялся несущественным. «Все преходящее есть лишь подобие»: эта истина становится естественным убеждением души. Таким же образом надо поступать и относительно остальных трех условий.

Под воздействием этих четырех душевных навыков тонкое эфирное тело человека действительно начинает изменяться. Благодаря первому – «различению истинного от явленного» – создается упомянутый центр внутри головы и подготавливается центр в гортани. Для дальнейшего *действительного* развития их необходимо выполнять указанные выше упражнения в концентрации. Собственно сами центры образуются благодаря последним, а четыре навыка ведут их к созреванию. Когда подготовка центра в гортани завершена, тогда благодаря способности верно *оценивать* истинное, сопоставляя его с явленным, становится возможным упомянутое свободное владение эфирным телом, его облачение в сетчатую оболочку, ограничение его. Когда человек выработает в себе этот навык, постепенно для него открывается возможность восприятия духовных фактов. Не следует думать, что он должен совершать только такие действия, которые кажутся значительными с точки зрения рассудочной оценки. Самый незначительный поступок и даже каждое движение руки исполнены значения в великом укладе мирового целого, и дело только в том, чтобы прийти к *осознанию* этого значения. Речь идет не о *недооценке*, а о *правильной оценке* наших повседневных жизненных дел. О шести добродетелях, из которых слагается третье качество, уже говорилось в предыдущей главе. Они связаны с развитием двенадцатилепесткового цветка лотоса, расположенного в области сердца. В эту область, как уже было показано, должен быть направлен жизненный поток эфирного тела. Четвертое качество – *желание освобождения* – служит далее тому, чтобы привести к созреванию этот эфирный орган вблизи сердца. Когда это качество делается душевным навыком, человек *освобождается* от всего, что связано *только с* его индивидуальными способностями. Он перестает рассматривать вещи со *своей* отдельной точки зрения. Исчезают узкие границы его «Я», приковывающие его к этой точке зрения. Тайны духовного мира получают доступ к его внутреннему существу. Это и есть освобождение. Ибо эти оковы принуждают человека рассматривать вещи и существ лично ему присущим образом. Но ученик должен стать независимым и *свободным* от любого личного взгляда на вещи.

Отсюда видно, что предписания, исходящие из духовной науки, действуют глубоко определяющим образом на сокровенную природу человека. Таковы и предписания, касающиеся четырех названных качеств. В той или иной форме они присутствуют во всех мировоззрениях, признающих духовный мир. Давая людям эти предписания, основатели подобных мировоззрений исходили не из каких-либо смутных ощущений. Напротив, они смогли это сделать именно потому, что были великими посвященными. Создавая свои нравственные предписания, они исходили из познания. Им было известно, какое воздействие эти предписания оказывают на более тонкую природу человека, и они желали, чтобы их последователи постепенно совершенствовались в себе. Жить в духе подобных мировоззрений – значит работать над духовным самосовершенствованием. И только в том случае, если человек совершает это, он служит мировому целому. Самосовершенствование вовсе не есть проявление эгоизма. Ибо несовершенный человек в то же время и недостойный служитель человечества и мира. Человек служит целому тем лучше, чем совершеннее он сам. Здесь уместны слова: «Украшая себя, роза красит весь сад».

Поэтому основатели наиболее значительных мировоззрений являются великими посвященными. То, что исходит от них, вливается в человеческие души. И благодаря этому вместе с человечеством движется вперед и весь мир. Посвященные совершенно сознательно работали над этим процессом развития человечества. Только в том случае раскроется

смысл их наставлений, если будет принято во внимание, что наставления эти почерпнуты из самых глубин человеческой природы. Великими *познавателями* были посвященные, и из своих знаний отпечатлевали они идеалы человечества. И человек роднится с этими водителями человечества, восходя в своем собственном развитии до их высот.

Когда у человека началось описанное ранее развитие эфирного тела, перед ним открывается совершенно новая жизнь. И на пути ученичества он должен своевременно получить разъяснения, которые дадут ему возможность найти свое место в этой новой жизни. Например, благодаря шестнадцатилепестковому цветку лотоса он видит духовные образы высшего мира. И он должен уяснить себе характер различий этих образов в зависимости от того, какие предметы или существа послужили причиной их возникновения. Первое, на что он может обратить внимание, это то, что на некоторые из этих образов он может своими мыслями и чувствами оказывать сильное влияние, а на другие не может оказывать никакого или лишь очень незначительное. Один из видов этих образов тотчас же изменяется, как только при их появлении у наблюдателя возникнет мысль: «это прекрасно», а затем, во время созерцания, эта мысль перейдет в другую: «это полезно». Этой особенностью изменяться от всякой мысли и от всякого чувства, исходящих от наблюдателя, отличаются образы, происходящие от минералов или от рукотворных предметов. В меньшей степени замечается это у образов, присущих растениям, и еще меньше у тех, которые отвечают животным. Эти образы также подвижны и исполнены жизни. Но их подвижность только отчасти определяется влиянием человеческих мыслей и чувств, в остальном же она вызывается причинами, на которые человек не имеет никакого влияния. Теперь среди всего этого мира духовных образов выступают еще и такие, которые поначалу почти не поддаются воздействию со стороны человека. Ученик может убедиться в том, что эти образы не имеют отношения ни к минералам, ни к рукотворным предметам, а также к растениям или животным. Для того, чтобы достичь здесь полной ясности, он должен всмотреться в образы, о которых ему известно, что они вызваны чувствами, влечениями, страстями и т. д. других людей. Но и относительно этих образов он может заметить, что его собственные мысли и ощущения тем не менее оказывают на них некоторое, хотя и сравнительно слабое воздействие. В мире образов всегда остается какое-то количество таких, на которые это влияние бывает совершенно ничтожно. И в начале пути ученичества этот остаток даже составляет наибольшую часть всего того, что он вообще видит. Уяснить себе характер этих образов ученик может только осуществляя наблюдения над самим *собой*. Лишь тогда он узнает, какие из этих образов вызваны им самим. В них выражается то, что он сам делает, волит, желает и т. д. Влечение, которое живет в нем, желание, возникающее в нем, питаемое им намерение и т. д. – все это обнаруживается в подобных образах. И даже весь его характер отпечатлевается в этом мире образов. Тем самым своими сознательно образованными мыслями и чувствами человек может влиять на все те образы, которые не исходят от него самого; однако на образы, вызываемые в высшем мире его собственным существом, он не имеет больше никакого влияния, после того как они возникли. Из сказанного следует, что внутренний мир человека, мир его собственных влечений, желаний и представлений при высшем созерцании является ему во *внешних* образах совершенно так же, как и другие предметы и существа. Внутренний мир для высшего познания становится частью внешнего мира. Как если бы в физическом мире мы были окружены со всех сторон зеркалами и могли таким образом рассматривать свой телесный облик, точно так же и в высшем мире собственное душевное существо человека выступает перед ним, как отражение.

На этой ступени развития для ученика наступает момент преодоления иллюзии, коренящейся в его личной ограниченности. То, что составляет его личность, он отныне может рассматривать как внешний мир, подобно тому, как прежде он принимал за внешний мир то что оказывало воздействие на его органы чувств. И постепенно приобретая опыт, он научается относиться к себе так же, как раньше он относился к окружающим его существам.

Если бы прозрение в высшие миры открылось человеку до того, как он успеет достаточно подготовиться к встрече с ними, то вначале он стоял бы перед описанной картиной своей собственной души, как перед загадкой. Образы его собственных влечений и страстей выступают здесь перед ним в формах, которые ощущаются им как животные или – реже – как человеческие формы. И хотя животные образы этого мира никогда не обнаруживают полного соответствия образам физического мира, между ними, тем не менее, есть отдаленное сходство. Неопытные наблюдатели могут счесть их даже за одинаковые. Вступая в этот мир, необходимо освоить совершенно новый способ суждения. Ибо помимо того, что вещи, принадлежащие, собственно, ко внутреннему миру человека, выступают здесь как внешний мир, они предстают еще и в виде зеркального отражения того, что они суть в действительности. Если мы видим здесь какое-либо число, то читать его надо в обратном порядке (как зеркальное отражение). Например, 265 означает в действительности 562. Шар мы видим таким, как если бы мы находились в его центре. Затем необходимо научиться правильно приводить этот видимый изнутри образ в истинный вид. Отраженными видятся также и душевные свойства. Желание, направленное на что-либо внешнее, предстает в виде образа, надвигающегося на самого носителя этого желания. Страсти, коренящиеся в низшей природе человека, могут принимать облики животных или подобные им облики, которые набрасываются на человека. В действительности эти страсти устремляются, конечно, наружу; они ищут предмет своего удовлетворения во внешнем мире. Но эта устремленность наружу является в *отражении*, как нападение на самого носителя страсти.

Если ученик прежде чем подняться к высшему созерцанию познает свои собственные качества посредством спокойного и объективного самонаблюдения, то в то мгновение, когда его внутренний мир предстанет перед ним как внешнее

отражение, он найдет в себе мужество и силу верно отнестись к этому событию. Люди, которые недостаточно глубоко ознакомились со своим внутренним миром посредством такого самоиспытания, не узнают *себя* в своем же отражении и примут последнее за постороннюю действительность. Они будут напуганы этим зрелищем и, будучи не в состоянии его вынести, скажут себе, что все это было ни к чему не приводящим порождением фантазии. В обоих случаях человек роковым образом создал бы себе препятствия на пути к своему высшему развитию только из-за того, что он вступил на известную ступень своего высшего развития не обладая для этого достаточной зрелостью.

Совершенно необходимо, чтобы человек прошел через это созерцание духовной картины своей собственной души, если он хочет подняться выше. Ибо в собственном «Я» он имеет то духовно-душевное существо, о котором ему легче всего составить суждение. Если он сначала в физическом мире приобретет достаточное познание о своей личности, а затем *первым*, что предстанет ему в высших мирах, будет *образ* этой личности, то у него появится возможность сравнить их между собой. Он может соотнести высшее с тем, что ему уже знакомо, и исходить, таким образом из прочного основания. Если бы, напротив, перед ним предстали другие духовные существа, он не смог бы ничего объяснить себе об их своеобразии и сущности. Он вскоре ощутил бы, что почва ускользает у него из-под ног. Поэтому необходимо при каждом удобном случае подчеркивать, что достоверный доступ к высшим мирам – тот, который ведет через прочное познание и трезвую самооценку.

Итак, на своем пути в высший мир человек прежде всего встречает духовные *образы*. Ибо отвечающая этим образам действительность находится *в нем самом*. Поэтому ученик должен быть настолько зрелым, чтобы не требовать на этой ступени грубых реальностей, а рассматривать *ли* образы как именно то, что соответствует этой ступени его развития. Но вскоре он *среди* этого мира образов знакомится с чем-то совершенно новым. Его *нижнее* «Я» предстает перед ним лишь как отраженная в зеркале картина, но посреди этой отраженной картины выступает истинная реальность *высшего* «Я». Из образа нижней личности начинает высветливаться облик духовного «Я». И только от последнего протягиваются нити к другим высшим духовным реальностям.

Теперь наступает момент раскрытия двухлепесткового цветка лотоса в области глаз. Как только он приходит в движение, человек получает возможность установить связь между своим высшим «Я» и стоящими выше него духовными существами. Исходящие из этого цветка лотоса потоки направляются к высшим действительностям таким образом, что человек вполне осознает соответствующие движения. Как свет делает физические предметы видимыми глазу, так и эти потоки делают зримыми духовных существ высших миров.

Посредством погружения в представления, содержащие основные истины и сообщаемые духовной наукой, ученик научается приводить в движение потоки цветка лотоса, находящегося в области глаз, и управлять ими.

На этой ступени развития особенно сильно сказывается все значение здоровой способности суждения, навык к ясному логическому мышлению. Достаточно вспомнить, что здесь в человеке рождается к сознательному бытию его высшее «Я», которое до сих пор дремало в нем в бессознательном, зачаточном состоянии. Мы имеем здесь дело с *рождением* в духовном мире, и не в образном, а в самом реальном смысле. И это рожденное существо, высшее «Я», чтобы быть жизнеспособным, должно явиться в мир со всеми необходимыми органами и задатками. Как природа заботится о том, чтобы ребенок явился в мир с правильно устроенными ушами и глазами, так и законы самостоятельного развития человека должны взять на себя заботу о том, чтобы его высшее «Я» вступило в бытие с необходимыми способностями. И эти законы, обеспечивающие развитие высших органов самого духа, суть те же самые, что и законы здравого разума и морали в физическом мире. Как младенец зреет в чреве матери, так в физическом «Я» зреет духовный человек. Здоровье младенца зависит от нормального действия законов природы в чреве матери. Подобным же образом и здоровье духовного человека обусловлено законами обычного рассудка и действующего в телесной жизни разума. Ни один человек никогда не сможет породить здоровое высшее «Я», если он не будет жить и мыслить здраво в телесном мире. Жизнь, протекающая в согласии с природой и разумом, является необходимой основой любого истинного духовного развития. Как младенец уже в чреве матери живет благодаря силам природы, которые он после своего рождения будет воспринимать физическими органами чувств, так и высшее «Я» человека уже во время физического бытия живет по законам духовного мира. И как младенец, обладая смутным чувством жизни, усваивает необходимые ему силы, так же может и человек принять в себя силы духовного мира, до того как родится его высшее «Я». Он и *должен* поступать так, если хочет, чтобы это «Я» явилось в мир вполне развитым существом. Неверно было бы сказать: я не могу принять учений духовной науки, прежде чем сам не получу способности видеть. Ибо без углубления в данные духовных исследований человек вообще никогда не будет в состоянии достичь истинного высшего познания. В подобном случае он оказался бы в положении младенца, который отказался в материнском чреве от сил, притекающих к нему от матери, и захотел бы дожидаться того момента, когда сам сможет добывать их. Как зародыш младенца из чувства жизни познает пригодность притекающих к нему сил, так человек, еще не видящий, познает истинность учений духовной науки. Проникновение в эти учения, построенное на чувстве истины и на ясной, здоровой способности суждения, возможно даже и тогда, когда мы сами еще не видим ничего духовного. Сначала необходимо ознакомиться с мистическим опытом познания и только через это изучение подготовиться к созерцанию. Человек, который пришел к созерцанию, не пройдя такого изучения, был бы подобен ребенку, родившемуся с глазами и ушами, но без мозга. Перед ним расстилается целый мир красок и звуков, но он бессилен в нем разобраться.

Таким образом, все, что было первоначально понято человеком посредством его чувства истины, а также его разума и рассудка, все это становится на упомянутой ступени духовного ученичества его собственным переживанием. У него теперь есть непосредственное знание о своем высшем «Я». Он учится узнавать, что это высшее «Я» связано с духовными существами высшего порядка и образует с ними некое единство. Он видит, каким образом его низшее «Я» происходит из высшего мира. И ему открывается, что его высшая природа продолжает жить после смерти низшей. Он может теперь сам отличить в себе преходящее от пребывающего. Но это лишь означает, что он научается теперь сам, из своего собственного созерцания, понимать учение о воплощении (инкарнации) высшего «Я» в низшем. Теперь ему становится ясным, что он входит в состав некой высшей духовной связи, что его качества, его судьбы обусловлены этой связью. Он учится познавать *закон своей жизни*, карму. Он убеждается, что его низшее «Я», которое в настоящее время и образует его бытие, представляет собою только один из обликов, которые может принимать его высшая сущность. И он обнаруживает для себя возможность работать над собой из своего высшего «Я», благодаря чему он будет становиться все совершеннее и совершеннее. Он теперь узнает и о громадном различии между людьми, находящимися на различных ступенях совершенства. Он замечает, что есть люди, стоящие выше него и уже достигшие тех ступеней, которые ему еще предстоит пройти. Он начинает понимать, что учения и дела подобных людей происходят от вдохновения из высшего мира. Этим он обязан своему первому самостоятельному прозрению в этот высший мир. И существование тех, кого называют «великими посвященными человечества», теперь начинает становиться для него действительным фактом.

Таковы дары, которыми ученик обязан этой ступени своего развития: проникновение в высшее «Я», в учение о воплощении или инкарнации этого высшего «Я» в низшем, понимание закона, которым управляется жизнь в физическом мире согласно великой духовной связи, – закона кармы – и, наконец, бытия великих посвященных.

Поэтому об ученике, достигшем этой ступени, говорят, что *сомнение* для него совершенно перестало существовать. Если прежде он мог усвоить опирающуюся на доводы рассудка и на здоровое мышление веру, то теперь на место этой веры приходит полнота знания и непоколебимое понимание этих вещей.

Религии в своих церемониях, таинствах и обрядах дали внешне видимые отображения высших духовных процессов и существ. Отрицать это может только тот, кто не понял всей глубины великих религий. Но кто уже сам прозревает в духовную действительность, тот поймет и великое значение этих внешне зримых действий. И для него тогда религиозная служба сама явится отражением его общения со стоящим выше него духовным миром.

Мы видим, каким образом достижение этой ступени делает ученика действительно новым человеком. После этого он может постепенно достигнуть той степени зрелости, когда он будет в состоянии посредством потоков своего эфирного тела управлять в подлинном смысле слова высшим элементом жизни и достичь тем самым высокой степени свободы от своего физического тела.

ИЗМЕНЕНИЯ В ЖИЗНИ СНОВИДЕНИЙ У ДУХОВНОГО УЧЕНИКА

Признаком того, что ученик достиг или скоро достигнет описанной в предыдущей главе ступени развития, является изменение, наступающее в жизни его сновидений. До сих пор его сновидения были спутаны и хаотичны. Теперь они начинают принимать правильный характер. Образы сновидений вступают в осмысленную связь между собой, подобно представлениям, образуемым нами в повседневной жизни. В них можно распознать закон, причину и следствие. Изменяется также и содержание сновидений. Между тем как прежде ученик воспринимал во сне лишь отзвуки дневной жизни, неоформленные впечатления от окружающего мира или от внутренних телесных состояний, теперь выступают образы мира, с которым он прежде не был знаком. Первое время, конечно, еще сохраняется *общий характер* сновидческой жизни, поскольку сновидения отличаются от составленных нами в бодрственном состоянии представлений тем, что они в *символах* изображают то, что им надо выразить. От внимательного наблюдателя не может ускользнуть этот символический характер сновидческой жизни. Человеку, например, снится, что он поймал безобразное животное, и он испытывает неприятное ощущение в руке. Он просыпается и обнаруживает, что в его руке зажат кончик одеяла. Таким образом, восприятие выражается не в чистом виде, а посредством этого символического образа. Или же ему снится, что он убегает от преследования, и при этом он испытывает страх. При пробуждении выясняется, что во время сна у него участилось сердцебиение. Желудок, наполненный неудобоваримой пищей, может вызвать тревожные сны. События, происходящие вокруг спящего, также отражаются в сновидении в виде символических образов. Бой часов может вызвать картину марширующего под барабанный бой отряда солдат. Опрокинувшийся стул может стать поводом к целой драме во сне, в которой стук, вызванный его падением, отразится в виде выстрела, и т. д. Этот символический способ выражения сохраняется также и при более упорядоченной сновидческой жизни, когда у человека начинает развиваться эфирное тело. Но его сновидения перестают отражать одни только факты окружающего физического мира или состояния его собственного чувственного тела. И по мере того как сны, обязанные своим происхождением этим физическим причинам, становятся более упорядоченными, к ним начинают примешиваться и такие сновидческие образы, которые выражают собою вещи и соотношения иного мира. Здесь впервые человек приобретает опыт, недоступный его обычному дневному сознанию. Но вовсе не следует думать, что истинный мистик может пережитое им подобным образом во сне положить в основу каких-либо важных сообщений о высшем мире. Подобные сновидческие переживания надо рассматривать лишь как первые *признаки* высшего развития. В дальнейшем у духовного ученика наступает состояние, когда сновидческие образы уже не ускользают от подчинения рассудку, но начинают управляться им и обнаруживают такую же стройность, как представления и ощущения бодрственного сознания. Все более и более исчезает различие между сновидческим сознанием и состоянием бодрствования. Человек, видящий сон, остается в полном смысле слова бодрствующим, т. е. он чувствует себя «господином и руководителем» своих образных представлений.

Во время сновидения человек фактически находится в ином мире, отличающемся от мира его физических чувств. Однако человек с неразвитыми духовными органами не в состоянии образовать себе о нем никаких представлений, кроме описанных спутанных. Этот мир является для него таким же, каким был бы чувственный мир для существа, наделенного самое большее лишь первыми проблесками зрения. Поэтому человек не может видеть в этом мире ничего, кроме слепков и отражений обыденной жизни. Последние же он может видеть потому, что его душа сама в виде образов запечатлевает свои дневные восприятия в веществе, из которого состоит иной мир. Нужно уяснить себе, что наряду с обычной, сознательной дневной жизнью человек ведет также и вторую, бессознательную жизнь, в ином мире. Все, что он воспринимает и мыслит, он запечатлевает в последнем. Но увидеть эти отпечатки можно лишь в том случае, если развиты цветки лотоса. Скудные зачатки их есть у каждого человека. Будучи в дневном сознании он ничего не может воспринимать ими, поскольку впечатления, которые производит на него духовный мир, очень слабы. В основе этого лежит та же причина, по которой днем не видно звезд: они не доходят до восприятия из-за мощного воздействия солнечного света. Так теряются и слабые духовные впечатления рядом с могущественными впечатлениями физических органов чувств. Но когда сон закрывает врата внешних чувств, впечатления эти начинают смутно просвечивать. И тогда человек, видящий сон, отмечает в себе опыт, полученный им в другом мире. Но, как сказано выше, опыт этот первоначально есть не что иное, как отпечатки, оттиснутые в духовном мире его собственной, связанной с физическими

органами чувств, способностью представления. Только вполне развитые цветки лотоса дают ему возможность фиксировать проявления, не принадлежащие к физическому миру. А благодаря развитому эфирному телу впоследствии возникает полное знание об этих сообщениях, приходящих из иных миров. Тем самым начинается общение человека с новым миром. И теперь ему надо с помощью наставлений, полученных им в оккультной школе, достичь прежде всего двух вещей. В первую очередь он должен приобрести возможность наиболее полно, во всех подробностях, фиксировать сделанные во время сна наблюдения, подобно тому, как он делает это в состоянии бодрствования. Когда он этого достигнет, он приводится к тому, чтобы осуществлять подобные наблюдения и во время обычного бодрственного состояния. Его внимание, обращенное к духовным впечатлениям, организуется таким образом, чтобы эти впечатления не исчезали больше в присутствии физических и чтобы он мог иметь их постоянно, *наряду с* физическими.

Когда ученик уже приобрел эту способность, перед его духовным взором выступают некоторые особенности описанной в прошлой главе картины. Отныне он может воспринимать то, что существует в духовном мире, как причину физического. И прежде всего он может внутри этого мира познать свое высшее «Я». Теперь его ближайшей задачей будет некоторым образом вступить в это высшее «Я», т.е. действительно увидеть в нем свою истинную сущность и вести себя соответственно этому. Все больше крепнет в нем сопровождаемое живым чувством представление о том, что его физическое тело и все то, что он прежде называл своим «Я», суть только орудия высшего «Я». По отношению к низшему «Я» у него возникает такое же ощущение, какое у ограниченного чувственным миром человека проявляется по отношению к орудию или к транспортному средству, которыми он пользуется. И как последний не относит к своему «Я» повозки, в которой он едет, даже если он и может сказать о себе: «я еду», имея при этом в виду: «мое тело перемещается», – так и духовно развитый человек, говоря «я вхожу в дверь», в действительности исходит из представления: «я проношу в дверь мое тело». Но это представление должно стать для него столь естественным, чтобы он ни на мгновение не утерял твердой почвы физического мира и чтобы вследствие этого никогда не могло наступить состояние отчужденности от чувственного мира. Чтобы не стать мечтателем или фантазером, духовный ученик должен с помощью высшего сознания сделать свою жизнь в физическом мире не беднее, а напротив, богаче, подобно тому, как обогащает ее тот, кто вместо хождения пешком пользуется железной дорогой.

Когда ученик достигает такой жизни в своем высшем «Я» – или, скорее, уже в процессе приобретения высшего сознания, – ему становится ясно, каким образом в органе, созданном около сердца, пробудить силу духовного восприятия и как управлять ею посредством описанных в прошлой главе потоков. Сила восприятия входит в состав более высокой вещественности, которая исходит из упомянутого органа и, сияя ослепительной красотой, струится по движущимся цветкам лотоса, а также и по другим каналам развитого эфирного тела. Оттуда она проливает свой свет наружу, в окружающий духовный мир, и делает его духовно зримым, подобно тому, как солнечный свет делает физически зримыми предметы, на которые он падает.

Каким образом эта сила восприятия зарождается в органе сердца – становится понятным лишь постепенно, в самом ходе развития.

Отчетливо воспринимаемым в виде предметов и существ духовный мир становится, собственно, только для того, кто может выносить этот орган восприятия из себя, проносить его сквозь свое эфирное тело во внешний мир с тем, чтобы освещать предметы. Отсюда следует, что полное осознание предметов и явлений духовного мира может возникнуть только при том условии, что человек сам устремит на них свет своего духа. Однако в действительности то «Я», которое порождает этот орган восприятия, живет не в физическом теле человека, но, как было показано, находится вне его границ. Орган сердца – это лишь то место, где человеком возжигается этот орган духовного света. Если бы он возжег его не здесь, а где-нибудь в другом месте, то вызванные им духовные восприятия не имели бы никакой связи с физическим миром. Но человек должен все высшее, духовное, приводить в связь с физическим миром и давать духовному через себя воздействовать на последний. Орган сердца и есть именно тот орган, посредством которого высшее «Я» делает «Я» чувственным своим орудием и из которого оно управляет этим последним.

Однако ощущение, которое приобретает духовно развитый человек по отношению к вещам духовного мира, отличается от ощущения, свойственного человеку, обладающему лишь органами чувственного восприятия мира телесного. Последний чувствует себя находящимся в определенном месте чувственного мира, в то время как воспринимаемые им предметы он видит находящимися «вне» его. Духовно же развитый человек чувствует себя, напротив, как бы соединившимся с предметом своего духовного восприятия, как бы «внутри» него. И он на самом деле странствует в духовном пространстве, перемещаясь с места на место. Поэтому на языке тайноведения его называют также «странником». Вначале он как бы не имеет дома. Оставаясь только странником, он не мог бы реально выявить ни одного предмета в духовном пространстве. Подобно тому, как в физическом пространстве предмет или место определяют, обозначив точку отсчета, так же должно это происходить и в ином мире. Там также необходимо сначала отыскать и подробно исследовать какое-либо место, духовно овладеть им. В этом месте надо основать свою духовную родину, а уже затем все остальное привести в то или иное отношение к ней. Ведь и живя в физическом мире, человек видит все так, как это обуславливают представления его земной родины. Берлинец невольно описывает Лондон иначе, чем парижанин. Однако с духовной родиной дело все же обстоит иначе, чем с земной. Здесь человек рождается, не осознавая этого; уже в юности он инстинктивно усваивает ряд представлений, благодаря которым он с тех пор все невольно воспринимает в их

свете. Духовную же родину он с полным сознанием образует себе сам. Поэтому, исходя из нее, он и судит с полной ясностью и свободой. Подобное образование духовной родины на языке тайноведения называется «построением хижин».

На этой ступени духовное созерцание распространяется прежде всего на духовные противоположности физического мира, поскольку эти противоположности находятся в так называемом астральном мире. В нем находится все, что по своей природе подобно человеческим влечениям, чувствам, вожделениям и страстям. Ибо ко всем окружающим человека чувственным вещам принадлежат также и силы, родственные упомянутым человеческим силам. Кристалл, например, слагается в форму под влиянием сил, которые высшему созерцанию представляются подобными действующему в человеке влечению. Благодаря таким же силам направляется сок по сосудам растений, распускаются цветы и раскрываются семенные коробочки. Все эти силы для развитых органов духовного восприятия имеют форму и цвет так же, как предметы физического мира обладают формой и цветом для глаза физического. На описанной ступени развития человек видит не только кристалл и растение, но и эти духовные силы. И он видит животные и человеческие влечения не в одних только проявлениях физической жизни их носителей, но и непосредственно, как предметы, подобно тому, как в физическом мире он видит столы и стулья. Весь мир инстинктов, влечений, желаний и страстей животного или человека становится астральным облаком, или аурой, которой окутано существо.

Далее на этой ступени развития ясновидящий воспринимает также и вещи, частично или полностью ускользающие от чувственного восприятия. Он, например, может заметить астральное различие между пространством, заполненным преимущественно низменно настроенными людьми, и пространством, где присутствуют обладатели высокого строя души. В больнице не только физически, но и духовно атмосфера иная, чем в танцевальном зале. Торговому городу свойствен иной астральный «воздух», чем университетскому. Сначала способность восприятия таких вещей у ставшего ясновидящим будет развита довольно слабо. Она будет относиться к вышеназванным предметам так же, как сновидческое сознание чувственного человека – к его бодрственному сознанию. Но постепенно он вполне пробудится также и на этой ступени.

Высшим успехом ясновидца на описанной ступени созерцания является то, что ему открываются активные астральные противоположности животных и человеческих влечений и страстей. Действие, исполненное любви, сопровождается иным астральным проявлением, чем действие, проистекающее из ненависти. Чувственное вожделение помимо себя самого являет еще и отвратительный астральный противоположность; чувство же, направленное на что-нибудь высокое, – напротив, прекрасный. Эти противоположности в течение физической жизни человека видимы очень слабо, так как их сила уменьшается благодаря жизни в физическом мире. Желание, направленное на какой-нибудь предмет, кроме собственного проявления в астральном мире, порождает еще и упомянутый противоположность. Но если желание находит удовлетворение благодаря обладанию этим физическим предметом, или, по крайней мере, возможность такого удовлетворения предполагается, тогда противоположность имеет очень слабое свечение. Своей полной силы он достигнет только после смерти человека, поскольку душа по своей природе все еще будет иметь это желание, но уже не сможет удовлетворить его за отсутствием как самого предмета желания, так и соответствующего физического органа. Человек, привязанный к чувственному миру, и после смерти будет все еще жаждать, например, вкусового наслаждения. Но у него уже не будет возможности удовлетворить это желание, так как само небо будет отсутствовать. Вследствие этого желание породит особенно сильный противоположность, который станет тогда терзать душу. Эти испытания, которые после смерти наступают в результате деятельности противоположностей низшей природы души, называются «переживаниями в мире душ», а именно «в месте вожделений». Они прекращаются только тогда, когда душа очищается от всех направленных на физический мир вожделений. Лишь после этого душа восходит в высшую область (духовный мир). Но несмотря на то, что у живущего физической жизнью человека эти противоположности слабы, они тем не менее существуют и сопровождают его, как зачатки его вожделений, подобно тому как комету сопровождает ее хвост. И ясновидящий, если он достиг соответствующей ступени развития, может их увидеть.

В таких и в подобных им переживаниях пребывает духовный ученик на описанной стадии. Но находясь на этой ступени развития, он еще не может подняться к более высоким духовным переживаниям. Отсюда ему предстоит дальнейшее восхождение.

ДОСТИЖЕНИЕ НЕПРЕРЫВНОСТИ СОЗНАНИЯ

Жизнь человека протекает в смене трех состояний. Они суть бодрствование, сон со сновидениями и глубокий сон без сновидений. Если составить себе представление об изменениях, относящихся к этим трем состояниям у человека, ищущего высших познаний, то можно понять, каким образом достигаются высшие познания духовных миров. Пока же человек не прошел через обучение, ведущее к этим познаниям, его сознание постоянно прерывается промежутками сна. В течение этих промежутков душа ничего не знает ни о внешнем мире, ни о себе самой. Лишь время от времени из общего моря бессознательности всплывают сновидения, связанные с процессами внешнего мира или с состояниями собственно-го тела. В сновидениях обычно усматривают лишь особое проявление жизни во сне, почему и принято говорить только о двух состояниях: сна и бодрствования. Но для тайноведения наряду с двумя другими состояниями сновидение имеет и самостоятельное значение. В предыдущей главе было описано, какое изменение происходит в жизни сновидений у человека, начинающего восходить к высшему познанию. Его сновидения утрачивают бессмысленный, бессвязный и беспорядочный характер и все больше образуют некий мир, проникнутый правильностью и связностью. При дальнейшем развитии этот новый мир, родившийся из мира сновидений, уже не только не уступает по своей внутренней достоверности внешней чувственной действительности, но теперь в нем открываются факты, представляющие собой, в полном смысле слова, высшую действительность. В чувственном мире повсюду сокрыты загадки и тайны. В нем действительно обнаруживаются проявления некоторых высших фактов, однако человек, ограниченный одним лишь чувственным восприятием, не может получить доступа к *причинам*, порождающим их. Духовному ученику в описанном состоянии, возникшем из сновидений, но не ставшем у него постоянным, частично открываются эти причины. Правда, он до тех пор не сможет рассматривать эти откровения как действительное познание, пока те же самые вещи не явятся ему и в обычной бодрственной жизни. Но он достигнет и этого. Развитие его направляется на то, чтобы состояние, достигнутое им первоначально в жизни сновидений, перенести затем и в бодрствующее сознание. Тогда чувственный мир обогатится для него чем-то совершенно новым. Как для человека, родившегося слепым и в результате операции ставшего зрячим, окружающий его мир обогащается всеми доступными глазу восприятиями, так и человек, достигший ясности сновидений, видит весь окружающий его мир наделенным новыми свойствами, вещами, существами и т. д. Теперь ему не нужно дожидаться сновидений, чтобы жить в другом мире; он может всегда, когда это будет необходимо, переходить в описанное состояние, поднимаясь к высшему восприятию. Это новое состояние приобретает для него такое же значение, какое в обычной жизни имеет восприятие вещей, достигаемое благодаря деятельности органов чувств, по сравнению с «восприятием» при полном их бездействии. Поистине можно сказать: духовный ученик открывает органы чувств своей души и созерцает вещи, которые для телесных органов чувств остаются сокрытыми.

Но это состояние является для ученика лишь переходом к более высоким ступеням познания. Если он продолжит выполнение входящих в состав духовного обучения упражнений, то через какое-то время обнаружит, что описанные радикальные изменения происходят не только с его сновидческой жизнью, но что превращение распространяется также и на глубокий сон, который до сих пор был лишен сновидений. Он замечает, что состояние полной бессознательности, в котором он находился прежде во время такого сна, теперь прерывается единичными сознательными переживаниями. Из общего мрака сна всплывают такие восприятия, каких он раньше не знал. Описать их, конечно, нелегко, так как наш язык создан исключительно для чувственного мира, и поэтому для обозначения всего того, что никак не принадлежит к этому чувственному миру, можно подыскать лишь приблизительно подходящие для этого слова. Тем не менее при описании высших миров в первое время приходится пользоваться словами. Это достижимо лишь благодаря тому, что многое выражается при помощи сравнений, и поскольку все в мире находится в родственной связи, это оказывается возможным. Предметы и существа высших миров родственны вещам чувственного мира, по крайней мере, настолько, что при наличии доброй воли всегда можно получить некоторое представление об этих высших мирах даже при помощи слов, принятых в чувственном мире. Здесь надо только всегда иметь в виду, что многое в подобных описаниях сверхчувственных миров есть сравнение и символ. Поэтому само духовное обучение проводится лишь отчасти при помощи слов обычного языка; для дальнейших целей ученик при своем восхождении изучает еще и другой, непосредственно понятный ему символический способ выражения. Его необходимо усвоить во время самого духовного ученичества. Но это не препятствует тому, чтобы при помощи обычных описаний, которые здесь даются, приобрести определенное знание о природе высших миров.

Чтобы дать представление о вышеупомянутых переживаниях, впервые всплывающих из моря бессознательности во время глубокого сна, лучше всего провести аналогию со способностью *слухового восприятия*. Здесь также можно говорить о восприятии звуков и слов. Подобно тому как переживания сновидений, если сравнивать их с восприятием органов чувств, можно определить как своего рода *созерцание*, так и факты глубокого сна допускают сравнение со слуховыми впечатлениями. (К этому надо добавить, что и в духовных мирах *созерцание* есть нечто высшее. Краски и в *этом мире* являются чем-то более высоким, чем звуки и слова. Но то, что ученик *вначале* воспринимает в этом мире при своем обучении, суть *еще не* высшие цвета, а низшие звуки. Только в силу того, что по своему общему развитию человек уже приспособлен к миру, открывающемуся ему в сновидениях, он сразу же воспринимает в нем краски. Но он еще недостаточно подготовлен ко встрече с более высоким миром, который раскрывается в глубоком сне; поэтому этот мир открывается ему прежде всего в звуках и словах; позднее он сможет и здесь подняться до восприятия форм и красок.)

Когда ученик замечает, что в состоянии глубокого сна у него начинают появляться подобные переживания, то дальнейшая его задача должна прежде всего заключаться в том, чтобы сделать их как можно более отчетливыми и ясными. Вначале это дается с большим трудом, так как восприятие пережитого в этом состоянии бывает чрезвычайно слабым. Правда, при пробуждении человек знает, что он что-то пережил, но что именно – относительного этого он остается в полном неведении. Самое важное во время этого начального состояния – оставаться спокойным и невозмутимым и ни на одно мгновение не впадать в какое-либо беспокойство и нетерпение. Это при всех обстоятельствах нанесло бы только вред. Беспокойство и нетерпение не только не стимулируют дальнейшего развития, но неизбежно замедляют его. Надо спокойно довериться тому, что тебе дается или даруется; от всякого принуждения надо отказаться. Если в данный момент не удастся зафиксировать переживаемого во сне, то необходимо терпеливо дожидаться того времени, когда это окажется возможным. Ибо миг этот когда-нибудь неминуемо настанет. И если ученик был терпелив и спокоен, то достигнутой способностью восприятия он будет владеть уверенно, между тем как при насильственном образе действий она, однажды проявившись, затем может быть совершенно утрачена, и притом надолго.

Если способность восприятия уже появилась и переживания сна выступают перед сознанием совершенно ясно и отчетливо, то надо направить внимание на следующее. Из этих переживаний с большой степенью точности могут быть выделены два вида. Один вид переживаний покажется совершенно чуждым по сравнению со всем тем, что когда-либо приходилось узнавать раньше. Можно сначала почерпнуть из них радость, благодаря им можно возвыситься, но, впрочем, будет лучше пока оставить их в покое. Они – первые предвестники высшего духовного мира, в котором ученик сможет разобраться лишь позднее. Другой же вид переживаний обнаружит перед внимательным наблюдателем известное родство с обычным миром, в котором тот живет. То, над чем он задумывается в жизни и что хотел бы понять о вещах окружающего мира, но что не поддается пониманию со стороны обычного рассудка, всему этому его переживания, полученные во время сна, послужат разъяснением. В своей повседневной жизни человек обычно размышляет над тем, что находится в его окружении. Он образует представления, стремясь проникнуть во взаимную связь вещей. Он в понятиях пытается постичь то, что воспринимают его чувства. Именно с этими представлениями и понятиями связаны переживания сна. То, что раньше было темным, размытым понятием, становится теперь чем-то полнозвучным и живым, что можно сравнить только со звуками и словами чувственного мира. Для человека это все больше приобретает характер того, как если бы ему из более высокого мира нашептывались в словах и звуках решения загадок, над которыми он размышлял. И тогда он получает возможность связать приходящее к нему из другого мира с обычной жизнью. То, что прежде он постигал благодаря мышлению, теперь становится для него переживанием, столь же живым и содержательным, каким только может быть переживание чувственного мира. Причина этого в том, что вещи и существа чувственного мира суть не только то, чем они кажутся чувственному восприятию. Они – выражение и результат духовного мира. Этот доколе скрытый духовный мир звучит теперь для духовного ученика во всем, что его окружает.

Нетрудно понять, что эта высшая способность восприятия только тогда может подобно благодати осенить человека, когда в раскрывшихся у него душевных органах чувств все развито правильно, так же, как и свои обычные органы чувств человек может употребить для правильного наблюдения мира только в том случае, если они закономерно построены. Но высшие органы чувств человек строит себе сам посредством упражнений, на которые ему указывает духовное обучение. К их числу принадлежит концентрация, т.е. направление внимания на совершенно определенные, связанные с тайнами мира представления и понятия. Далее, к ним принадлежит медитация, т.е. жизнь в подобных идеях, полное погружение в них, осуществляемое указанным способом. При помощи концентрации и медитации человек работает над своей душой. Этим он развивает в ней органы душевного восприятия. Во время занятий концентрацией и медитацией в его теле растет его душа: так растет зародыш в теле матери. Когда же затем во время сна наступают описанные отдельные переживания, то это значит, что приблизился момент рождения освободившейся души, ставшей благодаря этому в буквальном смысле слова другим существом, которое человек вынашивает в себе вплоть до его зарождения и зрелости. В концентрации и медитации усилия должны прилагаться исключительно тщательно, и выполнять упражнения необходимо чрезвычайно точно, потому что они являются законами зарождения и становления этого высшего душевного существа человека. Последнее же должно при своем рождении быть гармонично и правильно построенным

организмом. Если в предписаниях что-либо будет упущено, то в духовной области возникнет не правильно организованное живое существо, а неспособный к жизни недоносок.

То обстоятельство, что рождение этого высшего душевного существа происходит сначала в глубоком сне, проявляется, если принять во внимание, что нежный, еще мало способный к сопротивлению организм при возможном своем появлении в повседневной чувственной жизни не смог бы, конечно, проявиться, находясь в окружении могучих и суровых процессов этой жизни. Его деятельность прошла бы незамеченной на фоне деятельности тела. Эта столь нежная и вначале незаметная деятельность высшей души может проявиться только во сне, когда тело покоится, поскольку его деятельность зависит от чувственных *восприятий*. Но здесь вновь необходимо заметить, что ученик не должен смотреть на переживания во время сна как на источник полноценных познаний вплоть до тех пор, пока он не будет в состоянии перенести пробужденную высшую душу и в свое дневное сознание. Если же ему доступно это, то он может воспринимать духовный мир как таковой также и посреди дневных переживаний и наряду с ними, т.е. он может душевно постигать в звуках и словах тайны окружающего его мира.

Но на этой ступени развития человек должен уяснить себе, что вначале он имеет дело лишь с отдельными более или менее бессвязными душевными переживаниями. Поэтому надо остерегаться построения из них какой-либо законченной или хотя бы только связанной системы познаний. Ведь тогда в душевный мир могли бы проникнуть различные фантастические представления и идеи и человек с легкостью мог бы построить себе мир, не имеющий ничего общего с действительным духовным миром. Ученик должен постоянно упражняться в строжайшем контроле над собой. Здесь лучше всего прийти к наибольшей ясности относительно отдельных действительных переживаний, уже знакомых ученику, и ждать, пока совершенно естественным образом не появятся новые и как бы сама собой не установится их связь с прежними. И тогда у духовного ученика при выполнении соответствующих упражнений и благодаря силе духовного мира, в который он уже вступил, начинается охватывающее вокруг себя все большие области расширение сознания в глубоком сне. Переживания начинают выступать из бессознательности все чаще, и все меньшие промежутки сновидческой жизни остаются бессознательными. Тогда естественным образом все больше устанавливается связь между отдельными переживаниями, имевшими место во сне, причем связь эта не искажается всевозможными комбинациями и заключениями, проистекающими лишь из привыкшего к чувственному миру рассудка. Чем меньше мыслительных привычек из чувственного мира будет неправомерно вмешиваться в эти высшие переживания, тем лучше. При таком образе жизни человек все больше и больше приближается к той ступени на пути к высшему познанию, на которой состояния, прежде протекавшие во сне лишь бессознательно, превращаются в совершенно сознательные. В то время, когда тело отдыхает, человек живет в такой же неиллюзорной действительности, как и та, которая окружает его во время бодрствования. Излишне напоминать, что во время сна ученик имеет дело с другой действительностью, отличной от окружающего чувственного мира, в котором находится тело. Итак, человек учится и должен учиться – чтобы так же твердо стоять на почве чувственного мира и не сделаться фантазером – связывать высшие переживания с окружающим нас чувственным миром. Но переживаемый во сне мир поначалу является совершенно новым открытием. В тайноведении эту важную ступень, состоящую в достижении сознательности во время сна, называют постоянством (непрерывностью) сознания ¹.

У человека, достигшего этой ступени, опыт и переживание не прекращаются и в те промежутки времени, когда его физическое тело покоится и чувственные органы не доставляют душе никаких впечатлений.

---

¹ Описанное здесь состояние на известной ступени развития является своего рода «идеалом», достигаемым в конце долгого пути. То, с чем ученик знакомится вначале, суть два состояния: сознание при таком душевном строе, в котором у него прежде были возможны лишь беспорядочные сновидения, и сознание, при котором возможен только бессознательный сон без сновидений.

РАСЩЕПЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ВО ВРЕМЯ ДУХОВНОГО УЧЕНИЧЕСТВА

Во время сна человеческая душа не получает сообщений со стороны физических органов чувств. В этом состоянии до нее не доходят восприятия обычного внешнего мира. Она, в известном отношении, действительно находится *вне* той части человеческого существа, которая называется физическим телом и которая во время бодрствования обуславливает чувственные восприятия и мышление. В это время душа сохраняет связь лишь с более тонкими телами (эфирным и астральным), ускользающими от наблюдения физическими органами чувств. Но деятельность этих более тонких тел не прекращается во время сна. Подобно тому, как физическое тело находится в связи с вещами и существами физического мира, как оно испытывает воздействия с их стороны и само воздействует на них, так же живет душа в высшем мире. И эта жизнь продолжается во время сна. Действительно, во время сна душа пребывает в полной подвижности. Но только человек ничего не может знать об этой своей собственной деятельности до тех пор, пока у него не будет высших органов восприятия, благодаря которым он сможет так же хорошо наблюдать за всем происходящим вокруг него и совершаемым им самим во время сна, как он это делает посредством своих обыкновенных чувств в дневной жизни, протекающей в окружающем его физическом мире. Оккультное обучение состоит (как было показано в предыдущих главах) в развитии этих духовных органов чувств.

Когда благодаря духовному обучению характер сна у человека изменяется так, как это было описано в предыдущей главе, то он получает возможность в этом состоянии сознательно наблюдать за всем происходящим вокруг него; он может свободно ориентироваться в окружающем его мире, подобно тому, как это происходит во время его бодрствования в повседневной жизни благодаря обыкновенным органам чувств. При этом, однако, необходимо заметить, что восприятие обычного чувственного окружения предполагает уже более высокую степень ясновидения. (На это уже было указано в предыдущей главе.) В начале своего развития духовный ученик воспринимает только вещи, принадлежащие к другому миру, не будучи еще в состоянии уловить их связь с предметами окружающей его повседневной чувственной среды.

Все это, сделавшееся для нас наглядным на приведенных характерных примерах из жизни сновидений и сна, постоянно происходит с человеком. Душа непрерывно живет в высших мирах и деятельна в них. Она черпает из этих высших миров побуждения, через которые она постоянно воздействует на физическое тело. Но для человека эта его высшая жизнь остается *бессознательной*. Духовный же ученик доводит ее до сознания. Вследствие этого его жизнь совершенно изменяется. До тех пор, пока душа не стала *видящей* в высшем смысле слова, водительство над ней осуществляется стоящими выше нее мировыми существами. И как жизнь слепого, прозревшего благодаря операции, становится иной, в то время как прежде он был вынужден полагаться на водительство со стороны других, так же изменяется и жизнь человека благодаря оккультному обучению. Он вырастает из этого водительства и впредь должен руководить собою сам. Как только это происходит, он может подвергнуться заблуждениям, о которых обыкновенное сознание и не подозревает. Он действует теперь из того мира, откуда влияли на него – чего он никогда не сознавал – высшие силы, включенные во всеобщую мировую гармонию. Теперь ученик выпадает из этой мировой гармонии. Отныне на его плечи ложится то, что раньше совершалось за него и без его содействия.

Поэтому в книгах, где касаются подобных вещей, часто говорится об опасностях, связанных с восхождением в высшие миры. Описания этих опасностей, которые там нередко можно встретить, действительно способны внушить робким натурам ужас при одной только мысли об этой высшей жизни; но надо сказать, что эти опасности реальны только тогда, когда человек пренебрегает необходимыми мерами предосторожности. Если же человек действительно соблюдает предписания, которые даются при истинном духовном обучении, то хотя восхождение и проходит сквозь переживания, по силе и величию превосходящие все, что может нарисовать себе самая смелая фантазия ограниченного областью внешних чувств человека, но о вреде для здоровья или для жизни не может быть и речи. Человек знакомится с ужасными, со всех сторон угрожающими жизни силами. Он сам получает возможность пользоваться некоторыми силами и существами, недоступными чувственному восприятию. И велико бывает искушение овладеть этими силами, поставить их на службу собственным, запретным интересам или применить эти силы неверно вследствие недостаточного знания высших миров. Некоторые из этих особенно значительных переживаний (например, встреча со «Стражем порога») будут описаны в следующих главах. Но следует все-таки помнить, что эти враждебные жизни силы существуют и

тогда, когда человеку о них ничего не известно. Правда, в этом случае их отношение к человеку определяется высшими силами, и это отношение изменяется, когда человек сознательно вступает в этот скрытый от него дотоле мир. Но, с другой стороны, собственное его бытие возвышается, круг его жизни, расширяясь, образует новую, необозримую область. Реальная опасность появляется только в том случае, если духовный ученик, из нетерпения или нескромности, слишком рано придает себе некоторую самостоятельность в отношении к опыту и практике в высшем мире, если он не желает ждать до тех пор, когда им действительно будет получено достаточное прозрение в сверхчувственные законы. В этой области смирение и скромность – не столь пустые слова, как в обычной жизни. Если же эти качества, в их наилучшем выражении, присущи ученику, то он может быть уверен в том, что его восхождение в высшую жизнь не будет сопровождаться опасностью для всего того, что обычно называют здоровьем и жизнью. Прежде всего надо следить за тем, чтобы не возникло какой-либо дисгармонии между высшими переживаниями – с одной и процессами и требованиями повседневной жизни – с другой стороны. Задачу человека надо искать непременно на этой земле. И если кто-то хочет уклониться от земных дел и бежать от них в иной мир, то он может быть уверен, что не достигнет своей цели. То, что воспринимается органами чувств, есть лишь часть мира. И в мире духовном пребывают существа, выражающие себя в фактах чувственного мира. Необходимо приобщиться к духу, чтобы быть в состоянии вносить его откровения в чувственный мир. Человек преображает землю, прививая ей то, что он узнает из страны духов. В этом его задача. И стремиться к восхождению в высшие миры он должен только потому, что чувственная земля зависит от духовного мира и что действовать на земле он поистине сможет только в том случае, если будет участником этих миров, в которых сокрыты творческие силы. Если, приступая к духовному ученичеству, проникнуться этим настроением и ни на одно мгновение не отклоняться от указанного им направления, то можно не бояться никаких опасностей. Никто не должен допускать, чтобы мысль о предстоящих опасностях могла бы удержать его от духовного ученичества; но возможность их должна для каждого послужить строгим призывом непременно овладеть теми качествами, которыми должен обладать истинный духовный ученик.

После этих замечаний, устраняющих всевозможные страхи, можно перейти к изображению некоторых из так называемых «опасностей». Значительные перемены происходят у духовного ученика в упомянутых более тонких телах. Эти изменения связаны с некоторыми процессами развития трех главных душевных сил – *воления, чувствования и мышления*. Перед началом духовного обучения эти три силы находятся в совершенно определенной, управляемой высшими законами мира взаимосвязи. Человек не может *валить, чувствовать* или *мыслить* по произволу. Если, например в сознании всплывает определенное представление, то как результат действия естественных законов к нему присоединяется и известное чувство или за ним следует закономерно связанное с ним решение воли. Человек входит в комнату, находит ее душной и открывает окно. Он слышит свое имя и отзывается. Его спрашивают, и он отвечает. Он видит дурно пахнущий предмет и испытывает отвращение. Таковы простые связи между мышлением, чувствованием и волением. Если окинуть взором человеческую жизнь, то можно найти, что все в ней построено на подобных связях. Более того, самую жизнь человека считают «нормальной» только тогда, когда замечают в ней подобную связь между мышлением, чувствованием и волением, коренящуюся в законах человеческой природы. И если бы человек при виде дурно пахнущего предмета испытал чувство удовольствия или если бы он не отвечал на заданные ему вопросы, то в этом усмотрели бы противоречие с законами природы. Успехи, ожидаемые от правильного воспитания или надлежащего обучения, основаны на предположении, что у воспитанника можно установить отвечающую человеческой природе связь между мышлением, чувствованием и волением. Сообщая ему известные представления, всегда исходят из предположения, что позднее эти представления войдут в закономерную связь с его чувствами и решениями воли. Все это происходит в силу того, что в более тонких душевных телах человека центры трех сил: мышления, чувствования и воления – закономерно связаны между собой. И эта связь, существующая в более тонком душевном организме, отражается также и в грубом физическом теле. В нем также органы воления находятся в известной закономерной связи с органами мышления и чувствования. Поэтому определенная мысль вызывает каждый раз соответствующее чувство или проявление воли. Но при более высоком развитии человека нити, связывающие между собой три главные силы, разрываются. Вначале этот разрыв происходит только в описанном более тонком душевном организме, однако при дальнейшем восхождении это разделение распространяется и на физическое тело. (Так, при высшем духовном развитии человека головной мозг действительно разделяется на три отдельные друг от друга части. Конечно, это разделение таково, что оно недоступно обычному чувственному зрению и не может быть отмечено даже при помощи тончайших приборов. Но тем не менее оно наступает, и ясновидящий в состоянии наблюдать его. Головной мозг ясновидящего на высшей ступени разделяется на три самостоятельно действующие сущности: на мозг мышления, мозг чувства и мозг воли).

Таким образом, органы мышления, чувствования и воления при обретают друг относительно друга полную независимость. И связь между ними отныне устанавливается уже не присущими им самим законами, а пробудившимся высшим сознанием самого человека. Это и есть изменение, которое замечает в себе духовный ученик. Оно состоит в том, что больше не устанавливается никакой связи между представлением и чувством или между чувством и решением воли, и т. д., если ученик сам не создает ее. Никакое побуждение не поведет его от мысли к действию, если он сам свободно не вызовет в себе это побуждение. Отныне он способен оставаться совершенно бесчувственным перед фактом, который до

его ученичества внушал ему пламенную любовь или злейшую ненависть; он может оставаться бездеятельным при мысли, которая прежде как бы сама собой воодушевляла его к действию. И он может совершать поступки из волевых решений, для которых у людей, не прошедших через духовное обучение, не оказалось бы ни малейшего повода. Великое достижение, выпавшее на долю духовного ученика состоит в том, что он достигает совершенного господства над взаимодействием этих трех душевных сил; но взаимодействие это ложится полностью на его собственную ответственность.

Только благодаря такому превращению своего существа человек получает возможность вступить в сознательное общение с определенными сверхчувственными силами и существами. Ибо его собственные душевные силы находятся в определенном сродстве с известными основными силами мира. Так, например, сила, заложенная в воле, способна воздействовать на определенные вещи и существа высшего мира, а также и воспринимать их. Но способность к этому она приобретает только освободившись от своей связи внутри души с чувствованием и мышлением. Как только эта связь прекращается, следует действие воли, направленное вовне. То же самое относится и к силам мышления и чувствования. Если кто-то направляет на меня чувство ненависти, то ясновидец видит это как тонкое световое облако определенной окраски. И он может отвести это чувство ненависти так же, как в чувственном мире человек отклоняет направленный на него физический удар. В сверхчувственном мире ненависть становится видимым явлением. Но ясновидящий может воспринимать ее только благодаря тому, что он в состоянии посылать наружу силу, заложенную в его чувстве, подобно тому как в мире чувств человек направляет вовне восприимчивость своего глаза. И так же, как с ненавистью, происходит это и с другими, гораздо более значительными фактами чувственного мира. Человек может вступать с ними в сознательное общение путем освобождения основных сил своей души.

Но благодаря описанному разделению сил мышления, чувствования и волея при несоблюдении предписаний духовной науки возможно тройное отклонение в ходе развития человека. Оно может наступить в том случае, если соединительные связи будут разрушены прежде, чем высшее сознание в своем познании достигнет способности взять бразды правления в свои руки, установить свободное, гармоничное взаимодействие разделенных сил. Обыкновенно все три основные силы человека в данный период его жизни развиты неодинаково. У одного человека мышление опережает чувствование и волея, у другого – какая-нибудь другая сила берет верх над остальными. Но до тех пор, пока между силами сохраняется установленная высшими мировыми законами связь, преобладание одной из них не может вызвать никакой, в более высоком смысле слова, помехи или неправильности. К примеру, у волевого человека мышление и чувство благодаря этим законам все же действуют уравнивающим образом и не дают преобладающей воле впасть в неумеренность. Но когда такой волевой человек вступает на путь ученичества, то закономерное влияние чувства и мысли на волю, непрерывно побуждающую его к безмерным проявлениям своих сил, совершенно прекращается. Если же при этом человек окажется недостаточно развит в смысле совершенного обладания высшим сознанием и поэтому не будет в состоянии сам устанавливать гармонию, то воля направится своим собственным безудержным путем. Она будет постоянно одолевать человека. Чувство и мышление впадут в полное бессилие; господствующая над человеком воля будет погонять его, как раба. Появится *деспотическая натура*, переходящая от одного необузданного поступка к другому. Второй ложный путь возникает тогда, когда таким же безмерным образом от закономерных уз освобождается чувство. Личность, склонная к почитанию, может в таком случае подпасть безграничной зависимости от других, вплоть до полной утраты всякой собственной воли и мысли. И тогда вместо высшего познания ее уделом явится самое жалкое опустошение и бессилие. Или может случиться, что натура, склонная к благоговению и религиозному вдохновению, при таком преобладании жизни чувств впадет в совершенно поглощающую ее религиозную мечтательность. Третье бедственное последствие наступает в том случае, если пересиливает мышление. В этом случае развивается враждебная жизни, замкнутая в себе созерцательность. В глазах таких людей мир наделен значением только в той мере, в какой он доставляет им пищу для удовлетворения их безгранично возросшей жажды мудрости. Ни одна мысль не может побудить их к действию или к переживанию. Они во всем проявляют себя как безучастные, холодные натуры. Они избегают малейшего соприкосновения с повседневной действительностью, которая вызывает в них отвращение или, по крайней мере, теряет для них всякое значение.

Таковы три ложных пути, на которые может вступить духовный ученик: деспотизм, расплывчатость чувств и холодное, бессердечное стремление к мудрости. Для стороннего наблюдателя – а также и для материалистической медицины – образ такого ученика, вступившего на ложный путь, лишь немногим будет отличаться от сумасшедшего или, по крайней мере, тяжелого «нервнобольного». Конечно сравнивать последних с духовным учеником не следует. Отсюда ясно, насколько большое значение должен придавать духовный ученик тому, чтобы мышление, чувствование и волея – эти три основные душевные силы – прошли гармоническое развитие уже до того, как они могут быть освобождены от присущей им взаимосвязи и подчинены пробужденному высшему сознанию. Ведь если была допущена какая-нибудь ошибка и одна из основных сил получила безудержное развитие, то высшая душа родится на свет «недоношенной». Необузданная сила заполнит всю личность человека; и придется надолго оставить всякую мысль о том, чтобы снова все пришло в равновесие. Та или иная черта характера, до прохождения духовного ученичества представляющаяся совершенно невинной, – будь он натурой с преобладанием воли, чувства или мышления, – разрастается в духовном ученике до таких размеров, что перед ней может совершенно померкнуть столь необходимый в жизни взгляд

на вещи с общечеловеческих позиций. Однако действительно серьезной эта опасность становится только тогда, когда ученик достигает способности и во время бодрствования сохранять то, что было пережито его сознанием во время сна. До тех пор, пока дело ограничивается одним лишь просветлением некоторых промежутков сна, чувственная жизнь, управляемая всеобщими мировыми законами, продолжает действовать во время бодрствования восстанавливающим образом на нарушенное равновесие души. Поэтому так необходимо, чтобы бодрственная жизнь духовного ученика во всех отношениях оставалась правильной и здоровой. Чем больше он отвечает требованиям, которые внешний мир предъявляет к здоровому, сильному строению тела, души и духа, тем лучше для него. И напротив, если бы повседневная бодрственная жизнь действовала на него чрезмерно возбуждающим или изнуряющим образом и если бы к происходящим в нем великим переменам присоединились еще какие-нибудь разрушительные или тормозящие влияния внешней жизни – это бы плохо отразилось на нем. Он должен искать то, что отвечает его силам и способностям и вводит его в спокойную жизнь, в гармонию с окружающей его средой. И он должен избегать всего, что наносит ущерб этой гармонии и вносит в его жизнь беспокойство и торопливость. Здесь речь идет не о том, чтобы внешне отделаться от этой суеты и жизненных волнений, но вопрос в том, чтобы уберечь свое настроение, свои намерения и мысли, а также и телесное здоровье от постоянных колебаний. Во время духовного ученичества все это дается человеку не так легко, как прежде. Ибо высшие переживания начинают теперь вторгаться в его жизнь и непрерывно воздействовать на все его бытие. И если эти высшие переживания выступают не должным образом, то его неизбежно будут подстерегать всякие заблуждения, готовые при каждом удобном случае столкнуть его с верного пути. Поэтому духовный ученик не должен упускать чего-либо, что может обеспечить ему постоянное господство над всем его существом; он никогда не должен терять присутствия духа или способности спокойно разбираться во всех заслуживающих внимания жизненных ситуациях. Впрочем, настоящее духовное обучение, в сущности, само по себе возвращает в нем все эти качества. И в процессе обучения человек сталкивается с опасностями только тогда, когда им уже бывает достигнута полная сила, способная устранить их со своего пути.

СТРАЖ ПОРОГА

Важными событиями при восхождении в высшие миры являются встречи со «Стражем порога». Существует не один, а, в сущности, два «Стража порога» – «Малый» и «Великий». С первым человек встречается уже тогда, когда связующие нити между волей, мышлением и чувствованием внутри более тонких тел (астрального и эфирного) начинают ослабевать, как это было показано в предыдущей главе. Перед «Великим Стражем порога» человек предстает, когда расторжение связей распространяется и на части физического тела (прежде всего – на головной мозг).

«Малый Страж порога» есть самостоятельное существо, но для человека, не достигшего соответствующей ступени развития, его как бы не существует. Здесь могут быть отмечены лишь некоторые из его наиболее существенных особенностей.

Прежде всего попытаемся представить в повествовательной форме встречу духовного ученика со «Стражем порога». Только благодаря этой встрече ученик замечает, что мышление, чувствование и воление освободились в нем от прищипки им взаимосвязи.

Несомненно вселяющее ужас призрачное существо стоит перед учеником. Ему необходимо присутствие духа и все доверие к правильности своего пути познания, которые он уже в достаточной мере мог приобрести за время своего ученичества.

«Страж» возвещает о своем значении приблизительно в следующих словах: «До сих пор над тобой господствовали силы, которые были невидимы для тебя. Благодаря им во время твоих прежних жизней каждое из твоих добрых дел вознаграждалось и каждый из твоих дурных поступков влек за собой худые последствия. Благодаря их влиянию из твоего жизненного опыта и из твоих мыслей складывался твой характер. Они обуславливали твою судьбу. Они определяли меру радости и страдания, отведенную тебе в каждом твоём воплощении, сообразно твоему образу действий в прежних воплощениях. Их господство над тобой выражалось в форме всеобъемлющего закона кармы. Отныне эти силы отчасти освободят тебя от своего водительства. И ты должен будешь взять на себя часть той работы над самим собой, которую выполняли они. Тебя постигал тот или иной тяжелый удар судьбы. Знал ли ты почему? Это было последствием какого-нибудь пагубного поступка, совершенного тобой в одной из твоих предыдущих жизней. Ты знал счастье и радость; они также были следствиями твоих прежних поступков. В твоём характере есть прекрасные черты, но есть и безобразные пятна. И то и другое вызвано тобой самим, твоими прежними переживаниями и мыслями. До сих пор ты не знал о них; тебе открывались только последствия. Но кармические силы видели все твои прежние жизненные деяния, твои сокровенные мысли и чувства. И по ним определили, каким тебе быть и как жить теперь.

Отныне тебе должны открыться все лучшие и все худшие стороны твоих предыдущих жизней. До сих пор они были вплетены в твоё собственное существо, они были в тебе, и ты не мог их видеть, как физически ты не можешь видеть свой мозг. Теперь они высвобождаются из тебя, выступают из твоей личности наружу. Они приобретают самостоятельный облик, который ты можешь видеть так же, как видишь камни и растения внешнего мира. И сам я – то существо, которое образовало себе тело из твоих благородных и худых дел. Мой призрачный облик соткан из счетной книги твоей собственной жизни. Невидимо носил ты меня до сих пор в себе самом. И это было благом для тебя. Ибо мудрость твоей судьбы, которая была сокрыта от тебя, до сего дня продолжала работать в тебе над погашением темных пятен в моем облике. Теперь же, когда я выступил из тебя, от тебя отошла и эта сокровенная мудрость. Впредь она уже не будет заботиться о тебе. Всю свою работу она передаст в твои собственные руки. Я же должен стать совершенным в самом себе, прекрасным существом или же – погибнуть. Но если совершится последнее, я увлеку за собой вниз и тебя, в темный, погибший мир. Чтобы воспрепятствовать этому, твоя собственная мудрость должна быть теперь столь велика, чтобы взять на себя задачу той, отступившей от тебя, сокровенной мудрости. Как только ты переступишь мой порог, я ни на одно мгновение не отойду от тебя, оставаясь видимым для тебя образом. И если впредь ты совершишь или помыслишь неправое, ты тотчас же узнаешь свою вину по отвратительному, демоническому искажению моего облика. И только тогда, когда ты полностью сгладить свою прошлую неправду и очистишь себя настолько, что зло впредь станет для тебя совершенно невозможным, тогда мое существо засияет ослепительной красотой. И я снова смогу воссоединиться с тобой в единое существо ко благу твоей дальнейшей деятельности.

Но мой порог сложен из всех ощущений страха, которые еще есть в тебе, из твоих опасений перед силой, которая берет на себя полную ответственность за все твои дела и помыслы. Пока в тебе есть какой-либо страх перед самостоятельным управлением своей судьбой – этот порог не достроен еще во всех своих частях. До тех пор, пока в нем будет

недоставать хотя бы одного-единственного камня, ты будешь как зачарованный останавливаться перед ним или спотыкаться о него. Не пытайся переступить этот порог прежде, чем не почувствуешь себя совершенно свободным от страха и готовым к несению высочайшей ответственности.

До сих пор я выступал из твоей личности только когда смерть отзывала тебя из твоей земной жизни. Но и тогда мой облик был сокрыт от тебя. Лишь силы судьбы, господствовавшие над тобой, видели меня и могли по моему виду, в промежутки между смертью и новым рождением, развивать в тебе силы и способности, чтобы в новой земной жизни ты мог работать над совершенствованием моего образа на благо твоего дальнейшего развития. И сам я был тем, чье несовершенство неизменно принуждало силы судьбы все снова и снова приводить тебя к новым воплощениям на земле. Когда ты умирал, я являлся пред тобой; из-за меня водители кармы определяли тебе новое рождение. И только преобразовав меня – не сознавая этого – благодаря постоянно возобновляющимся жизням до полного совершенства, ты освободился бы от владык смерти и соединился бы со мной; и в единении со мной ты бы перешел в бессмертие.

Вот я зримо стою перед тобой, как всегда был возле тебя, невидимый, в час твоей смерти. Переступив мой порог, ты вступишь в царства, в которые обычно ты вступал после физической смерти. Теперь ты вступишь в них, наделенный совершенным знанием, и отныне, продолжая видимым образом странствовать по земле, ты будешь в то же время странствовать и в царстве смерти, которое есть и царство вечной жизни. Поистине я также и ангел смерти; но я же и податель никогда не иссякающей высшей жизни. Благодаря мне ты умрешь при жизни тела, дабы познать новую жизнь в неуничтожимом бытии.

Царство, в которое ты отныне вступаешь, познакомит тебя с существами сверхчувственного рода. Блаженство будет твоим уделом в этом царстве. Но первым твоим знакомством в этом мире суждено быть мне самому, мне, который есть твое собственное творение. Раньше я жил твоей жизнью, но теперь я пробужден тобой к собственному бытию и стою пред тобой как видимое мерило твоих будущих поступков, быть может – и как постоянный упрек тебе. Ты смог создать меня, но вместе с тем ты взял на себя обязанность и преобразовать меня».

Все, изложенное здесь в повествовательной форме, следует представлять себе не как нечто символическое, а как в высшей степени реальное переживание духовного ученика¹.

Страж должен предостеречь его от дальнейших шагов, если тот не чувствует в себе силы соответствовать требованиям, заключенным в этом обращении. Как бы ни был ужасен облик стража, он – лишь результат прошлой жизни самого ученика, лишь его собственный характер, пробужденный к самостоятельной жизни вне его. И это пробуждение происходит благодаря разрушению связи между волей, мышлением и чувством. Уже одно то, что человек впервые чувствует себя творцом духовного существа, представляет собой переживание, исполненное глубочайшего значения. Теперь подготовка духовного ученика должна быть направлена на то, чтобы без всякого страха выдержать ужасное зрелище и в момент встречи почувствовать свою силу действительно настолько возросшей, чтобы суметь совершенно сознательно взять на себя преображение «Стража».

Последствием благополучно перенесенной встречи со «Стражем порога» явится то, что свою следующую физическую смерть духовный ученик воспримет как совершенно иное событие, чем все его прежние смерти. Он сознательно переживает процесс умирания и сбрасывает физическое тело так же, как скидывают изношенную или, возможно, внезапно разорвавшуюся и ставшую поэтому негодной одежду. Эта его физическая смерть является, так сказать, чем-то значительным только для тех, кто живет вместе с ним и в своих восприятиях еще всецело ограничен чувственным миром. Для них ученик «умирает». Для него же вокруг не происходит никакой существенной перемены. Ведь сверхчувственный мир, в который он вступил, окружал его таким же образом еще до его смерти, и тот же самый мир будет стоять перед ним и после смерти. Однако со «Стражем порога» связано еще и нечто иное. Человек принадлежит к семье, народу, расе; его деятельность в этом мире зависит от его принадлежности к подобным совокупным группам. С этим связан также его индивидуальный характер. И сознательная деятельность отдельного человека – это еще далеко не все, с чем приходится считаться, имея дело с семьей, племенем, народом, расой. Существует семейная, народная (и т. д.) судьба, как существует семейный, расовый и т. д. характер. Для человека, ограниченного чувственными восприятиями, эти вещи остаются *общими понятиями*, и материалистически настроенный мыслитель, охваченный предубеждениями, бросит на исследователя духа пренебрежительный взгляд, узнав, что для него характер какой-нибудь семьи или народа, судьба племени или расы связывается с действительными существами в той же мере, в какой характер и судьба

---

¹ Из вышесказанного ясно, что описанный «Страж порога», есть астральный образ, который открывается пробуждающемуся высшему зрению духовного ученика. К этой сверхчувственной встрече и ведет тайноведение. Существующие приемы низшей магии направлены на то, чтобы сделать «Стража порога» видимым также и для чувственного зрения. Это достигается образованием облака из какого-нибудь тонкого вещества, например, из курева, составленного из ряда веществ в определенном смещении; своей развитой силой маг бывает в состоянии воздействовать на облако курений, придавая ему определенную форму, и оживить эту субстанцию еще непогашенной кармой человека. Тот, кто достаточно подготовлен для более высокого видения, уже не нуждается в подобном чувственном созерцании; надо заметить, что если бы перед глазами человека, не прошедшего достаточной подготовки, выступила его еще непогашенная карма в виде чувственно-живого существа, то он подвергся бы опасности впасть в жестокие заблуждения. В романе Бульвера «Занони» дано беллетристическое описание «Стража порога».

отдельного человека присущи отдельной личности. Тайноведец знакомится с высшими мирами, в которые отдельные личности входят только в качестве членов, совершенно так же, как руки, ноги и голова являются членами отдельного человека. И в жизни семьи, народа или расы кроме отдельных людей действуют также и вполне действительные души семей и народов, духи рас; более того, отдельные люди в известном смысле суть лишь исполнительные органы этих семейных душ, духов рас и т. д. Поистине можно сказать, что, к примеру, душа народа пользуется каким-нибудь отдельным принадлежащим к ее народу человеком для выполнения определенных задач. Сама она при этом не спускается до чувственной действительности. Душа народа пребывает в высших мирах. И для того, чтобы действовать в физически чувственном мире, она пользуется телесными органами отдельного человека. В высшем смысле слова, это обстоит так же, как и с архитектором, который при необходимости выполнения тех или иных работ обращается к рабочим. В самом истинном смысле слова, каждый человек получает свою работу от души семьи, народа или расы. Однако при этом земной человек отнюдь не посвящается в высшие цели его деятельности. Над осуществлением целей души народа, расы и т. д. он работает *бессознательно*. С момента встречи со «Стражем порога» ученик должен признавать насущность не только своих собственных, стоящих перед ним задач, но он должен *сознательно* стремиться к выполнению задач своего народа и своей расы. Любое расширение кругозора непременно налагает на него и более обширные обязанности. Процесс, происходящий при этом, в действительности заключается в том, что к своему более тонкому душевному телу ученик присоединяет еще одно новое тело. Он облачается еще в одно одеяние. До сих пор он проходил по миру в оболочках, облакавших его личность, в то время как о том, что он должен делать для своего общества, для своего народа, для своей расы и т. д., заботились высшие духи, которые действовали через его личность. Дальнейшее снятие покрова, совершаемое «Стражем порога», состоит теперь в том, что отныне эти духи отнимают у него свою помощь. Ему необходимо выйти из всякого сообщества. При этом он совершенно окостенел бы в себе самом, в своей обособленности, он пошел бы навстречу гибели, если бы не приобрел теперь тех самых сил, которые присущи духам народов и рас. Здесь многие скажут: «О, я совершенно освободился от всех родовых и расовых связей; я хочу быть только «человеком» и ничем иным, как «только человеком». На это необходимо ответить: «Кто же привел тебя к этой свободе? Разве не твоя семья дала тебе в мире то положение, которое ты в нем сейчас занимаешь? Разве не твое племя, твой народ, твоя раса сделали тебя тем, что ты есть? Они воспитали тебя; и если ты возвысился над всеми предрассудками и стал одним из тех, кто несет свет и благоденствия своему племени или даже своей расе, то этим ты обязан именно *их* воспитанию. И даже когда ты говоришь о себе, что ты «только человек», даже и этим – тем, что ты стал таковым, – ты обязан духам общин, с которыми ты связан». Так впервые духовный ученик учится понимать, что значит быть совершенно покинутым духами народа, племени или расы. Только теперь из самого себя узнает он, какую незначительную роль играет подобное воспитание для той жизни, которая ему предстоит. Ибо все то, что было ему привито, рассеивается в результате происшедшего разрыва между волей, мышлением и чувством. Он оглядывается назад, на результаты своего прежнего воспитания так, как мы бы взглянули на дом, который рассыпался на отдельные кирпичи и который теперь предстоит вновь отстроить по новому плану. И это уже не просто символ, когда говорится следующее: После того как «Страж порога» высказал свои первые требования, на том месте, где он стоит, поднимается вихрь, гасящий все духовные светочи, которые до сих пор освещали путь жизни. И полная тьма расстилается перед учеником. Она нарушается только сиянием, излучаемым самим «Стражем порога». И из тьмы звучат его дальнейшие наставления: «Не переступай моего порога, пока ты не уяснишь себе, что отныне ты сам будешь освещать тьму перед собою; и не делай больше ни одного шага, пока ты не приобрел уверенности, что у тебя достаточно горючего вещества в твоей собственной лампаде. В будущем ты будешь лишен лампад твоих вождей, которые до сих пор светили тебе». После этих слов ученик должен обернуться и направить свой взор назад. Теперь «Страж порога» сдергивает завесу, скрывавшую глубокие тайны жизни. При этом духи племен, народов и рас предстают в их полной деятельности, и ученик одинаково видит как то, что он до сих пор был руководим ими, так, с другой стороны, и то, что отныне он будет лишен этого водительства. Это – второе предостережение, переживаемое человеком на пороге.

Конечно, никто не смог бы без подготовки вынести описанного здесь зрелища, но высшее обучение, которое, собственно, само и создает для человека возможность приблизиться к порогу, в то же время делает его способным в нужное мгновение найти и необходимую для этого силу. Более того, это обучение может протекать столь гармонично, что вступление в новую жизнь не примет для ученика смущающего или беспорядочного характера. В этом случае переживание у порога сопровождается для него предчувствием того блаженства, которое составит основной тон его вновь пробужденной жизни. Ощущение новой свободы перевесит все остальные чувства; и на фоне этого ощущения его новые обязанности и новая ответственность покажутся ему чем-то таким, что человеку надлежит возложить на себя на одной из ступеней жизни.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ. ВЕЛИКИЙ СТРАЖ ПОРОГА

Выше было показано, как важна для человека встреча с так называемым Малым Стражем «порога», важна тем, что он узнает в последнем сверхчувственное существо, порожденное в некоторой степени им самим. Тело этого существа образовано из оставшихся невидимыми для человека последствий его собственных деяний, чувств и мыслей. Но именно эти невидимые силы обусловили его судьбу и его характер. Отныне человеку становится ясно, каким образом он сам в прошлом заложил основы своего настоящего. Благодаря этому ему до некоторой степени раскрывается его собственное существо. Возьмем, к примеру, его определенные наклонности и привычки. Теперь он может уяснить себе, почему он их имеет. Его постигали удары судьбы; теперь он знает причины этого. Он узнает, почему он любит одно и ненавидит другое, почему одно делает его счастливым, а другое – несчастным. Понимание зримой жизни он приобретает через познание невидимых причин. Его взору раскрываются также важнейшие жизненные факты – болезнь и здоровье, смерть и рождение. Он замечает, что еще *до* своего рождения он сам вызвал причины, которые с неизбежностью должны были вновь ввести его в жизнь. Он отныне узнает в себе то существо, которое было создано в этом видимом мире, но создано несовершенным и которое *только* в самом этом видимом мире может быть приведено к своему совершенству. Ибо ни в одном другом мире не предоставляется возможности для работы над совершенствованием этого существа. Затем он видит, что даже смерть не может навсегда разлучить его с этим миром, ибо он принужден сказать себе: «Некогда я впервые пришел в этот мир, потому что я был тогда существом, нуждавшимся в жизни в этом мире, чтобы приобрести такие качества, которые не могли быть приобретены ни в одном из других миров. И мне нужно сохранить связь с этим миром до тех пор, пока я не разовью в себе всего того, что может быть приобретено в нем. Когда-нибудь я смогу стать нужным работником в ином мире только благодаря тому, что усвою в чувственно-видимом мире все необходимые для этого способности». К важнейшим переживаниям посвященного относится то, что он научается понимать и ценить чувственно-видимую природу в ее истинном значении гораздо лучше, чем он мог это делать до своего ученичества. Это познание дается ему именно благодаря его прозрению в сверхчувственный мир. Тот, кто еще не пришел к такому прозрению и по этой причине, возможно, наделен лишь предощущением бесконечно большей ценности сверхчувственных областей, – может недооценивать мир чувственный. Тот же, кто имеет это прозрение, знает, что, не пройдя через переживания в зримой действительности, человек окажется совершенно беспомощным в невидимой. Ведь для того, чтобы *жить* в этой последней, ему необходимо иметь способности и орудия для этой жизни. Но приобрести их он может только в видимой действительности. Он должен *видеть духовно*, если хочет, чтобы невидимый мир открылся для его сознания. Но способность видения в «высшем мире» развивается постепенно, через переживания в «низшем». Если глаза человеческого зародыша не образовались еще в материнском чреве, то он родится безглазым; так же невозможно и в духовном мире родиться с духовными глазами, не развив их предварительно в мире чувственном.

С этих позиций становится понятным и то, почему «порог» сверхчувственного мира охраняется «Стражем». Человеку ни в коем случае не может быть дозволено истинное прозрение в эти области до тех пор, пока он не приобрел необходимых для этого способностей. Поэтому каждый раз в момент смерти, когда человек, еще не способный к работе в ином мире, вступает в последний, на переживания, которые он может иметь в нем, набрасывается покров. Он увидит их только тогда, когда будет для этого зрел.

Когда духовный ученик вступает в сверхчувственный мир, жизнь приобретает для него совершенно новый смысл; он начинает видеть в чувственном мире почву для высшего. И в определенном смысле «высший» мир, не дополненный «низшим», начинает представляться ему ущербным. Перед ним открываются две перспективы: одна – в прошлое, другая – в будущее. Он устремляет взгляд в прошлое, туда, где еще не было этого чувственного мира, поскольку ученик давно освободился от того предрассудка, будто сверхчувственный мир развился из чувственного. Он знает, что сначала было сверхчувственное и все чувственное развилось из него. Он видит, что *до* своего прихода в чувственный мир он принадлежал к сверхчувственному. Но этот прежний сверхчувственный мир *нуждался* в прохождении через стадию чувственного. Его дальнейшее развитие без этого было бы невозможным. Сверхчувственный мир может лишь тогда продолжить свое развитие, когда внутри чувственного царства разовьются существа, обладающие соответствующими способностями. И существа эти – люди. Таким образом, люди, как сейчас они есть, вышли из несовершенной стадии духовного бытия и уже в пределах последней приводятся к тому совершенству, которое сделает их затем пригодными для дальнейшей работы над высшим миром. Здесь открывается перспектива в будущее. Она указывает на высшую ступень сверхчувственного мира. В нем созреют плоды, взращенные в чувственном мире. Чувственный мир как таковой будет преодолен, но все достигнутое в нем войдет в состав высшего.

Тем самым нам дается и ключ к пониманию болезни и смерти в чувственном мире. Смерть есть не что иное, как выражение того, что прежний сверхчувственный мир пришел однажды к той точке, на которой он не мог сам собой развиваться дальше. Всеобщая смерть для него сделалась бы неизбежной, если бы он не получил нового притока жизни. Так эта новая жизнь стала борьбой против всеобщей смерти. Из останков умирающего, застывающего в самом себе мира проросли ростки нового. Вот почему мы имеем в мире умирание и жизнь. И медленно одно переходит в другое. Отмирающие части старого мира продолжают цепляться за ростки новой жизни, которые из них же и вышли. Отчетливее всего это выражено в человеке. Как свою оболочку он несет то, что сохранилось от прежнего, древнего мира; и внутри этой оболочки образуется зародыш существа, которому суждено жить в будущем. Таким образом, он есть двойственное существо – смертное и бессмертное. Смертное находится в своей конечной стадии, бессмертное же – в начальной. И лишь *внутри* этого двойственного мира, находящего свое выражение в физически чувственном, усваивает человек способности, необходимые для того, чтобы привести мир к бессмертию. И задача его в том, чтобы из самого смертного он смог извлечь плоды для бессмертного. Взирая, таким образом, на свое существо, каким он его сам построил в прошлом, он должен сказать себе: «Я несу в себе элементы отмирающего мира. Они работают во мне» и лишь постепенно смогу я сломить их власть с помощью вновь оживающих бессмертных сил». Так путь человека пролегает от смерти к жизни. Если в свой смертный час он мог бы, находясь в полном сознании, обратиться к себе, он бы сказал: «Умирающее было моим наставником. То, что я умираю, есть последствие всего прошлого, с которым я тесно связан. Но поле смертного взрастило во мне ростки бессмертного, и именно их я уношу с собой в иной мир. Если бы все сводилось к одному только прошлому, то я вообще никогда не мог бы родиться. Жизнь прошлого завершена рождением. Жизнь в чувственном мире отвоевана у всеобщей смерти благодаря новому зачатку жизни. Время между рождением и смертью есть лишь выражение того, сколь многое новая жизнь смогла отвоевать у отмирающего прошлого. И болезнь есть не что иное как продолжающееся действие отмирающих частей прошлого».

Исходя из всего вышесказанного мы получаем ответ на вопрос о том, почему человек лишь постепенно, через заблуждения и несовершенства, прокладывает свой путь к истине и добру. Его поступки, чувства и мысли вначале подвластны преходящему и отмирающему. Из этого образованы его чувственно-физические органы. Поэтому сами эти органы и все, что главным образом побуждает их к деятельности, обречено на гибель. К области непреходящего относятся не инстинкты, вожеления, страсти и т. д. и соответствующие им органы; непреходящим становится лишь то, что является результатом деятельности этих органов. Только выработав на основе преходящего все то, что следует выработать, человек сможет оторваться от той основы, из которой он вырос и которая находит свое выражение в физически чувственном мире.

Таким образом, первый «Страж порога» являет собой подобие человека в его двойственной природе, состоящей из преходящего и непреходящего. И по его облику можно обнаружить, чего недостает еще для создания возвышенного светлого образа, который вновь обретет возможность обитать в чистом духовном мире.

Благодаря «Стражу порога» для человека становится наглядной вся степень спутанности его физически чувственной природой. Эта спутанность проявляется прежде всего в наличии инстинктов, влечений, вожелений, эгоистических желаний всех видов, своекорыстия и т. д. Она выражается и в принадлежности к расе, народу и т. д., так как народы и расы суть только различные ступени развития на пути к чистому человечеству. Раса или народ стоят тем выше, чем совершеннее их представители выражают собой чистый, идеальный тип человека, чем больше они развили себя от физически преходящего к сверхчувственно непреходящему. Поэтому развитие человека путем перевоплощений во все более высоко стоящие народные и расовые формы есть процесс освобождения. В конце человек должен явиться в своем гармоничном совершенстве. Подобным же образом, совершенствованием является также и опыт прохождения через все более чистые формы нравственных и религиозных воззрений, поскольку любая нравственная ступень все еще содержит в себе, наряду с зародышами духовного будущего, страсть к преходящему.

В описанном «Страже порога» проявляется лишь результат истекших времен. Из зародышей будущего в нем содержится только то, что было вплетено в него за эти истекшие времена. Но человеку надлежит внести с собой в грядущий сверхчувственный мир все то, что он может извлечь из чувственного мира. Если бы он пожелал принести с собой лишь то, что было в его противоположении с прошлых времен, то он исполнил бы свою земную задачу лишь отчасти. Поэтому к «Малому Стражу порога» по истечении некоторого времени присоединяется еще и второй, «Великий Страж порога». Вновь опишем в повествовательной форме то, что происходит при встрече с этим вторым «Стражем порога».

После того, как человек узнал, от чего ему следует освободиться, путь ему преграждает возвышенный светлый образ. Трудно описать его красоту словами нашего языка. Эта встреча происходит тогда, когда органы мышления, чувствования и воления настолько отделились друг от друга, а также и относительно физического тела, что установление взаимосвязей между ними происходит уже не через них самих, а посредством высшего сознания, которое теперь совершенно выделилось из физических условий. При этом органы мышления, чувствования и воления делаются орудиями, подвластными человеческой душе, которая господствует над ними из сверхчувственных областей. Навстречу этой освобожденной от всех чувственных уз душе выступает второй «Страж порога» и говорит примерно следующее:

«Ты освободился от мира чувств. Ты завоевал право на отчизну в сверхчувственном мире. Отныне ты можешь действовать отсюда. Ты не нуждаешься больше для самого себя в физической телесности в ее теперешнем виде. Если

бы ты захотел приобрести одну лишь способность жить в этом сверхчувственном мире, то тебе больше не нужно было бы возвращаться в мир чувственный. Но взгляни на меня. Посмотри, как неизмеримо высоко стою я надо всем, что ты до сих пор сделал из себя. Ты достиг теперешней ступени своего совершенства благодаря способностям, которые ты мог развить в чувственном мире, пока еще был зависим от него. Но сейчас для тебя должно настать время, когда уже твои освобожденные силы продолжат работу над этим чувственным миром. Пока ты освободил лишь себя; но теперь, освобожденный, ты можешь содействовать освобождению и всех твоих спутников в чувственном мире. До сих пор ты стремился вперед как отдельная личность; стань теперь членом Целого, чтобы принести с собой в сверхчувственный мир не только себя самого, но и все то, что существует в мире чувственном. Некогда ты сможешь соединиться с моим образом, но я не могу быть счастливым до тех пор, пока существуют несчастные. Как отдельный освобожденный ты мог бы уже сейчас войти в царство сверхчувственного. Но тебе пришлось бы смотреть вниз на еще не освобожденных существ чувственного мира. И ты отделил бы свою судьбу от их судьбы. Но все вы связаны друг с другом. Все вы должны были спуститься в чувственный мир, чтобы вынести из него силы для высшего. Отделившись от них, ты злоупотребил бы силами, которые ты смог развить только в сообществе с ними. Если бы они не сошли вниз, то и ты не смог бы сделать этого; без них у тебя не достало бы сил для твоего сверхчувственного бытия. Эти силы, завоеванные тобою вместе с ними, ты должен теперь разделить с ними. Поэтому я закрываю тебе доступ в высшие области, пока ты не обратишь *все* приобретенные тобою силы на освобождение причастного к тебе мира. С тем, чего ты уже достиг, ты можешь оставаться в нижних областях сверхчувственного мира; но пред вратами в высшие стою я, как «Херувим с огненным мечом перед вратами рая», и буду преграждать тебе вход до тех пор, пока у тебя еще есть силы, оставшиеся без применения в мире чувственном. Если ты сам не захочешь применить их, то придут другие, которые сделают это; тогда высокий сверхчувственный мир вберет в себя все плоды чувственного; у тебя же из-под ног уйдет почва, с которой ты сросся. Развитый, очищенный мир оставит тебя позади. Ты будешь исключен из него. И путь твой будет «*черным*»; те же, от кого ты отделился, идут «*белым*» путем».

Так возвещает о себе «Великий Страж» порога вскоре после встречи посвященного с первым Стражем. Но посвященный знает совершенно точно, что его будет ждать, если он последует соблазну преждевременного пребывания в сверхчувственном мире. Неопишное сияние исходит от второго Стража порога; соединение с ним стоит перед созерцающей душой как далекая цель. Но в то же время возникает уверенность в том, что соединение окажется возможным только тогда, когда посвященный обратит на дело освобождения и спасения мира все силы, притекающие к нему из этого мира. Если он решится последовать требованиям высокого светлого образа, то он сможет содействовать освобождению человеческого рода. Он принесет свои дары на жертвенный алтарь человечества. Если же он предпочтет этому свое собственное преждевременное восхождение в сверхчувственный мир, то человечество в своем развитии опередит его. После своего освобождения он не сможет больше черпать для себя из чувственного мира никаких новых сил. Если же он решит продолжить в нем свою работу, то это будет возможно только при отказе от извлечения какой-либо пользы для себя из области своей будущей деятельности. Но нельзя сказать, что, будучи поставлен перед таким выбором, человек естественным образом изберет «белый» путь. Это всецело зависит от того, будет ли он в момент выбора уже настолько чист, чтобы никакие эгоистические мотивы не сделали для него заманчивыми соблазны блаженства, поскольку эти соблазны превосходят все те, какие только можно помыслить. На другом же пути, собственно говоря, нет никаких соблазнов. Здесь ничто не вторит эгоизму. Приобретаемое человеком в высших областях сверхчувственного не есть нечто притекающее к нему, а напротив – то, что от него же и исходит: любовь к окружающему его миру. На «черном» пути человек не испытывает недостатка в том, чего требует эгоизм. Напротив, плодом этого пути является именно полнейшее удовлетворение эгоизма. И если кто-то ищет блаженства только для себя, то он непременно пойдет «черным путем», потому что этот путь будет для него наиболее подходящим. Поэтому никто не должен ожидать от оккультистов «белого» пути каких-либо указаний, способствующих развитию его собственного эгоистического «Я». До блаженства отдельного человека им нет никакого дела. Этого может каждый добиваться сам. Содействие этому не входит в задачу «белых» оккультистов. Их интересует лишь развитие и освобождение всех существ: людей и их спутников в этом мире. Поэтому они дают только те указания, которые позволяют развить силы для содействия этому делу. По той же причине они ставят самоотверженную преданность и готовность к жертве выше каких-либо других способностей. Они никому не отказывают прямо, потому что и самый эгоистичный человек может очистить себя. Но тот, кто ищет чего-либо только для себя, – пока он стоит на этом – ничего не найдет у оккультистов. Если они и не откажут ему в своей помощи, то такой человек сам лишит себя ее плодов. Поэтому тем, кто действительно следует указаниям благих учителей тайноведения, по переходе через порог станут понятны требования Великого Стража; тому же, кто не последует этим указаниям, нечего надеяться на то, что они когда-нибудь помогут ему достичь порога. Указания «белых» оккультистов ведут либо к добру, либо вовсе ни к чему не ведут, поскольку путь к эгоистическому блаженству, или же просто к жизни в сверхчувственном мире, лежит за пределами их задачи.

Последняя с самого начала обладает особенностью – не допускать ученика в надземный мир до тех пор, пока он не сможет вступить в него с готовностью к отдаче себя и к участию в общей работе.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ВОСЬМОМУ ИЗДАНИЮ

Описанный в этой книге путь к сверхчувственному познанию ведет к душевному переживанию, относительно которого необходимо особо отметить, что человек, стремящийся достичь его, не подвергается каким-либо иллюзиям и ложным представлениям. И в то же время возможность подобного самообмана в этой области не исключена. Одна из наиболее опасных ошибок возникает тогда, когда вся область душевной жизни, о которой идет речь в истинно духовной науке, понимается настолько искаженно, что бывает отнесена к суевериям, визионерским иллюзиям, медиумизму и другим выродившимся формам человеческих устремлений. Причина подобных заблуждений часто кроется в том, что людей, исходящих в своих поисках пути к сверхчувственной действительности из мотивов и побуждений, чуждых истинному стремлению к познанию, и неизменно впадающих вследствие этого в вышеозначенные заблуждения, путают с теми, кто идет путем, изображенным в этой книге. То, что переживается человеческой душой на этом пути, протекает исключительно в области душевно-духовного опыта. Это становится возможным только благодаря тому, что человек может также и в отношении иного внутреннего опыта сделать себя настолько свободным и независимым от жизни тела, каким он бывает только в состоянии обычного сознания, находясь в котором он создает мысли о воспринятом извне или же о том, что он внутренне переживает в своих ощущениях, желаниях, проявлениях воли, но таким образом, что *мысли* отправной своей точкой имеют все же не эти восприятия, чувства и желания. Есть люди, с недоверием относящиеся к самой возможности существования подобных мыслей; они утверждают, что человек совершенно не способен мыслить о том, что он не вынес либо из восприятий, либо же из внутренних переживаний, обусловленных телесными процессами. И что все мысли – теневые образы восприятий или внутренних переживаний. Люди склоняются к подобным убеждениям только по той причине, что им не удалось развить в себе способности душевно переживать чистую, довлеющую себе жизнь мыслей. Но человек, имевший подобное переживание, уже из личного опыта знает, что каждый раз, когда в душевной жизни начинает преобладать *мышление*, человек включается в деятельность, *не предполагающую участие* тела в той мере, в какой *мышление* пронизывает собой другие душевные отправления. В обычной душевной жизни к мышлению так или иначе примешиваются и другие душевные отправления: восприятие, чувствование, воление и т. д. В основе их лежит деятельность тела, но в них всегда присутствует и мышление. И в той мере, в которой это присутствие выражено, в человеке и через человека совершается нечто, в чем его тело уже не принимает участия. Люди, оспаривающие этот факт, не могут освободиться от заблуждения, возникающего по той причине, что деятельность мышления ими видится в неразрывной и постоянной связи с остальными душевными отправлениями. Но и в самом внутреннем переживании можно достичь той интенсивности, чтобы суметь познать мыслительные процессы внутренней жизни взятые сами по себе, в их изолированности от всех прочих душевных процессов. Из всей душевной жизни можно выделить нечто, состоящее из довлеющих себе *чистых* мыслей, из которых исключено все, что привносится восприятием и телесно обусловленной внутренней жизнью. *Подобные* мысли выявляются через самих себя же, через то, что они суть как духовное, сверхчувственно-сущностное. Душа, соединяющаяся с подобными мыслями таким образом, что на время этого соединения ею отстраняется любое восприятие, любое воспоминание, любое иное внутреннее переживание, знает, что вместе с мышлением она в течение этого времени находится в сверхчувственной области и переживает себя находящейся вне тела. У того, кто прозревает в истинное положение вещей, больше не возникает вопроса: «Возможно ли не зависящее от тела переживание души в сверхчувственной сфере как таковое?» Такой вопрос означал бы для него отказ от того, что ему известно из опыта. Он, скорее, задаст другой вопрос, а именно: «Что является для людей препятствием к признанию этого несомненного факта?» Ответ он находит в том, что факт, о котором здесь идет речь, не обнаруживается, если человек еще не пришел к такому душевному строю, который позволил бы ему воспринять это откровение. Совершенно естественно, что в людях пробуждается недоверие, когда им приходится проявлять душевную активность с тем, чтобы им открылось нечто, по своей природе совершенно не зависящее от них. Люди склонны бывают думать, что поскольку они сами должны подготовиться к принятию откровения, то в таком случае содержание этого откровения ими же и создается. Они хотят иметь дело только с тем опытом, для приобретения которого от них не требуется никаких усилий и по отношению к которому они могут оставаться совершенно пассивными. Если же вдобавок ко всему они еще и не знакомы с элементарными требованиями научного подхода к вещам, то в душевном содержании или проявлении, при котором душа низводится ниже ступени сознательной деятельности (нормальная ступень предполагает наличие чувственных восприятий и свободы действий), они усматривают объективное проявление не-чувственно-сущностного. Подобное содержание души есть визионерское переживание, медиумическое откровение. Но то, что

проявляется через эти откровения, есть не *сверхчувственный*, а подчувственный мир. Сознательная, бодрственная жизнь человека не протекает всецело *в теле*; наиболее сознательная часть этой жизни протекает главным образом на границе между телом и внешним физическим миром. К ней относится жизнь восприятий, при которых то, что происходит в органах чувств, можно с равным успехом рассматривать и как проникновение внетелесных процессов в сферу тела или же как выход телесных процессов во внешнюю сферу. К этому же относится и жизнь воли, основанная на выборе существом человека такой позиции по отношению к сущности мира, что происходящее в человеке как результат его воления можно рассматривать в то же время и как часть мирового процесса. В этом душевном переживании, протекающем на границе телесной сферы, человек во многом зависит от своей телесной организации; но в эти переживания вовлекается мыслительная деятельность, и в той мере, в какой это происходит, человек делает себя независимым от тела в своем чувственном восприятии и волеии. В противоположность этому в визионерских переживаниях, в состояниях медиумического характера человек впадает в полную зависимость от тела. Он исключает из своей душевной жизни тот элемент, который в восприятии и волеии может сделать его независимым от тела. Как результат этого, содержание души и душевные проявления полностью сводятся к откровениям телесной жизни. Визионерские переживания и медиумические явления суть следствия того, что человек в душевных переживаниях и проявлениях подобного рода менее свободен от тела, чем при обычном процессе восприятия или воления. При описанном в данной книге переживании сверхчувственного, направление, в котором развивается душевная способность переживания, диаметрально противоположно тому, что имеет место при визионерских и медиумических явлениях. Душа постепенно делает себя более свободной от тела, чем в обычной жизни восприятий и воли. Она приобретает ту независимость, которая достижима при переживании чистых, довлеющих себе мыслей, – что позволяет развить более широкую деятельность души.

Для того, чтобы сверхчувственная деятельность души могла проявиться, чрезвычайно важно прийти к ясному пониманию чистого мышления. В сущности, это переживание как таковое уже есть сверхчувственная деятельность души, но при этом само сверхчувственное пока еще не созерцается. Находясь в чистом мышлении, мы уже живем в сверхчувственном, но сверхчувственно мы переживаем пока только *это* чистое мышление; никаких других переживаний сверхчувственного характера мы пока не имеем. Сверхчувственное переживание должно быть, собственно, продолжением того душевного переживания, которое может быть достигнуто в соединении с чистым мышлением. Поэтому и столь важно суметь верно пережить это соединение, поскольку из понимания этого излучается свет, который может привести к прозрению в сущность сверхчувственного познания. Как только душевное переживание опускается ниже ступени ясного сознания, на которой только и проявляется мышление во всей полноте, то душа сбивается с пути познания сверхчувственного мира и вовлекается в сферу притяжения телесных процессов; тогда ее переживания и проявления являются не откровениями сверхчувственного мира, а откровениями телесности, идущими из сферы подчувственного мира.

Когда душа проникает в область сверхчувственного, она приходит к переживаниям такого рода, для которых уже не так легко найти словесное выражение, как для переживаний, относящихся к области чувственного мира. При описании сверхчувственных переживаний необходимо ясно осознавать, что дистанция, отделяющая словесное выражение от отображаемой действительности, более велика, чем в том случае, когда переживания имеют место в физическом мире. Поэтому необходимо отдавать себе отчет в том, что многие из используемых выражений лишь отдаленно и в образной форме намекают на те явления, которые они должны отобразить. Так, к примеру, на стр. 22 этой книги сказано: «Издревле все наставления и правила духовного знания даются на символическом языке знаков». Далее, в тексте (стр. 53) говорится об определенной «системе письмен». Вполне естественно, что у читателя может возникнуть желание изучить это письмо таким же образом, каким изучают буквы и их сочетания в письме, передающем обычную речь. В ответ на это нужно заметить, что существовали и по сей день существуют духовнонаучные школы и братства, сохранившие значения символических знаков, посредством которых они дают выражение сверхчувственным событиям. Человек, посвященный в смысл и значение этих символов, владеет средством, помогающим ему обратить свои душевные переживания в сторону тех сверхчувственных реальностей, о которых здесь идет речь. Но более существенным условием для достижения сверхчувственного переживания скорее является то, чтобы во время подобного переживания сверхчувственного, которое может быть достигнуто душой через реализацию в себе всего того, что несет в себе эта книга, душа, созерцая сверхчувственное, получила откровение относительно подобного письма из собственного опыта. Сверхчувственное сообщает душе нечто, что прежде она должна перевести на язык символических знаков с тем, чтобы суметь вполне сознательно вникнуть в это. К сказанному можно прибавить: то, о чем сообщается в этой книге, *может* быть осуществлено каждым. Описанные результаты проявляются в процессе реализации этого знания, направления которой определяются самой же душой в соответствии с приведенными выше указаниями. И поэтому подобную книгу нужно принять как разговор, который автор ведет с читателем. И если было сказано: «Духовный ученик нуждается в личном водительстве», то сама же эта книга и может быть воспринята как такое личное водительство. В прежние времена имелись основания к тому, чтобы право на подобное водительство сохранялось лишь за устной эзотерической передачей; сейчас же мы находимся на той ступени человеческого развития, на которой духовное знание должно получить более широкое распространение. Оно должно стать несравненно более доступным каждому, чем в прежние времена. В силу этих соображений на место прежнего устного водительства теперь приходит книга. Вера в то,

что помимо сообщенного в книге необходимо еще и личное водительство, имеет только относительные основания. Правда, кому-то может понадобиться и личная помощь, которая окажется для него исключительно ценной. Но мысль о том, что в этой книге опущено что-то самое существенное, неверна и ведет к заблуждению. Это существенное может быть здесь найдено, но лишь при верном и *доскональном* прочтении.

Может сложиться впечатление, будто приведенные в этой книге указания ставят своей целью полное и радикальное преобразование всего человека. Но тот, кто сумеет верно оценить их, обнаружит, что они стремятся донести до читателя только то, каким должен быть душевной строй и уклад в те мгновения жизни, когда человек поворачивается лицом к сверхчувственному миру. Описанные строй и уклад души человек развивает в себе как свое второе существо; но и первое его здоровое существо продолжает при этом жить и развиваться прежним образом. Человек должен уметь, находясь в полном сознании, как различать их, так и устанавливать между ними правильное взаимодействие. Поступая так, он не делается непригодным или неспособным к жизни, не утратит к ней интереса, не будет «денно и ночью исследователем духа». С другой стороны, конечно, нельзя не заметить, что переживания, вынесенные из духовного мира, прольют свет на все существо человека, но это выразится не в том, что они будут отвлекать его от жизни, но в том, что человек благодаря им сможет стать гораздо более деятельным и результативным. Если же, тем не менее, произойдет обратное, то это можно объяснить тем, что каждый раз процесс познания, направленный на сверхчувственное, безраздельно захватывает всего человека, овладевает им настолько, что в тот момент, когда человек вовлекается в этот процесс, он уходит в него всем своим существом. Если процесс восприятия цвета касается *исключительно* глаз и нервов, то процесс сверхчувственного познания, напротив, требует участия всего человека: последний как бы целиком становится воспринимающим «глазом» или «ухом». Поэтому, характеризуя процесс сверхчувственного познания, говорят о полном преобразении человека; при этом подразумевается, что обыкновенный человек еще не есть истинное. Он должен полностью преобразиться.

К сказанному на стр. 78 в главе «О некоторых последствиях посвящения» я хотел бы добавить то, что – с некоторыми оговорками – может быть отнесено и к другим главам этой книги. Читатель может прийти к мысли: «Чему служит подобное описание образных форм сверхчувственного переживания? Нельзя ли было описать эту жизнь в идеях, не прибегая к подобной наглядности?». На это нужно ответить: при переживании сверхчувственной действительности не следует упускать из виду того обстоятельства, что в сверхчувственном человек и осознает себя как сверхчувственное существо. Оставляя без внимания свое сверхчувственное существо, реальность которого делается вполне очевидной исходя из приведенного здесь описания «цветков лотоса» и «эфирного тела», человек переживал бы себя в сверхчувственном так же, как он мог бы переживать себя в чувственном мире, наблюдая предметы и явления, но ничего не зная о своем собственном теле. Тот факт, что он в своем «душевном теле» и в «эфирном теле» созерцает свой сверхчувственный облик, делает для него возможным осознание себя в сверхчувственном, подобно тому, как он приходит к самосознанию в физическом мире через восприятие своего физического тела.